

Борис Львович Васильев

Князь Святослав

by Ustas; Spellcheck by Evridika
<http://www.pocketlib.ru>
«Васильев Б.Л. Князь Святослав:
роман»: Вагриус; Москва; 2006
ISBN 5-9697-0240-4

Аннотация

Князь Святослав — четвертый роман в цикле известного писателя Бориса Васильева о правителях Древней Руси.

Сын княгини Ольги и князя Игоря вошел в историю как отважный воин, победивший хазар, успешно воевавший с Византией и

присоединивший к Великому Киевскому княжеству множество земель.

Автор не ограничивается описанием подвигов Святослава, его герой – личность трагическая, испытавшая и нелюбовь матери, и предательство друзей. Мучительные раздумья о судьбе родной земли не покидали его вплоть до случайной и загадочной гибели.

Борис Васильев
Князь Святослав

Часть первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Вряд ли еще какому-либо наследнику престола к пятилетию выпадала в подарок война. Самая настоящая. С вооруженной до зубов дружиной, с ревом боевых труб, согласным

ударам мечами о щиты и великокняжеским стягом впереди. Вся детская душа Святослава радостно пела незатейливый и торжествующий гимн:

— Я иду на вас! Я иду на вас!..

А потом впереди показались вооруженные люди, и кто-то большой, которого маленькому Святославу матушка велела слушаться, произнес:

— Мечи копье, княжич!

И он метнул свое детское копьецо меж настороженных ушей собственного коня. И оно вонзилось в землю перед вооруженными врагами...

— Это знак!.. — закричал заросший волосами старик. — Это добрый знак для будущего великого воина!..

— Слава великому князю Святославу!.. — разом взревели дружинники. — Слава! Слава! Слава!..

И то, что славят именно его — и верилось, и не верилось. Ведь до этого дня Святослав долго, так долго, что и в памяти почти не

осталось, жил на женской половине великокняжеского дворца. Точнее, это было левое крыло огромного помещения, где обитали женщины и дети. Он носил девичье платье и маленькие сапожки из оленьей кожи. Даже и не сапожки — на них он еще не имел права, а легкие туфельки, какие носили его подружки — девочки. Только более мягкие и с большими яхонтами на мысках. Его мать, великая княгиня Ольга, сама кормила его грудью до года, а потом ее сменили сразу две кормилицы, и его окрепшее детское тело стало настолько тугим, что отталкивало пальцы нянек, когда они, играя, пытались его ущипнуть... — Его тельце, как желудь, великая княгиня!

Потом — Святослав это помнил смутно — стал появляться большой мужчина. От него пахло кожей, лошадьми (он знал их запах, его катали на санках зимой) и чем-то еще. Он не боялся этого мужчины, но испытывал какой-то странный, волнующий трепет. И смело садился

на его колени. А дальше начиналась игра: его катали на колене, неожиданно подбрасывая. Сначала он вздрагивал, а потом понял, что страшиться нечего: его обязательно поймают сильные, уверенные руки. Но лучше всего он запомнил запах. Тот самый («что-то еще»), который, став взрослым, стал излучать сам. Запах боя. Полусмертный, несказанно азартный запах сражения, когда оглядка не вовремя или одно неудачное движение могут оказаться последними.

А потом последовал очень длинный и прекрасный праздник.

И еще ему помнился день, начавшийся с прихода другого мужчины. От него пахло лошадьми, но и только. Вошедший присел перед ним на корточки, взял за плечи, улыбнулся и сказал:

— Вот ты и притопал ножками к первому шагу. Дальше будешь шагать, а не топать. Я твой дядька Живан, так меня и зови.

Дядька приказал женщинам принести одежду. Затем наточил бритву,

усадила Святослава спиной к солнцу и старательно выбрил дочиста его голову, оставив только детский кудрявый чуб. Потом сам одел его. Штаны, сапожки, рубашку и княжеское корзно, расшитое золотой вязью. Перепоясал маленьким, но настоящим мечом и сказал:

— Он готов, великая княгиня. Веди!

Вошла матушка в тяжелом парадном платье с мечом на поясе. За нею следовала ближняя боярыня, его пестунья. Они взяли мальчика за руки и повели к выходу из княжеского дворца во внутренний двор. И матушка сказала:

— На крыльце тебя встретит твой покровитель великий воевода Свенельд. Он скажет: «Здравствуй, княжич Святослав!» и поцелует в оба плеча. Ты ответишь: «Здрав буди, великий воевода Свенельд!» Запомни. Потом он посадит тебя в седло, возьмет коня под уздцы и медленно проведет по кругу. Не держись за гриву, держи в руках поводья. И не бойся, тебя подхватят отроки, если не

удержишься в седле.

— Я не боюсь, — сказал он.

Странно, но он и вправду ничего не боялся. Ни темноты, ни

одиночества, ни зверей, ни людей.

Место страха с самого раннего

детства заняло в нем чувство

настороженности, предупреждавшее

об опасности. Это чувство

свойственно крупным хищникам, но

каким-то неведомым образом оно

по-хозяйски разместилось в душе

мальчика, единственного наследника

Великого Киевского Стола.

Он исполнил повеление матушки в

точности. Сказал: «Здрав буди,

великий воевода Свенельд!» — и

пошел за ним. Воевода посадил его

в седло, тихо предупредив:

— Поводья из рук не выпускай.

И Святослав держал в руках

поводья, пока великий воевода

Свенельд вел под уздцы его коня по

кругу, показывая боярам и особо

выделенным дворянам внука самого

Рюрика, как еще до его появления

громко возвестил глашатай. И

только после обряда «Посаждения на

коня» дядька Живан за руку торжественно перевел пятилетнего крепыша из женского крыла великокняжеского дворца в крыло правое. В мужской одежде, с настоящим мечом на поясе и в красном княжеском корзно на плечах.

Они прошли через внутренние двери в огромную палату, дубовые стены которой были сплошь увешаны разным оружием.

— Здесь мы с тобой, княжич, вместе будем учиться отражать удары и наносить их... — начал было дядька, но тут же примолк, так как неожиданно громко заревела труба. — Трубят поход!..

Живан опять схватил мальчика за руку и полутемными переходами, где на каждом повороте стоял вооруженный воин, провел к выходу внешнему. Стражники распахнули тяжелые дубовые двери настежь, и Святослав с дядькой вышли на площадку перед дворцом, где их ожидал небольшой конный отряд с трубачом под красным княжеским

стягом.

— На ратный труд, княжич!

Дядька ловко вскочил в седло, подхватил Святослава, усадил его перед собою и махнул рукой:

— На ратный труд, молодцы!..

И они поскакали к дружине, которая стояла за южными воротами города Киева. При его приближении дружинники вырвали мечи из ножен и трижды ударили ими о щиты.

— Будь здоров, княжич Святослав, внук великого Рюрика! Хвала и слава великому князю!

— Веди нас, княжич Святослав! — крикнул Живан.

Святослав не помнил, когда и каким образом в его руке оказался маленький дротик. Помнил, что они въехали в лес, потому что дядька Живан отводил ветки рукой прямо перед его лицом и мешал смотреть. А потом впереди оказалась большая поляна, на которой в конном строю стояли вооруженные люди. И дядька Живан закричал:

— Мечи дротик, княжич! Постоим, молодцы, за землю Киевскую!

Святослав бросил дротик вперед, меж конских ушей, и тот, пролетев совсем немного, вонзился в землю. — Добрый знак!.. — закричали дружинники. — Добрый знак нам подан!..

Оба конных отряда поскакали навстречу друг другу. Раздался звон мечей, показавшийся мальчику очень веселым, крики, шутки, смех... Вот такой оказалась его первая битва. Звонкой, радостной, шумной и, самое главное, победной. Об этом ему сказал сам великий воевода Свенельд, когда принимал его после сражения в своем шатре. И маленький Святослав, впервые в этот день, сменивший девичье платье на штанишки, сладко уснул на сильных руках великого воеводы во время пира победителей...

2

Целый год взрослые мужчины играли с ним в странную и совершенно непонятную игру. Как он должен

сидеть, где стоять, как ходить. Он все делал молча, очень серьезно и очень послушно, будто понимал, как важен отработанный этикет для великого князя. Когда утомлялся, тут же звали двух мальчиков, которые должны были играть с ним. Но он не играл. Он сосредоточенно смотрел, как играют приемыши его матушки Сфенкл и Икмор, и заставить его улыбнуться еще никому не удавалось.

Это настораживало великую княгиню Ольгу. Она наблюдала за шумными играми мальчишек, следила за внимательными, всегда чуточку настороженными глазами сына и вздыхала:

— Почему он такой вялый?

— Не тревожь себя понапрасну, великая княгиня, — улыбался Живан. — Когда он сидел передо мною в седле, и мы поскакали в битву, он смеялся, размахивал своим детским мечом и изо всех сил кричал: «Иду на вы!..».

— Ты считаешь, что с моим сыном все в порядке?

— В твоём сыне зреет и наливаются невиданной силой завтрашний богатырь. Он будет великим воином!

— Он запоминает все с первого показа, — говорил старый боярин, обучавший Святослава всем премудростям великокняжеского поведения. — Такого я не видывал много лет... Да что — лет! Такого я вообще не видывал.

Так прошел год. Святослава неторопливо готовили к трону, учили принимать послов и знатных людей чуть ли не со всей Европы. В шесть лет его дядька Живан начал знакомить очень серьезного и не улыбочивого княжича с повадками коня, с тем, как надо ухаживать за ним и сбруей. Это уже не было началом обучения воина, а потому требовало примера. Неважно какого — положительного или отрицательного. Как тот, так и другой учат наглядно. Особенно в раннем детстве. И оба внука Зигбьерна стали встречаться со Святославом каждый день, потому что тоже осваивали воинское

мастерство под началом опытного
воина Живана.

Сначала им показывали, как седлать
и расседлывать деревянных коней,
которых мастера сотворили в
натуральную величину, снабдив для
большей наглядности оскаленными
мордами. Три таких коня
возвышались в учебной зале дворца
рядом с тремя их копиями, но без
ног, чтобы юные ученики могли
доставать до спины. Потом начались
занятия уже с конями настоящими.
И, наконец, — сама верховая езда.
Великая княгиня сама была отличной
наездницей, разбиралась и в конях,
и в посадке и требовала посуровее
гонять на препятствиях.

— Упавший дружинник — уже не
воин! — и, присмотревшись к сыну,
добавила: — Святослав, да ты уже
умеешь все, что нужно вождю
дружины. Пора готовиться к заботам
великокняжеским.

Этому предшествовал напряженный и
неприятный для нее разговор.

Состоялся он в личных покоях
великой княгини, куда дозволено

было приходить без ее соизволения только одному Свенельду, ее соправителю. В этот раз она вызвала великого воеводу гонцом.

— Ты звала меня, великая княгиня?

— Как ведет себя боярин Асмус, Свенельд? — спросила Ольга, и взгляд ее был неспокоен. — Что сообщают о нем твои личные соглядатаи?

— Он никуда не отлучается, кроме верховых прогулок. Даже на охоту.

— Ты уверен?

— Вполне. Почему ты вдруг вспомнила о нем?

— Потому что Святослав растет, а вместе с ним растут и его уши. Твой Живан, которого ты вовремя пристроил дядькой, так и не смог вызвать мальчика на откровенный разговор. По его словам, Святослав закрыт, как добрый византийский ларец.

— Мне это нравится, — улыбнулся Свенельд. — Из него растет настоящий...

— А мне — нет! — резко оборвала великая княгиня. — При княжеском

дворе всегда достанет доброхотов, готовых поведать ребенку...

И неожиданно замолчала, крепко, в ниточку сжав губы.

— Что поведать? — тихо спросил воевода.

— Правду!

— Ты стала бояться правды?

— Славяне давали роту покорности князю Рюрику. Даже мой отец, князь Олег, прозванный Вещим, назывался только правителем славян.

— Однако это не мешало жить ни ему, ни тебе. Князю Игорю пришлось отравить его, чтобы наконец-то прорваться к Великокняжескому Столу.

— Мы, русы, лишь чистая река в океане славян. Рано или поздно эта река иссякнет, Свенельд.

— Я наполовину славянин. Может быть, поэтому я никак не возьму в толк, чего ты боишься.

— Единого восстания славян, мой великий полуславянский воевода.

— Они привыкли опасаться моих мечей.

— Никаких мечей не хватит, чтобы

примучить все славянские племена. Их — тьмы темь. Они уйдут в леса, а мужчины с дубинами перекроют все наши дороги. И поставят крепкие заставы у Днепровских порогов. Свенельд помолчал. Усмехнулся невесело:

— И поэтому ты настойчиво просишь меня отказаться от собственного сына.

— Не поэтому, Свенди, — горько вздохнула великая княгиня. — Только во имя спасения всего Великого Киевского княжества. Только во имя его.

— И во имя спасения ты вспомнила об Асмусе?

— Наш сын должен быть Великим князем. Великим! И никто лучше Византии не знает, что такое величие.

— Если величие не опирается на меч, это — соломенное величие. Славяне на масленицу изготавливают их во множестве. А потом сами же и сжигают с песнями, хороводами, плясками и хохотом.

— Ты опояшешь это величие мечом и

наполнишь силой, Свенди. Ты, самый великий из воевод.

— Но мой воспитанник будет слушать ромея, моя королева, — улыбнулся Свенельд. — А византийский мед легче проникает в душу, нежели грубый звон мечей и вопли дружинников.

— Тебе мало того, что ты — мой соправитель?

— Я гоняюсь за славой только на поле битвы.

— Тогда почему ты так насторожился, когда я спросила, как ведет себя византийский дворянин Асмус?

— Я не доверяю ромеям и не скрываю этого. Ты это знаешь, моя королева.

— А я хочу, чтобы Святослав был воистину великим князем и великим воином. Первого сделает ромей, второго — ты.

— Ты права, как всегда.

Свенельд поклонился, полагая, что сказано все и ему пора удалиться.

— Подожди, мой воевода, — вдруг тихо, мучительно тихо сказала

Ольга.

— Что с тобой? — обеспокоено спросил он.

— Неосторожность. — Она попыталась улыбнуться, но улыбка не получилась. — У нас будет ребенок, Свенди.

— Ребенок?.. — полководец растерянно заулыбался. — Это же... Это же прекрасно...

— При мертвом муже?..

Великая княгиня горько усмехнулась и, не прощаясь, вышла из личных покоев.

3

Весь день Свенельд мучился от случайно сорвавшейся фразы. Он обидел любимую женщину, обидел грубо, ударив в самое сердце. Отлично изучив характер Ольги, он знал, что сегодня на ее глаза попадаться не следует, нужно выждать хотя бы сутки, но завтра к вечеру...

А на следующий день в усадьбу

Свенельда прибыл доверенный дворянин князя Мала Сбойко. И событие, о котором он поведал, затмило все личные ссоры и обиды. Древлянский князь Мал выехал на шумную княжескую охоту вместе со своим зятем, сыном Свенельда, прозванным Лютом Свенельдычем. Неделю лесные дебри вокруг столицы древлян сотрясал глас охотничьих рогов и труб, отмечавших каждого убитого охотниками зверя. Все шло, как заведено, а заведено было, что Отрада, приемная дочь князя Мала, всегда встречала его на пристани, к которой причаливали ладьи охотников.

Это была парадная встреча. На ней присутствовали все приближенные, но в центре непременно стояла Отрада в белом платье и богатом убранстве. Князь Мал, не осчастливленный родными детьми, души в ней не чаял.

Только на сей раз Отрада не смогла исполнить этого обычая. Она последние дни носила ребенка, и вторые роды обещали быть куда

труднее первых.

— Богатыря носит! — радовался Мстиша Свенельдыч. — Ворожея ей нагадала, что великого богатыря родит.

Прийти Отрада не могла, но, чтобы отец не огорчился, послала вместо себя подружку, сенную девушку, ростом и статью напоминающую свою госпожу, повелев ей надеть княжеское платье и княжеское уборочье.

И князь Мал, увидев в центре принаряженной девичьей группы знакомую фигурку, и впрямь очень обрадовался. Закричал что-то веселое, пришпорил коня, замахал руками...

В этот момент из зарослей противоположного берега вылетела стрела. И вонзилась в грудь подружки Отрады чуть выше щедро расшитого нагрудника...

— Вот эта стрела, — сказал Сбойко, личный посланник князя Мала, протягивая Свенельду два обломка.

— Вятчи, — сказал воевода, внимательно осмотрев обломки. — Яд

был на острие?

— И очень сильный, — Сбойко вздохнул. — Неужто вятичи осмелились напасть на князя Мала? — Это всего лишь стрела вятичей, — повторил Свенельд и тоже вздохнул. — А вот руки, которые лук натягивали, вполне могут быть и из Киева. Вполне.

Он вдруг замолчал. Густые, с проседью брови его резко сошлись на переносице, и молчал он долго. Сбойко терпеливо ждал его первых слов.

— Князь Мал должен немедленно отправить Отраду с дочерью в Киев. Охрану я выделю на границе.

— Не гневайся, великий воевода, но это невозможно. Отрада неспраздна и не перенесет переезда. Именно так повелел мой князь передать его слова.

— Но пусть отправит хотя бы ее дочь под мою руку. Я вышлю навстречу не только добрый отряд, но и византийские носилки с балдахинном. И перекрою границу вятичей, хотя, непременно скажи

это своему князю, тетиву натягивала киевская рука. Выезжай немедля. Тебя накормят и дадут свежего коня.

Посланник князя Мала тут же выехал в Искоростень. А Свенельд повелел оседлать своего коня. И, никому не сказав ни слова, поскакал к Берсеню, последнему другу, совет которого он старательно взвешивал всякий раз.

К этому времени Берсень уже оставил думскую службу и никуда не выезжал. Он почти ослеп, кое-как передвигался по дому, скакал на старом, мудром мерине по утрам, а в Киеве больше не появлялся, объявив жестко и коротко:

— Слепой советник хорош только для слабых правителей, королева русов.

— Мне будет трудно без тебя, Берсень, — вздохнула великая княгиня.

— Я просил тебя взять на службу моего сына Неслыха. Это верный человек, способный распутывать любую пряжу и плести любую сеть.

— Я знаю его, но он редко

попадает на глаза.

— Зато все видит и слышит. Кроме того, у тебя есть Свенельд. Внук соправителя великого Рюрика Трувора Белоголового. У тебя, королева русов, два надежных защитника. Меч и ручная змея. Воеводу Берсень любил. Это же был его Свенди, друг детских игр в королеву русов.

— Ты прав, Свенди, — сказал он, внимательно выслушав гостя. — Это не вятичи. Это бояре Игоря, которые боятся Ольгу и тебя. И, думаю, больше всего — тебя, потому что стрела убивала сразу трех зайцев: жену твоего сына, князя Мала и тебя вместе с Мстишей Свенельдычем. Это киевская игра, а как далеко она зашла, и кто именно в нее играет, я постараюсь узнать. Кое-кто из старых знакомцев еще остался в гнилой тине киевских тайных замыслов. И потом...

Он вдруг замолчал.

— Что — потом? Почему ты замолчал, друг?

— Я думаю, друг.

— Малушу я спрячу у княгини Ольги, — сказал Свенельд. — Наша королева русов не очень-то жалует моего сына, но это — для киевской черни, которая орет на улицах, что князь Игорь должен быть отомщен.

— Поставь добрые дозоры на границе Древлянской земли, Свенди. Среди киевских бояр более чем достаточно верных сторонников Игоря.

— Дельный совет, друже. Я воспользуюсь им, только по-иному. Я попрошу об этой услуге черных клобуков. Им знакомы эти места, а их конница наглухо перекроет все дороги.

— Ты мудр, воевода. Ты всегда набирал больше всех кувшинок для королевы русов, — Берсень улыбнулся. — Ты мудр, а я многое знаю. Я знаю человека, которого зовут Неслыхом. Это мой сын, Свенди, ты его помнишь. Я пристроил его в окружение королевы русов, где он беззвучно живет на самом дне. И он знает, как прищучить самую зубастую щуку и закарасить самого жирного карася.

Неслых сам найдет тебя, когда будет нужно, и исполнит любой твой приказ.

— Прими мою благодарность, друг. Время куда тяжелее, чем ты себе представляешь.

Берсень улыбнулся. Потом вдруг протянул руки к лицу Свенельда и пальцами осторожно ощупал его лицо. И невесело вздохнул:

— У тебя появились две новые морщинки, Свенди. Тяжкий груз лег на наши с тобой плечи, но тебе досталась, пожалуй, самая тяжкая доля.

4

Кочевое тюркское племя каракалпаков (черных клобуков, как их называли в те времена) кочевало по степным окраинам Киевской Руси. Дальновидный Свенельд еще в начале своей воеводской службы великому киевскому князю не поленился объехать все пограничные кочевые племена, которые принесли роту на

верность. И не просто познакомился с их каганами, как, по примеру Хазарского каганата, именовались их племенные вожди, но и подружился с ними. Особенно теплые отношения у него сложились с каганом черных клобуков Карабашем. Это был славный витязь — сильный, веселый и бесстрашный. Он водил своих конников, помогая Свенельду и против тиверцев, и против угличей, и Свенельд не беспокоился ни за свой тыл, ни за свои фланги. Вот к нему-то и выехал воевода с почетной стражей и богатыми дарами на второй день после беседы с Берсенем. Только на подъезде к стойбищу его встретили усиленные дозоры всадников.

— Большая беда у нас, великий воевода, — сказал командир одного из дозоров. — Проезжие купцы из хазар занесли моровую язву. Сами померли и нашего кагана заразили вместе с женами и детьми. И каган повелел никого не допускать к его шатру, а когда все умрут, спалить их вместе с шатром и сняться с

этого места.

— Вся семья заболела?

— Один сын уцелел. В дальнем табуне был и заночевал там. Каган повелел тебе его отдать, великий воевода, чтобы ты увез его отсюда подальше.

— Где он?

— У костра. К родным рвется, но мои джигиты не пускают. Асланом зовут.

Так у Свенельда появился воспитанник. Выдержав его в одном из своих дальних поместий и убедившись, что зараза его не коснулась, воевода с согласия великой княгини перевез мальчика в загородный дворец, где жил княжич Святослав.

Только имя ему слегка изменили, переделав на славянский лад. И сын кагана черных клобуков стал Русланом.

Так маленькому наследнику Великокняжеского Стола судьба уготовила побратимов из трех сирот. Все они были старше княжича, но беспрекословно

исполняли любое его желание. И Святослав привык к этому. С раннего детства он привык только повелевать и командовать. И сохранил это на всю жизнь, так и не научившись властвовать.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Великая княгиня не находила себе места во всем огромном отцовском дворце. Служанки и рабыни, как серые мыши, испуганно разбегались при ее появлении, напуганные угрозами, что так и сыпались из ее уст. Они думали, что княгиня гневается на них, а она проклинала собственную судьбу, одарившую ее позором, который скоро невозможно будет скрыть.

Великая княгиня Ольга понесла при мертвом муже. Что делать? Что делать? ЧТО ДЕЛАТЬ?!

Она не знала. Обратиться к повитухе, подобно несчастным

девчонкам, согрешившим до венца? Но это невозможно, это немыслимо. На кону судьба самого Великого Киевского княжения, власть над которым должна принадлежать ее сыну. Только ее Святославу! А незначительная зараза, осложнение, и никакой великий воевода — даже Свенельд, его отец! — не сможет остановить борьбу боярских кланов за власть. К кому-то из них примкнут одни славянские племена, к кому-то — иные, и начнется такая замятия, что сметет с лица земли самих русов со всеми их отлично вооруженными и обученными дружинами.

Значит, выхода нет. Но... он должен быть, этот выход. Должен, иначе все рухнет. Все рухнет...

Ну зачем, зачем она тогда обидела Свенельда, выйдя из палаты и оставив его одного? Он обрадовался, как обрадовался бы каждый мужчина, это же так просто... А он ей нужен. Он умен, он наверняка найдет выход. То, что женщине кажется безвыходным,

решают полководцы, ибо они не умеют проигрывать. Свенельд не проиграл ни одной битвы...

И она отрядила доверенного гонца за Свенельдом. Только гонец вернулся ни с чем. Свенельд куда-то отправился с небольшой почетной стражей. Княгиня Ольга продолжала метаться по покоям, распугивая робкую челядь. Только верная Айри ходила за нею след в след, сжимая рукоять кривого печенежского ножа.

А потом как-то неожиданно, как-то вдруг великая княгиня успокоилась. Ходила плавно и неторопливо, не повышала голоса, не плакала тайком и улыбалась всем.

— Чудо?.. — шепталась дворня.

Не чудо то было, а природа.

Осознание того, что в ней теплится жизнь, что она в положенное время станет матерью, совершив действительное чудо. Единственное из чудес человеческих. И она терпеливо ждала Свенельда.

И воевода приехал в самое время.

Время принятия осознанных решений.

2

— Тебе нельзя рожать, моя королева.

— Советуешь не рожать?

— Посоветовал бы, но это невозможно. И ты знаешь, что это так.

— Почему же невозможно? — усмехнулась Ольга. — Так довольно часто поступают оплошавшие девчонки и множество неосторожных женщин.

— Ты не просто великая женщина. Ты — великая княгиня, королева русов, как тебя зовут на Западе. За тобой — тень твоего отца, который там, греясь у костров Вальхаллы, заботится о силе и процветании Киевского княжества.

— Торжественно, но не очень понятно. Рожать при мертвом муже? Что тогда станется с великим Киевским княжеством, мой воевода? У тебя не хватит сил, чтобы заткнуть глотки боярам и примучить

все славянские племена.

— Родить должна безымянная женщина. Не великая дочь Вещего Олега и владычица Киева, а лишь тень ее.

— Я не понимаю тебя, Свенди, — вздохнула Ольга. — Ты начал говорить загадками, что не к лицу великому воеводе.

— Я говорю так потому, что стараюсь нащупать выход. Из головы не выходит мысль о том, как нам спасти наше великое Киевское княжение, моя королева.

Великая княгиня тяжело вздохнула и привычно заходила по покоям, оглаживая пальцами оберег на груди. Потом сказала, не оглянувшись:

— Не щади меня, Свенди. Это не к лицу ни мне, ни тем более тебе.

— Ты права, как всегда. На окраине Новгородской земли есть женский скит. Там скрываются христианки, их всего семеро. Ты спрячешься у них, и они примут твои роды.

— И взамен потребуют, чтобы я ввела на Руси христианство? И мы

получим восстание...

— Мы ничего не получим, если ты возьмешь с них клятву молчания.

— Какую клятву? Я не знаю, как клянутся христиане.

— Спроси у греческого священника, которого ты дважды навещала.

— Не знаю, Свенди, не знаю, — озабоченно повторяла великая княгиня, продолжая ходить по покоям. — Оставить малолетнего сына, когда кругом враги, и ты каждое мгновение должен будешь скакать с дружиной им навстречу... И меня не будет в Киеве. И что скажут киевские бояре, когда я вдруг поеду в какое-то тайное христианское пристанище...

Свенельд улыбнулся:

— Ты поедешь не в скит. Ты поедешь обустроивать наши земли и даровать славянам права торговли и самостоятельного управления. А пока беременность незаметна, будешь править как обычно. Когда почувствуешь, что платья уже не могут скрыть тайну, объявишь, что отправляешься устраивать земли

славянские .

— А что скажет охрана, когда я вдруг поеду к этим христианкам? Им придется вырвать языки, Свенди.

— Охрану оставишь в Новгороде. Тебя будут сопровождать мои люди. Ты знаешь Неслыха?

— Знаю. Берсень лично попросил взять этого Неслыха на службу.

— Это верный человек. Он и проводит тебя в христианский скит.

— Меня проводит Айри. Это мой верный человек.

— Айри чужеземка. Ее запомнят все, и наша тайна перестанет быть тайной.

— А ребенок? Останется в монастыре? Я должна знать, где он будет... Это ведь наше дитя, Свенди.

— Неслых передаст его в добрую семью, где ребенка примут, как родного, будь то мальчик или девочка. А ты правь, как правила, моя королева, только не забудь узнать у священника, как клянутся христиане.

— Но я увижу его? Хоть раз...

— Узнай христианскую клятву, —

сурово сказал Свенельд и вышел из покоев.

И всегда сдержанная, даже суровая дочь Олега тихо заплакала, поняв, что никогда в жизни не увидит ребенка, которого вынашивала под сердцем.

3

Свенельд стремительно шагал по длинным полутемным дворцовым переходам. Он был недоволен собой, но иного и быть не могло. Великая княгиня никогда не увидит своего дитя, потому что двух претендентов на власть не могла выдержать еще неокрепшая Киевская земля. И он ясно дал понять это Ольге. Да, он причинил ей боль, но лучше рубить плеча, чем долго и мучительно резать живую плоть. И он навсегда, одним ударом оборвал пуповину собственного, еще не родившегося ребенка.

За поворотом неожиданно выдвинулась из коридорной тьмы

мужская фигура, и Свенельд сразу остановился, привычно положив руку на рукоять меча.

— Кто?

— Не гневайся, великий воевода, что пресек путь твой, — ответил тихий голос. — Но мой отец не велел мне часто мелькать пред очами. Мое имя — Неслых.

— Идем к свету, Неслых, — сказал воевода. — Я должен увидеть твое лицо.

Они молча дошли до перекрещения переходов, где было достаточно света, и шедший впереди Неслых остановился на самом освещенном месте.

Перед Свенельдом стоял худощавый, среднего роста мужчина лет тридцати с покатыми плечами, в которых опытному глазу виделась недюжинная сила. Но лишь опытному. Человек ненаблюдательный отметил бы только общую унылость вида и странное выражение глаз. Казалось, они вообще не отражали солнечного света. Просто два темных провала с острыми колючками зрачков. И

Свенельд понял, что друг одарил его мощной поддержкой: в прижитом им сыне жила незаметная, ни в чем вроде бы особо не выражавшаяся мощная воля.

— Ты — мой хозяин, — тихо сказал Неслых. — Так приказал мой отец. Повелевай.

«Не хотел бы я оказаться его врагом», — почему-то весело подумал воевода. И сказал:

— Пока — великокняжеская дума. Кто с кем кучкуется, кто дружит семьями, о чем шепчутся и о чем думают.

Неслых молча склонил голову.

— Когда великая княгиня поедет в объезд славянских земель, ты выедешь в Новгород с десятком моих воинов и сделаешь так, как повелит тебе десятник.

Неслых еще раз молча склонил голову.

— На людях мы с тобой встречаться не будем. Если вдруг понадобишься, тебе скажут. Ступай.

— Дозволь слово молвить, великий воевода.

— Говори.

— Я всегда выполнял поручения своего отца Берсеня с помощью двух десятков своих верных друзей. Все они оправдывают мое имя.

— Все — Неслыхи?

— Все, великий воевода.

Свенельд усмехнулся.

— Подбери еще тридцать Неслыхов для неслышной службы, — он достал кожаный мешочек. — Это требует платы и роты на верность лично мне.

— Будет исполнено, великий воевода.

Неслых двумя руками принял кисет с золотыми, низко склонил голову, отступил в сумрак перехода и будто растворился в темноте.

4

Ольга не только обладала глубоким умом, волей и умением взвешивать свои и чужие поступки. Она была не просто любимой дочерью великого конунга русов, но и единственным

его ребенком, а потому Вещий Олег вопреки всем обычаям, запрещавшим женщинам повелевать мужчинами, упорно и последовательно готовил ее к высокому месту владычицы Киевского княжества. Ольга, когда был жив отец, присутствовала на официальных встречах и даже на тайных советах Боярской думы. И высокий пост правительницы при малолетнем сыне был для нее естественен. Она была на своем месте и всегда знала, что и как должна говорить, советовать и приказывать неукоснительно исполнять принятые ею решения. Не случайно во всей Европе ее называли королевой русов. В этот раз все было как всегда, а Ольга с трудом заставляла себя вести Боярскую думу. Спрашивала, отвечала на вопросы, что-то советовала, над чем-то велела подумать, а внутри копошился проклятый вопрос, что же теперь делать...

Да, необходимо зайти к греку-священнику, выведать у него

самую страшную клятву христиан. Потом поехать в земли Великого Новгорода, а оттуда — в скит к христианкам. Но сначала в Новгород. В Новгород! И это надо подготовить сейчас, чтобы не вызвать потом удивленных вопросов. — Вы все время толкуете о том, что славян надо примучивать. То радимичей, то вятичей, то северян. Вашим дружинникам нужен безнаказанный грабеж, а вам — пленные, которых вы продаете византийским купцам как рабов. Если мы будем идти таким путем, Киевская Русь погибнет. Потому что доведенные до отчаяния славяне похвалят дубины и, в конце концов, перебьют всех русов до последнего. Перебьют ваших жен и детей, а то и, следуя вашему примеру, продадут их на рынках рабов в Кафе или в самой Византии. Вы этого хотите? Нет?.. Тогда я, как сопровительница при малолетнем великом князе, внуке Рюрика, повелеваю вам с сего дня прекратить полюдь и все виды

поборов и разбойных набегов на славян.

— А чем мы будем платить своим дружинникам? — зло спросил седоусый боярин с чубом на бритом черепе. — Может быть, княжеская казна возьмет на себя это ярмо? Боярина звали Альбартом, славяне переименовали его имя в Барта, да так это за ним и закрепилось. Клан его не во всем поддерживал Олега, и Вещий великий князь не включал его в Боярскую думу. Однако Игорь, едва оседлав власть, тотчас же ввел Барта в ее состав, а положение Ольги как соправительницы при малолетнем сыне Святославе не позволяло идти на открытую ссору с весьма могущественным боярином. До сей поры Барт вел себя весьма сдержанно, но в этот раз решил, видимо, показать клыки. Может быть, потому, что Свенельд — соправитель Ольги — сегодня отсутствовал. Он увел дружину на южные рубежи, где опять показались дерзкие кочевые орды.

— Сила Киева держится на наших дружинах, княгиня! — громко сказал Обран.

Это был один из богатейших людей Киева, в его руках была сосредоточена чуть ли не половина торговли по Великому пути из варяг в греки. Игорь пожаловал ему боярство, неизвестно за какие услуги, и Обран изо всех сил отрабатывал княжескую милость, хотя Игоря уже не было в живых.

— Повелеваю молчать! — громко сказала Ольга и встала. — Всем замолчать!

На мгновение установилась тишина, но потом ворчание началось с новой силой, и великая княгиня поняла, что сегодня ей не удержать Думу в своих руках. А это означало, что они сегодня решили диктовать ей свою волю. По крайней мере, до той поры, пока в Киев с победой не вернется Свенельд.

Холодок подкатил к самому сердцу. Тому сердцу, которое билось уже не только для нее.

Неизвестно, что произошло бы

дальше, и как бы повернулась история всего Киевского княжения, если бы вдруг не распахнулись двери тронной палаты. Все шесть двойных дверей, в которые одновременно вошли дружинники в белых, расшитых золотом рубахах. А в центральных дверях, расположенных за спинами думцев, первым появился Неслых. Он низко поклонился княгине, прижав руку к сердцу, и сказал:

— Не гневайся, великая княгиня, за мое самовольство. Дружинники твоего покойного супруга скверно несли охрану твоего дворца, и я заменил их твоими дружинниками. У Ольги подкосились ноги от великого облегчения. Но она заставила себя устоять и ясно произнести:

— Ты поступил правильно, Неслых. Прими мою благодарность. И пусть мои дружинники послушают, как решает Дума государственные дела. И Боярская дума с молчаливым неудовольствием решила так, как сказала великая княгиня.

Содержание боярских дружин отныне лежало на плечах самих бояр, почему и количество боярских дружинников быстро пошло на убыль. С глухим недовольным ворчанием согласились они и на официальную поездку княгини Ольги по северным славянским землям, чтобы наладить порядок, общие законы и представительство славянских князей в Государственном Совете. Теперь у Ольги появился повод, чтобы поехать в Новгород Великий. Но она пока не спешила им воспользоваться. Широкое княжеское платье пока еще надежно скрывало ее полнеющую фигуру. Да еще надо было навестить византийского священника, чтобы выведать у него самую страшную христианскую клятву.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Как всякая язычница, Ольга

презирала христианство за проповедь рабского смирения перед всем и всеми. Покорно терпеть унижения и оскорбления в надежде там, в загробной жизни, которую они именуют Раем, обрести реки молока в кисельных берегах Ей, дочери конунга воинственных русов, заповедь подставлять щеку, уже получив пощечину, казалась унижительной. Такие заповеди могла провозглашать только религия рабов, в этом великая княгиня не сомневалась.

Единственный постулат христианства, который ее устраивал, касался непорочного зачатия. Разъяснения священника избавили ее от ощущения греха, который, как она полагала, мог вызвать гнев суровых богов. Здесь была лазейка, позволявшая обойти неудовольствие грозных богов русов, и она воспользовалась ею. Это была хитрость, но хитрость всегда угодна богам, недаром с ее помощью русы, как правило, выигрывали битвы.

Из всех клятв, которыми были столь богаты годы ее жизни, великая княгиня верила только в клятву славян, когда они клали свой меч наземь перед собою, и в клятву русов, когда они вонзали меч в землю и клали руки на его перекрестие. Но так клялись только воины, которых за нарушение клятв рано или поздно ожидала неминуемая смерть. А что может ожидать монахинь? Гнев Сына Божия Христа? Ну разгневаается, ну лишит их вожделенного Рая... Бояться нужно не загробной божьей кары, а земного гнева земных владык.

И все же она решила ехать к священнику. И вырвать у него эту христианскую клятву. Если понадобится, то вместе с его языком. И вновь помчались по Киеву лихие всадники в расшитых золотом белых полотняных рубахах.

Только на сей раз они не ворвались стремглав во двор церквушки. Остановились у ворот, и к крыльцу подъехала одна княгиня. Спешила, бросила поводья на высокую луку

убранного узорочьем седла и решительно вошла в бедный приземистый храм.

Служба, видимо, закончилась совсем недавно — маленький горбатый прислужник гасил свечи и заботливо складывал их в сумку, а старик священник что-то прибирал на алтаре, стоя спиной к выходу. Он был глуховат или очень озабочен работой, потому что не обратил внимания на появление великой княгини, хотя шагала она широко и ножны меча бряцали о ее отделанную серебром кольчугу в такт шагам. — Старик!..

Священник тотчас же обернулся, а служка, съезжившись от голоса, привыкшего повелевать, поспешно юркнул во двор.

— Великая княгиня!.. — старик согнулся в низком поклоне. — Да будут благословенны стопы твои, приведшие душу твою в наш бедный храм...

— Замолчи, — досадливо отмахнулась княгиня. — Твоя сказка о непорочном зачатии, которую ты

сладостно спел мне на этом месте, оказалась ложной, как и все ваше учение.

— Не гневайся на меня, великая княгиня, но Господь наш непорочно вызвал к жизни великого проповедника Иисуса Христа, дабы чрез это...

— Молчи! — прикрикнула Ольга. — Отвечай только тогда, когда спросят, если не хочешь лишиться языка.

Священник вновь склонился в глубоком поклоне. Княгиня Ольга хмуро размышляла, как начать разговор, столь важный для нее. Наконец решилась.

— Скажи, имеют ли право клясться твои христианки?

— Если не все...

— Нет! — крикнула княгиня. — Как они клянутся?

— Именем Матери Божьей Марии.

— А почему не именем самого Христа?

— Божья Мать — заступница всех женщин. Она просит за них у самого Святого Сына своего.

— А если они нарушат эту клятву?
— Это невозможно, великая...
— Под пытками все возможно.
— Мучения открывают прямую дорогу к Престолу Божьей Матери. Отступничество ведет в ад.
— И они верят в эти басни?
— Они веруют, великая княгиня, — торжественно сказал священник, осенив себя крестным знаменем. — Наша великая вера придает силы уверовавшим, и Божья Матерь предстает перед Сыном своим с мольбою о спасении уверовавшего. Он говорил тихо, искренне и безбоязненно глядел на княгиню выцветшими от старости голубыми глазками. Ольга странно успокоилась, и сама удивилась этому внезапно наступившему спокойствию.
— Значит, именем Божьей Матери? И она не позволит им преступить эту клятву?
— Да, великая княгиня. Это так.
— Ты дал мне ответ, старик, — задумчиво сказала Ольга. — Я... Прими мою благодарность.

И быстро вышла из храма.

2

Великая княгиня тщательно готовилась к отъезду. Прежде всего, следовало подумать, как скрыть начинавшую полнеть фигуру. Правители носили длинные широкие византийские одежды, и Ольга повелела сшить ей в дорогу платье с запасом, который можно было расставить на еще большую ширину. Ее сопровождала не только охрана, но и большая женская свита, в которой было много мастериц. И ехать она решила зимой, чтобы не трястись в колесном экипаже по разъезженным дорогам. И только продумав все это, она сказала Свенельду, что готова к решающему путешествию.

— Нет, не готова, — сказал он, выслушав ее.

— Почему же не готова?

— Что ты наденешь, когда пойдешь в скит?

— Мне сошьют платье. Простое платье из... — Ольга запнулась.

Воевода усмехнулся:

— Христианки бедны, моя королева.

И платье твое должно отвечать этой бедности. Оно должно быть крапивяным, и я привез тебе сверток этой ткани.

— Но оно же... оно раздерет мою кожу!

— И очень хорошо. Христиане любят мучения, королева, и ты должна полюбить свои царапины.

— Я — дочь конунга русов!

— Я знаю, сколь нежна твоя кожа, дочь конунга, — улыбнулся

Свенельд. — Она не выдержит ударов плетью палача, если кто-нибудь узнает, что ты родила после смерти своего супруга.

Княгиня промолчала, с трудом подавив вздох. Воевода своего вздоха скрывать не стал.

— А будет именно так, у нас много врагов. Потерпи сейчас, чтобы не страдать потом.

— Потерплю.

— Когда ширина твоих платьев

перестанет скрывать твою статью, тебя найдет Неслых, я говорил тебе о нем.

— Но я мало знаю его.

— Достаточно того, что он — сын Берсеня. Он проводит тебя до христианского скита и обо всем договорится с монашками. Через месяц он заедет за тобой и увезет в Киев. Ребенка грудью не корми, чтобы легче его забыть.

— Но он будет жить?

— Прими в этом мою клятву, королева русов.

Ольга помолчала. Потом тихо повторила свой давний вопрос:

— Я когда-нибудь увижу его?

— Никогда. И не мечтай об этом.

Пустые мечтания расслабляют, а нам надо хранить Русь для Святослава.

Кстати, как он устроен в Летнем дворце? Надеюсь так, как полагается завтрашнему великому князю?

— Я давно не видела его. Все собираюсь, собираюсь, а время все уходит и уходит.

— Уходит наше время, моя королева.

Чтобы продлить его, тебе необходимо чаще посещать нашего сына.

— Какого? — помолчав, вдруг странно спросила она. — Который во дворце моего отца или того, которого я чувствую каждое мгновение?

— Почему? — Свенельд несколько опешил. — Это может быть девочка. — Это мальчик, — строго сказала княгиня. — Он ведет себя нисколько не тише, чем первый.

— Не слушай своих чувств, слушай свой разум. В детстве мы играли в королеву русов, и ты ею стала. К тебе так обращаются во всех европейских дворах. Так будь же, прежде всего ею, моя королева. Будь всегда.

— Трудно быть королевой с нечистой душой.

— Кроме «трудно» есть слово «надо». И оно главное для всех владык и правителей. Ты узнала, как клянутся христианки?

— Именем Божьей Матери Девы Марии.

— Они дадут эту клятву моему

человеку. И ты спокойно родишь ребенка и вернешься блюсти Киевский Стол до вокняжения князя Святослава.

— И никогда не увижу его родного брата.

— И никогда его не увидишь, — сурово повторил Свенельд. — Так надо Великому Киевскому княжению. Груз, который мы, владыки, несем на собственных плечах, куда страшнее, чем тяжести, которые таскают для нас смерды.

Великая княгиня вздохнула. Сказала вдруг:

— Я забыла спросить старика священника, как христиане отмаливают этот тяжкий груз у своего Бога.

— Никакая молитва не облегчит тяжести правления народами. Этот труд называется исполнением долга во благо подданных. Так ступай же исполнять свой долг, королева русов. А я присмотрю не только за южными рубежами, но и за Думой. И ни Барт, ни Обран, ни стоящие за ними не посмеют пикнуть без моего

соизволения. Ступай спокойно, моя королева.

Ольга пошла было, но остановилась. — Ты отдашь нашего ребенка в хорошую семью?

— В очень хорошую и добрую, моя королева.

Великая княгиня грустно кивнула и поспешно вышла из покоев.

3

Великая княгиня выехала по первому снегу, когда еще только-только укатали колею, но еще не набили на ней ухабов. Ее уютно покачивало, ее уютно согревала шуба, и ей уютно думалось о том добром и хорошем, чего так много было в детстве и чего так мало осталось сейчас.

— Древний Рим был могучим, потому что разделял и властвовал, — говорил ее отец, прозванный за прозорливость и любовь к чтению Вещим. — Можем ли мы поступить так же? Нет, дочь моя, и времена ушли,

и мы, русы, — иссыхающая река в безбрежном славянском океане. Значит, не разделять и властвовать нам сейчас следует, а объединять как можно больше славянских племен вокруг стольного города Киева... Ах, как тепло, как безмятежно жилось в детстве! Может быть, говоря о вечном блаженстве, христиане имеют в виду всего лишь детство человеческое? Единственную безгрешную пору жизни человека. Вспоминая об этом, единственном, лишенном тревог времени, великая княгиня окуталась дремой. Но вдруг холод, пронзительный метельный холод ударил в спину, пробравшись под меховую полость, шубу и само тяжелое княжеское платье... «Плеть!..» — вдруг с ужасом почудилось великой княгине. — «На правеже я, что без мужа зачала, на правеже...». Она вскрикнула. Остановились. Сопровождавшие девушки тут же бросились к ней. «Что, великая княгинюшка? Что?..» Велела поправить полость, что-то

буркнула, но переспросить не решились. Тронулись опять, но великая княгиня думала уже не о прежнем блаженстве. Побежали привычные мысли о деле, которое необходимо было свершить во имя отцовских заветов, а думы о монахинях, предстоящих родах и неминуемой потере неповинного дитя гнала прочь.

И почему-то ни единого раза не вспомнила о сыне, которого звали Святославом, и который напрасно ждал, когда же, наконец, его вновь навестит матушка. Она и самой себе не могла объяснить, почему избегает мыслей о нем, хотя подспудно, где-то в глухих погребках ее души, хранился ответ, который она знала.

Она навестила его перед отъездом. Святослав обрадовался, о чем-то оживленно рассказывал, но она плохо слушала. Невпопад похвалила за посадку в седле, сбивчиво говорила о протестах думских бояр, об их своеволии и... И о чем-то еще, хотя он ждал каких-то других слов

и иных рассказов. Сын попытался даже перебить ее, и она отметила про себя его невежливость в обхождении. А то было не дерзкое нарушение правил, а детское желание поведать что-то свое, свое...

Но хранительница Киевского великокняжеского Стола не слушала, а самое главное — не слышала его. Почему, почему она не слышала биения сердца собственного сына?.. Почему?! Да потому, что всем существом слушала другое сердце. Уже ощутимо бившееся в ней. И сейчас в теплом возке великой княгине было мучительно стыдно перед юным великим князем, ради которого она берегла Киевский великокняжеский Стол. Стыдно. И даже дружинная прямота Свенельда не могла отвлечь ее от этого мучительного, глубоко спрятанного в душе потаенного чувства. Приглушить его могла только деятельность. И великая княгиня, не щадя себя, моталась по кривым заснеженным дорогам. Она любила и

умела работать, а сейчас у нее был всего-то месяц, и она торопилась. За месяц она успела больше, чем рассчитывала: заручилась твердой поддержкой новгородцев, псковичей и смолян, нанеся тем самым ощутимый удар по власти удельных бояр. А потом встретилась в назначенном месте с доверенными людьми Свенельда, переоделась в колючее крапивяное платье простолюдинки и исчезла в тихом христианском ските.

Ольга благополучно разрешилась от бремени, вовремя покинула скит и вернулась в Киев. Все сложилось ладно и удачно, и ей казалось, что сторонники Игоря уже не осмелятся более претендовать на сладкий кусок центральной власти. Однако ее враги изыскали способ сохранить почти все свои привилегии. Окончательно сокрушить боярскую силу удалось только внуку королевы русов Владимиру Красное Солнышко. Может быть, это и утешило бы ее, но знать о будущем

никому не дано, а вот о недавнем прошлом...

— Что-то меня тревожит, Свенди, — призналась великая княгиня, когда они остались вдвоем сразу после ее возвращения. — Но что? Не могу понять. А понять надо. Может быть, память о боли?

— Было нестерпимо больно?

— Я не об этой боли. Монашки дали мне какой-то отвар, и я очнулась только после родов. Мне показали младенца — это мальчик, Свенди, я знала, что будет мальчик.

— Они говорили с тобой?

— Нет. У христиан есть великая клятва. Они клянутся именем Божьей Матери, и это запирает их уста.

— Надолго ли? — усмехнулся Свенельд. — Палачи умеют вырывать признание даже у немых от рождения, а щедрая награда — тем более.

— Они боятся Страшного Суда больше, чем палачей.

— Они говорили тебе об этом Суде?

— Нет. Но я почему-то знаю. —

Ольга помолчала. — И еще я знаю, что грешна пред их Богом.

— В чем же? — воевода мягко улыбнулся. — В том, что родила от любимого мужчины второго мальчика?

— После смерти законного супруга.

— Наш бог более милостив, моя королева.

Великая княгиня, казалось, не слышала его. Сейчас она слушала себя, свои чувства, а не свои мысли. Такое случалось с нею и раньше.

— Понятие греха есть только у людей. Звери безгрешны, — задумчиво сказала она.

— Тебя опоили каким-то зельем, — вздохнул Свенельд. — Как только они выкормят ребенка и отдадут его в семью, я повелю выгнать этих монахинь плетью на мороз, а их обитель сожгу дотла.

— Ты никогда не сделаешь этого, воевода!.. — резко выкрикнула княгиня. — Ступай с глаз моих!..

И великий воевода тут же послушно вышел.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Княгиня Ольга добилаь своего, и в воспитатели Святослава был определен Асмус, хотя Живан по-прежнему оставался его верным дядькой. Поступила она так не потому, что во что бы то ни стало решила перечить своему соправителю, а потому, что побывала в Царьграде, столице Византии. Там она была принята с подобающей честью, и пышность императорского двора произвела на нее огромное впечатление. Там же великая княгиня Ольга негласно приняла христианство византийского толка. Сам патриарх был ее наставником и крестителем, а восприемником от купели — император Константин Багрянородный. Получив богатейшие дары от императора, великая княгиня возвратилась в Киев, где устроила пышный прием, на который

лично пригласила друзей детства Свенельда и слепого думного боярина Берсеня. После отменного пира она уединилась с ними в своих покоях, где с восторгом начала рассказывать о приеме ее императором Константином.

— Моим восприемником был сам император Константин Багрянородный.

— И ты, мудрая королева наша, до сей поры так и не поняла, почему именно тебе оказан такой небывалый почет? — усмехнулся Берсень.

— Я приняла там святое крещение... — начала была великая княгиня, но Свенельд резко перебил ее:

— Крещение связано с исповедью, королева русов. Какой грех ты просила отпустить тебе прежде, чем принять христианство?

Ольга молчала, потупив глаза.

— От этого зависит будущее правление великого князя Святослава.

— Я... Я покаялась, что знала о покушении на жизнь моего супруга...

— Ты хотя бы представляешь, что

будет, если об этом узнает
Святослав?

— Но тайна исповеди...

— Тайна исповеди — засапожный нож
Византии. И они когда-нибудь
воспользуются им.

— Ты не веришь императору
Константину?

— Верю. Но император не вечен. А
как поступит его преемник, можно
только гадать.

— Но...

— За честь, оказанную тебе, мы
заплатим кровью своих воинов.
Послы, которые придут в Киев,
потребуют участия наших дружин в
войне Византии на ее сирийских
окраинах.

— Почему ты так думаешь, Свенди?

— Потому что знаю. У меня есть
свои люди в императорском
окружении. Они дорого стоят, но
отрабатывают мои дары.

Великая княгиня нахмурилась.

— А в окружении святейшего
патриарха тоже есть твои люди,
Свенди?

— Тебя принимал патриарх?

— Естественно. Святой патриарх утверждает таинство крещения.

— И какой же из грехов ты просила отпустить тебе у самого патриарха? Ольга смутилась. Только на мгновение.

— Его святейшество патриарх сказал, что у принявшего христианство правителя его соправитель не может быть язычником. Ты остаешься командующим всеми боевыми силами Киевского княжества и постоянным членом Боярской думы, Свенди, но...

— она запнулась, — но не можешь претендовать на управление Киевской землей.

— Никогда не доверяй ромеям, моя королева, — усмехнулся Свенельд, хотя и чувствовал себя уязвленным. — Будь они в порфире или в простой рясе.

Ольге был неприятен этот разговор. И поэтому она тут же постаралась его замять.

— А что мне скажет первый боярин по поводу этого требования Его Святейшества?

— Свенди прав, великая княгиня, — вздохнул Берсень. — Византийцы ничего не делают от широты души, для них хорошо только то, что выгодно империи. Я тоже получил весточку от верного человека из Царьграда. Византии нужны наши воины, королева русов, они увязли в войне с арабами.

Ольга задумалась. Она верила в искренность друзей детства, верила в их преданность Киевскому княжеству и себе лично и понимала, что как в их сомнениях, так и в их прямоте звучит, прежде всего, верность ей. Ей лично, потому что все шло оттуда, из их общего детства.

— Вы правы, друзья моего детства. Я не единожды слышала прозрачные намеки на то, что Византия готова принять в свой состав русскую рать на особых и очень щедрых условиях.

— И что же ты ответила, королева русов? — спросил Берсень.

— Я сказала, что вопросы войны и мира у нас решает только Боярская дума.

— Разумный ответ, — улыбнулся Свенельд. — Как приедут, так и уедут.

— Оставив посольские дары для наших дружин, — усмехнулся Берсень.

Как ни была великая княгиня очарована приемом, оказанным ей в Византии, как ни обворожило ее сверкающее богатство столицы тогдашнего цивилизованного мира, у нее хватило здравого смысла решительно отказать послам ромеев в их просьбе помочь империи войсками. Но, отказав послам, она увидела в Асмусе знатного человека из того, прекрасного мира.

Человека, преданного ей, почему и повелела назначить его воспитателем собственного сына вопреки совету друзей детства. Свенельд был возмущен ее решением. Но скрыл это до поры, поскольку у него был свой верный человек в окружении малолетнего Святослава. Руслан. И воевода был твердо убежден, что ему вовремя станут известны все разговоры нового

воспитателя с воспитанником. Кроме Руслана в окружении княжича Святослава был и старый воин Живан. Когда-то в бою он прикрыл князя Игоря собственным щитом, и впоследствии не без помощи великого воеводы оказался дядькой маленького Святослава. Но Живан был слишком прямолинеен для той службы, которую отныне обязан был исполнять Руслан.

Резко отказав Византии в военной помощи, великая княгиня занялась устройением собственной земли. Ее предшественники трудились над расширением Киевской Руси, а огромный славянский мир, по счастью, решал пока свои собственные племенные задачи и до сей поры существовал по законам оккупантов русов. Боярские дружины время от времени, а совсем не в определенные месяцы, с шумом и смехом отправлялись в славянские земли на откровенный грабеж. Это именовалось полюдьем, а на самом-то деле было просто разбоем: убивали мужчин, насиловали женщин,

а детей отправляли в рабство. Этот узаконенный княжеской властью разбой возмущал славян и нередко приводил к разрозненным, но весьма кровавым восстаниям, которые, впрочем, жестоко подавлялись, почему и назывались «примучиванием».

Власти все сходило с рук только потому, что славяне больше были заняты своими внутренними делами: межплеменными обидами, спорами, кто главнее, кровной местию. Ольга понимала, что долго так продолжаться не может, тем более что тиуны докладывали о зреющем в племенах возмущении. Необходимо было, пока не поздно, отменить полюдые, ввести оброк и подати, обозначить сроки их исполнения и точно оговоренные виры за преступления и нарушения границ: славянская молодежь часто совершала набеги ради поимки невест и угона скота. Посещение Византии многому научило великую княгиню. Она сумела не только оценить пышность

императорских приемов, но и понять продуманность системы сбора налогов в огромной империи. Да, на Руси еще не было липкой паутины чиновничества, связавшего Византию в прочное единое целое, но начинать плести ее следовало с точного определения, что же хочет получать княжеская казна с поверженных русами славянских племен. Да чтобы при этом славяне не так уж часто хватались за топоры.

И Ольга отправилась в долгую поездку по славянским городам и весям. Сутками не слезая с седла — она терпеть не могла византийских палантинов, — великая княгиня все увидела собственными глазами. И там же, на местах, начала отменять поборы за переезд мостов и гатей, за пересечение племенных границ, за умыкание невест, установила равную мзду за проживание торговых людей. А, вернувшись в Киев, повсеместно отменила полюдье, заменив его податью, которую обязаны были собирать не

бесшабашные княжеские дружинники,
а тиуны на местах.

— Я знал, что ты разумна, моя королева, но и думать не думал, насколько же ты разумна, — сказал Свенельд при первом свидании наедине. — Мы усилим наши дружины, я стану братъ в них не только русов, но и славян...

2

Свенельд предполагал, что Асмус затаил обиду, а что придумать лучше охоты, чтобы не появляться в Киеве?..

Асмус же не то чтобы был обижен, скорее ощущал небрежение к нему, чужаку. Ему, чужеземцу, пожаловали придворное звание, дали в кормление усадьбу с добрым отрезком земли, семья его была полностью обеспечена, но своим для русов он так и не стал. А ведь сколько он подсказывал им хитрых византийских ходов, плел паутину, держа кончики в руках.

Темные мысли копошились в душе, постепенно накапливаясь. И тогда он начал выезжать на охоту только с преданным ему слугой. Не потому, что был таким уж страстным охотником, а чтобы убежать от собственных мыслей. Просто бродил по опушкам, изредка постреливая оплошавших рябчиков, луком владел хорошо. И думал, думал, думал...

Как-то подстрелив парочку тетеревов, отдал добычу челядину с наказом приготовить их в сметане.

И только уютно расположился в ожидании вкусного и обильного ужина, как вошел ближний слуга.

— Спрашивает странник, господин.

— Кого спрашивает?

— Тебя, господин. Так прямо и сказал.

— Зови, — недовольно вздохнул Асмус. — Скажи, сейчас выйду. Да поесть ему дай. Странников кормить надо.

Асмус всегда внутренне настораживался, когда возникали незваные гости. Он все любил раскладывать по полочкам, строить

логические ступени и готовиться к встрече. Но гость внезапный не давал такой возможности.

Слуга поклонился и приоткрыл двери. В горницу вошел некто согбенный, в длинном плаще с капюшоном, такие обычно носили паломники.

— Откуда и куда путь держишь? — с ленцой поинтересовался Асмус.

— Следую путем святого Андрея Первозванного, крестителя Руси.

— Ступай, — сказал Асмус слуге. — А ты, странник, поведай пока, что слышал, о чем народ говорит.

Слуга вышел, притворив дверь. И старец сразу выпрямился и отбросил капюшон.

— Привет тебе от Калокира.

— Калокира? — опасливо насторожился Асмус. — Какого Калокира?

— Сына Херсонесского начальника. Вы же сидели рядом на том турнире. Разве не так, Асмус?

От ужаса у хозяина ощутимо сдавило сердце. Посланец был оттуда, из Византии, которая никогда и никого

не прощает. Один удар кинжалом и...
— У тебя есть возможность искупить свою вину, — негромко продолжал странник. — Не сегодня и даже не через год. Но если ты этого не исполнишь, тебя ждет кара не только за убийство, но и за измену, Асмус.

— Я слушаю... — он приложил все силы, чтобы голос звучал спокойно.

— Когда ты станешь воспитателем сына великой княгини Ольги...

— Но мне об этом неизвестно...

— Не перебивай. Византии известно все.

— Прости. Я слушаю.

— Когда это случится, ты расскажешь воспитаннику, что его мать родила его не от князя Игоря. Не спеши. Расскажешь, только когда князь Святослав начнет понимать, что это означает и как следует за это мстить. И для начала осторожно направишь его святую ярость против хазар.

— Вещий Олег заключил с хазарами договор. Ольга никогда не нарушает заветов своего отца.

— Значит, их нарушит его внук.
Если ты исполнишь это, император
не только простит тебе убийство,
но и пожалует тебя патрицием. Твое
будущее зависит от тебя самого.
Оно в твоих руках. Только в твоих!
— Но есть соправитель. Воевода
Свенельд.
— Он вовремя уедет примучивать
радимицей.
— Отдавать приказы всегда
значительно проще, чем исполнять
их.
— Русь — огромный деревянный
дом, — странник улыбнулся. — И
никогда не поймешь, от чего вдруг
приключился пожар.
Он ссутулился, оперся на посох и
вышел, старчески шаркая ногами.

3

В тот же вечер Неслых подробно
доложил Свенельду об этом
свидании.

— Он говорил с Асмусом, великий
воевода. Асмус, судя по тому, что

слышали мои люди, приговорен к смерти в Византии самим императором.

— Что требовал от Асмуса старик?

— Направить князя Святослава против Хазарского каганата, мой воевода.

— Разгром каганата очень нужен Византии.

— Пока это не в наших интересах, — задумчиво произнес Свенельд. — Вот когда странник завершит свое странствие...

— Он его не завершит, великий воевода. Старик погибнет в пути случайно, никто и не догадается ни о чем. У ромеев не будет возможности предъявить обвинения Великому Киевскому княжеству. Свенельд походил по палате, точно сомневаясь, стоит ли ему говорить то, что беспокоило. Неслых молча ждал продолжения начатого разговора — разрешения удалиться еще не прозвучало.

«Похоже, Византия пронюхала, что княгиня родила после смерти законного супруга, — сбивчиво

думал Свенельд. — Конечно, через монашек, принимавших роды. Разгромить скит — все равно, что пытаться склеить разбитую корчагу. Посланец в Царьград не вернется, Неслых знает свое дело. А это значит... Это значит, что Византия пришлет кого-то другого... И — не монаха... Скорее кого-то очень не приметного и говорящего на нашем языке...».

— Вятичи, — наконец сказал воевода. — Вятичи — самое беспокойное и драчливое племя. Дважды я пытался их примучить, и оба раза они сразу же уходили в болота, не принимая открытого боя. А стрелы их разят внезапно и без промаха. У тебя есть возможность заслать туда своего человека?

— Все решает золото, мой воевода.

— Зашлешь двух. Мне нужны будут проводники до Волги. В обход Хазарского каганата. Мы нависнем над хазарами, и они сразу станут куда стоворчивее.

— Означает ли это, что Византия не должна знать об этом, великий

воевода?

— Позаботься об этом, Неслых.

Тот молча поклонился.

Воевода ходил по палате, размышляя вслух.

— Зашлешь трех. Третий должен будет подговорить молодежь угнать скот из ближайшего села. Мне очень нужен повод для византийских происков.

— Все будет исполнено, великий воевода.

— Сколько лет старшему внуку Зигбърна?

— Лет четырнадцать-пятнадцать. Усы проступили, но еще не бреется.

— Позови ко мне Морозку, подвоеводу младшей дружины. Ступай.

Вошел коренастый молодой славянин с сабельным шрамом на щеке. Молча склонил голову, тут же вздернул ее и остался у порога, ожидая указаний.

— Сколько было тебе лет, когда ты заработал этот шрам в схватке с кочевниками?

— Пятнадцать, великий воевода.

— Через год столько же исполнится великому князю Святославу. Ты поедешь к нему в летний дворец и научишь, как вовремя отражать сабельные удары. Захвати с собою два десятка молодых рубак, и пусть они обучат доброму пешему и конному бою всю охрану великого князя. Далее ты поможешь князю создать на ее основе собственную дружину и будешь защищать его в схватках, не щадя собственной жизни.

— Да, великий воевода.

— Отряд покажешь мне. Я лично проверю каждого.

— Да, мой воевода.

— Если ты все исполнишь как надо, я обещаю выкупить твоих родных из рабства после первого похода великого князя Святослава. Ступай собирать отряд.

Молодой славянин низко поклонился и тотчас же вышел из палаты.

Наместник византийского императора Калокир пребывал в дурном настроении. От императора Константина Багрянородного поступило распоряжение натравить на хазар русские рати, но вестник, которого он послал с этой целью как сквозь землю провалился. А ведь у него на руках была охранная грамота самого императора, адресованная его крестнице великой княгине Ольге. Кто мог осмелиться помешать ему странствовать по святым тропам Андрея Первозванного? Кто осмелился нарушить волю двух грозных володетелей?..

Значит, нашлись-таки силы. Но кто, кто стоял за этими силами, кто нанес удар по замыслам Византии?.. Это следовало знать, прежде чем докладывать императору.

Сначала следовало выведать, кто в действительности правит Великим Киевским княжением за спиной Ольги. Выведать и нанести удар. Но кому поручить эту деликатную миссию? Был такой человек у

Калокира, был. Славянин, плененный печенегами и отбитый у них мощным отрядом императора под командой самого Калокира. Он был молчалив, любил ловить рыбу и однажды, без разрешения ворвавшись к наместнику, широко раскинул руки: — Шом! . . .

С той поры его и прозвали Шомом, поскольку букву «с» он так и не научился выговаривать. Как истый рыбак, он был весьма осторожен и наблюдателен. Выполнял кое-какие поручения Калокира, так как вполне сносно объяснялся по-печенежски. К славянам наместник его не посылал, поскольку Шом забыл, откуда он родом и есть ли у него родственники, — в пограничных с Дикой степью славянских поселениях вполне мог выдать себя.

А вот попробовать пристроить его в летний дворец великой княгини Ольги, где жил с буйной ватагой ее сын Святослав, бесконечно играющий в войну, пожалуй, стоило. Пусть ловит для них рыбу — и наверняка своим умением привлечет внимание,

ведь рыбной ловлей увлекаются все мальчишки. А там, глядишь, станет своим, и постепенно, не привлекая внимания, разузнает, кто именно разрушает попытки Византии нацелить рати Великого Киевского княжения против хазар.

Повеление императора следовало исполнить, во что бы то ни стало. Слишком тяжела и беспощадна рука Константина Багрянородного. А уж его палачей...

Вздохнул Калокир.

Неласковой становилась до сей поры так баловавшая его судьба...

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Калокиру казалось, что его задумка — подсунуть ватаге Святослава молчаливого, но очень наблюдательного парнишку — верна. Однако наместник не учел, что года шли и, мало отражаясь на мужчинах в расцвете сил, время совсем

по-иному влияет на ровесников его тайного соглядатая.

Внуки Зигбьерна под руководством Живана все еще ежедневно, до мокрых рубах, занимались пешей и конной рубкой, оттачивали нападение и защиту, учились падать с поверженных коней и вышибать противника из седла. А когда у старшего, Сфенкла, уже ломался голос и чуть обозначилась рыжая полоска на верхней губе, княгиня Ольга привела девочку.

— Ее имя Малфрида, а дома зовут Малуша. Любите ее и берегите пуще собственного глаза. Она — моя воспитанница.

Святослав был целиком поглощен созданием костяка своей личной будущей дружины. Он жаждал независимости, стремился к полной личной свободе. Но для этого необходимо было создать отборную, спаянную дружбой и отлично владеющую всеми видами оружия, лично ему преданную гвардию (выражаясь современным языком). Появление Малуши князь Святослав

встретил, в общем-то, безразлично. Но, увидев, что она охотно включилась в общую игру, велел ей разузнать, как перевязывают раны, как их лечат, как останавливают кровь. Малуша выведала это и многое другое у княгини Ольги, и прочное место в будущей дружине было ей обеспечено.

Однако прежде, чем Херсонесский наместник Калокир осторожно, по своим проверенным каналам начал протаскивать шепелявого рыбака-разведчика к Летнему дворцу княгини Ольги, там произошло несколько важных событий.

Неожиданно во дворец приехал сам великий воевода Свенельд. И не один — его сопровождал молодой — почти юный — воин, ладно скроенный и крепко сбитый, с сабельным шрамом на щеке.

— Морозко, — представил вновь прибывшего Свенельд, низко склонившись перед юным великим князем. — Подвоевода младшей дружины. Не единожды бывал в битвах с кочевниками, отличился.

Знает все приемы защиты и нападения степняков и ромеев. Поможет тебе, великий князь, создать собственную дружину, а наставниками будут его воины.

— Будешь моим помощником, — сказал Святослав, протягивая руку.

— Прими мою благодарность, великий князь. — Морозко почтительно поцеловал протянутую руку.

После официальных поздравлений Свенельд отошел к Руслану. Расспросив, как живется воспитаннику, подозревал внешне почти незаметного молчаливого человека с хорошо развитыми плечами воина.

— Его зовут Неслых. У него — особая служба, и я очень хотел бы, Руслан, чтобы ты четко и быстро выполнял все его распоряжения.

— Исполню все, что он мне повелит, великий воевода, — Руслан почтительно склонил голову.

Свенельд вернулся к князю Святославу, а Неслых тихо, впрочем, он всегда говорил еле слышно, но так, чтобы его поняли,

сказал:

— Наша обязанность защищать великого князя Святослава, наследника Великого Киевского княжения. Ты — в его будущей дружине, а потому зорко смотри и внимательно слушай. Среди наставников Морозко будет мой человек. Он сам найдет тебя, и ты будешь докладывать ему обо всем, что видел и слышал, и точно исполнять то, что он тебе прикажет.

— Я исполню все.

— Верю, — скупое обронил Неслых и сразу же отошел от Руслана. Внезапный приезд Свенельда в Летний дворец и появление там же Неслыха были неслучайными. Великий воевода был щедр и еще более щедро платил отряду «неслыхов» за их труды. А золото открывало все двери и развязывало языки. Не успел сын Правителя Причерноморья Калокир получить личное послание императора Византии, как Свенельду было о том доложено. Содержание императорского послания,

естественно, осталось неизвестным, но, судя по намекам приближенных, речь в нем шла о необходимости иметь в окружении великого князя Святослава своего человека.

2

— Кого может заслать к князю Святославу Калокир? — спросил Свенельд.

— Только не взрослого мужчину, великий воевода, — убежденно сказал Неслых. — Либо парня, который скажет, что мечтает сражаться под стягом князя Святослава, либо славянского парнишку, способного чем-то удивить нашего князя.

— Святослав ничему не удивляется.

— Князь — да, а его молодцы?

Подростки — народ восторженный.

— И что же ты предлагаешь? Ждать, пока в окружении великого князя не окажется кто-то неожиданный? Можем опоздать.

— Я не предлагаю, великий воевода.

Я прошу. Мои люди внедрены в дружину Морозко, но я очень прошу приказать вашему воспитаннику Руслану докладывать лично моим людям о всех новеньких, кто пожалует в Летний дворец.

— Ты как-то сказал, Неслых, что золото развязывает любые языки. — Воевода по старой привычке мерил шагами палату. — У меня много золота. Может быть, это золото поможет выяснить, кого именно заслал к нам наместник Калокир?

— Он придет сам. Не надо тратить золото понапрасну, оно еще может пригодиться, великий воевода.

Когда провалится первый посланец.

— Ты уверен, что он провалится?

— Да, мой повелитель. Значит, будем ждать и второго, поскольку Калокир получил повеление императора.

— Не люблю ждать...

— Ты — великий воевода, твое нетерпение есть нетерпение воина, и поэтому оно — естественно. А я — Неслых. Я привык к выжиданию, как зверь, который до времени затаился

в своей норе.

— Я не привык ждать удара в спину в битве, потому что меня прикрывают лучшие дружинники, — сказал Свенельд. — Но когда я не знаю, кто у меня за спиной, не могу вести бой. А ты — можешь. Поэтому разыщи врага.

— Великий воевода, там нет врагов. Ты отвечаешь за жизнь князя Святослава, тебя беспокоит судьба Малуши, на которую посягали вятичские стрелы. Всего лишь стрелы, мой повелитель, а не сами вятичи!.. Говорю так не только потому, что в этом сомневался твой побратим великий боярин Берсень, но и потому, что у меня в рязанской земле много своих людей. Неслых доселе ни разу не говорил столь длинно и горячо. Свенельд с удивлением слушал его, и тревога в его душе постепенно гасла.

Он даже улыбнулся, хотя в беседах с подчиненными никогда себе этого не позволял. И добавил:

— Я доволен твоими людьми. Но если они найдут пути, по которым

Калокир переправляет своих разведчиков к нам, я буду полностью удовлетворен. А награда будет соответствовать моему удовлетворению.

— Торговые люди, — не задумываясь, предположил Неслых.

— Византийские?

— Не только, великий воевода.

— Кто же тогда?

— Для торговых людей нет понятия родины. Есть лишь доход.

— Значит, наши купцы тоже?

— Для торговых людей пособничество

— тоже товар. Византия не считает золота, великий воевода.

— Я тоже, Неслых. почаще напоминай об этом своим людям.

3

Если бы об этом разговоре узнал Обран, он бы очень встревожился. В отличие от своего друга Барта он был несуетлив и последователен. С Византией у него были крепкие торговые связи, он не желал их

терять, а потому по-доброму
приятельствовал с Калокиром, и его
корабли, набитые товарами, не
застаивались на выходе в Черное
море.

На обратном пути караваны Обрана
брали на корабли пассажиров.

Мелких торговцев, странников из
Византии, случайных попутчиков,
которые стремились в Киевское
княжество. Обран не мелочился, не
требовал с них платы за проезд,
зато с интересом расспрашивал
бывалых людей о Византии, о ценах
на ее рынках, потребностях в
товарах, которые могла поставить
Киевская Русь. Сведения из первых
уст были для опытного торговца
дороже любой платы.

И поэтому когда на замыкающую
насаду сел никому не известный
паренек, никто на него и внимания
не обратил. А как стали
спрашивать, кто он, да откуда, да
далеко ли собрался, паренек только
мычал. Немой, решили. Накормили,
кинули рядом в затишок, чтобы
ветром не продуло, да и забыли про

него. Даже когда в обход порогов суда волоком перетаскивали рабы, паренька не тронули. Помощи от него никакой, а груз невелик. Только на подходе к Киеву этот пассажир исчез. Как в воду канул. Без всяких следов.

Встревоженный человек Неслыха, сопровождавший караван, тотчас доложил прямому начальнику, позволив себе предположить, что паренек мог сам свалиться в воду. Но такие чудеса Неслыху не нравились.

— Коли так, твое счастье.

Чудеса не нравились, однако никто не знал, в каком именно месте парнишка скользнул в воду, да и описать самого парнишку никто толком не мог.

Есть такое свойство запоминания: про слепого расскажут немало, поскольку он говорить может, а про немого только и ответят:

— Немой. — И пожмут плечами.

«Не мой» — значит чужой. Никому не понятный. Единственно, что мог Неслых сделать, послать гонца к

своим людям в окружении великого князя, чтобы немедленно донесли, если появится вдруг кто бы то ни было. Парень или мальчишка, все равно.

Вскоре пришла весть о появлении парнишки, но совсем не немого, а очень даже болтливое. Это было новостью для Неслыха, ломающей первые предположения, и он лично выехал в Летний дворец. Расспросил своих людей о мальчишке, и выяснилось, что он очень любит и умеет ловить рыбу, что, по его рассказам, совсем маленьким его увезли печенеги, но он то ли сбежал, то ли надоел им, сумел скрыться в камышах одного из днепровских лиманов, где и кормился рыбой да раками. Откуда он — сам толком не знает, но говорит по-русски, лишь иногда вставляя... В общем, какие-то непонятные слова.

— Печенежские, — пояснил Руслан. И добавил, помолчав:

— Бани боится. Говорит, что в камышах его водяной чуть в воду не

уволок, и он клятву дал, что мыться больше не будет.

— Рыбак, а воды боится, — усмехнулся Неслых. — Ну-ка покличь его ко мне.

Руслан позвал, и парнишка тут же появился перед Неслыхом. Щуплый, нескладный, но глаз не прячет и готов отвечать.

— Рыбак?

— Ловлю. В камышах.

— А чего же бани боишься?

— Я не бани боюсь, я водяного боюсь. А на земле Банник — его главный помощник. И я зарок дал, что в баню не пойду.

— Никогда? — усмехнулся Неслых. Этот перепуганный печенегами и одиночеством мальчишка никак не соответствовал описанию того немого, который ночью прыгнул в воду с насады торгового каравана. Тот — да, был явно заслан Калокиром: немой, ничего не расскажет. А этот печенежский беглец...

— Пойду, если великий князь зарок с меня в бане снимет.

— А почему именно великий князь?

— Потому что он сильный. А сильного боги любят, а всякая нечисть боится.

— Ну, ступай.

Парнишка ушел. Неслых еще раз все взвесил, подошел к Святославу.

— Дозволь обратиться, великий князь.

— Что тебе?

— Это не тот, кого мы ищем. Только он перепуган очень. Водяной его чуть не утопил, так он зарок дал, что мыться в бане не будет, пока ты, великий князь, от зарока его не освободишь.

— Ну и пусть не моется.

— Так он же завшивеет и всех вас заразит. И вонять будет.

Святослав похмурился, подумал.

Сказал недовольно:

— Ладно. Вели баню истопить.

Баню истопили. Великий князь крикнул, чтобы позвали мальчишку-рыбака, и первым вошел в нее. Только начал раздеваться, как беззвучно вошел нескладный рыбачок.

— Дозволь обратиться, великий князь.

— Что?

— Умеешь ли ты, великий князь, читать греческие письма?

— У тебя послание?

Вместо ответа Шом (а это был, конечно, он) тут же стянул через голову полусопревшую рубаху и подставил княжескому взору грязную пропотевшую спину, на которой были старательно вытатуированы греческие буквы. Святослав с трудом разобрал их, а, разобрав, рванулся к дверям.

— Великого воеводу Свенельда ко мне! Быстро, Морозко! О двуконь! Закрыв дверь. Сурово глянул на Шома.

— Известно тебе, что написано на твоей спине?

— Нет, великий князь. Я и грамоте-то не знаю, а тем более на спине.

Почти час великий князь в напряженном нетерпении метался по тесной баньке. Шом без рубахи молча сидел в углу, с тревогой

глядя на Святослава. Наконец, распахнулась дверь, и вошел Свенельд.

— Ты звал меня, великий князь? Вместо ответа Святослав схватил Шома и развернул его спиной к окну.

— Читай! Вслух!..

— «На исповеди у великого Патриарха после крещения киевская княгиня Ольга покаялась, признавшись, что отцом ее сына Святослава является не князь Игорь, а воевода Свенельд».

— Это правда?

— Да, — твердо ответил великий воевода. Я — твой отец.

— Я — законный внук самого Рюрика, не забывайся, воевода!

— Это ты не забывайся, сын. Внук далеко не всегда наследует престол.

Святослав широкими шагами продолжал мерить тесное пространство, резко разворачиваясь.

«Как барс», — подумал Свенельд.

— Мой дом — моя дружина. Моя семья

— моя дружина. Моя земля та, которую я отвоюю. Жив кто-нибудь из старых варягов, который еще ясно помнит варяжские законы?

— Найду.

— Привезешь ко мне, пока ему не отказала память. То есть немедленно.

— Пришлю.

— И последнее. Мальчишку не трогать. Грамоты все равно тут никто не знает. А мне он нужен. Он мне добрую рыбу поймает.

— Будет исполнено, великий князь, — насмешливо улыбнулся Свенельд.

— Ступай.

— Слушаю и повинуюсь.

Свенельд низко поклонился сыну и вышел. А через день Шом исчез.

Пошел на рыбалку, поскольку зарок был снят самим великим князем, и — исчез...

— И это лыко им впишем в строку, — сквозь зубы процедил Святослав.

Уже на третий день Свенельд прислал старого варяга.

Шамкающего, седого, с трясущимся подбородком, но прямой спиной. Это

настолько поразило Святослава, что он шепнул Морозко:

— Гляди, статья-то какая...

— Какая там статья! — усмехнулся Морозко. — Сунули копье выше крестца, вот и вся статья.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

В те времена Святослав по княжеской традиции вставал не рано. К моменту его обильного завтрака дружина под руководством Морозко, наскоро проглотив утреннее хлебоиво из общего котла, уже махала мечами до седьмого пота. Великий князь со свежими силами вступал в состязания, легко выигрывая учебные бои. Внуки Зигбъерна Сфенкл и Икмор считали это неправильным, но позволяли себе непримиримо ворчать лишь в отсутствие Святослава.

Все изменилось с приездом рослого статного старика со шрамом на лице

и густой гривой седых волос до плеч. Он два дня понаблюдал за поведением великого князя и его дружинников, а на третий день сдернул пуховое одеяло со Святослава еще до зари.

— Если хочешь стать конунгом, вставай раньше всех и ешь вместе со всеми.

— Тебя прислал воевода Свенельд? — моргая спросонок, догадался Святослав.

— И я сделал из него неплохого воеводу, — самодовольно усмехнулся варяг. — А из тебя сотворю конунга, если ты будешь мне подчиняться. И строго исполнять все заповеди. Одну ты уже знаешь — вставать раньше всех.

— А вторая? — спросил великий князь, лаская крупного сторожевого пса.

— Спать на голой земле, подстелив попону и положив седло под голову. Ноги — к костру, меч всегда под правой рукой. Не возить с собой никаких обозов, а питаться тем, что убьешь на охоте, или кониной,

если охота была неудачной. Тонкие кусочки мяса, чуть обжаренные на костре, твоя пища, конунг.

— И это все?

— Осталась клятва. Каждый воин твоей дружины обязан поклясться тебе, что исполнит любой твой приказ, прикроет тебя мечом или щитом в бою и никогда ни под какими пытками не выдаст твоих замыслов. За неисполнение этой клятвы — смерть. Ты должен быть жестоким, но справедливым и всегда сражаться впереди своих воинов. Тогда ты — конунг и князь.

— И это — все твои заповеди?

— Нет, — резко ответил старик, неодобрительно глядя, как Святослав играет с собакой. — Всегда с честью хорони павших в бою соратников. Их могила — костер, их пропуск в бессмертие — кровавая жертва.

— Прими мою благодарность, варяг. Старик поднялся. Сказал вдруг:

— Убей собаку.

— Что?.. — опешил великий князь.

— Убей пса! — рявкнул варяг. —

Здесь, когда уйду. Разделай ее и угости собачиной дружину и меня. — Я... Я не могу, — залепетал Святослав. — Я... Я учил ее, она выполняет все мои приказы... — Убей. И угости. Иначе не быть тебе конунгом никогда.

И вышел.

А великий князь заплакал. Слезы текли по его щекам, пес слизывал эти слезы, лизал лицо и руки. Лево́й рукой Святослав прижимал к себе косматую голову друга, а правая ощупью искала нож. И вот, продолжая прижимать к себе пса, он начал бить его ножом, не глядя, куда бьет. А собака жалобно скулила и продолжала преданно лизать его лицо.

Когда же она перестала скулить и дергаться, великий князь осторожно положил ее на землю. Шмыгая носом, снял шкуру, разделал и, вымыв зареванное свое лицо, вынес мясо к костру. Варяг что-то рассказывал дружине, кто-то смеялся, а Святослава душили слезы. И все же он довел дело до конца: раздул

костер, разгреб уголья и положил на них куски мяса.

— Не пережарь! — крикнул варяг. — Мясо надо есть полусырым. Тогда его сила входит в тело.

Потом все ели это мясо. Святослав попытался было отказаться, но варяг заставил его съесть последний кусок, как то полагалось конунгу.

— Завтра еще поговорим, — сказал старик, насытившись. — У нас много бесед впереди.

Беседы проходили по вечерам и растянулись на несколько дней, поскольку варяг быстро уставал. Святослав возненавидел жестокого старика, повелевшего убить любимую собаку, но пришлось терпеть. Он утешал себя тем, что дружине требовался перерыв, потому что до сей поры, каждый день великий князь учился наносить и отражать удары под строгим и придирчивым взглядом Морозко.

— Левое плечо вперед! Левое, потому что ты, великий князь, идешь в атаку!..

Будущие воины занимались рукопашным боем в тигелеях, как долго еще назывались простроченные ватные кафтаны, и только сам Святослав был в доспехах. Учебные мечи были тупыми, но тяжесть их ударов пробивала вату до тела, и рядовые дружинники ходили в синяках. Пот тек градом, тело уже не впитывало его, а Морозко не давал им ни спуску, ни передыху. Святослав учился бою, не щадя себя. Так же, как простые воины, обливался потом и слышал несмолкающий звон мечей. Но он не жаловался, потому что хотел быть лучше всех. Он всегда, всю жизнь хотел быть лучше всех, удачливее всех, а самое главное, хотел прославиться, стать знаменитым. Чтобы ему кричали «Хвала» и «Слава!», чтобы девушки забрасывали цветами, чтобы о его подвигах пели у вечерних костров дружинники. Вставал с зарею, раздувал огонь для спящих дружинников, а ложился поздно, потому что вечерами шли

нравоучительные беседы со старым варягом.

— Есть ли высшая цель у конунга?

— Есть. Создать государство, в котором он будет править безраздельно, опираясь на свою дружину. Это удалось твоему деду Рюрику.

— А месть?

— Месть? Если ты о своей дружине, то ты не имеешь на нее права. Даже если кто-то струсит в бою, меру наказания должна определять вся дружина, а твое дело либо утвердить ее решение, либо отменить его.

— Я спрашиваю о личной мести, варяг. Имеет ли право конунг на личную месть, или он должен просить согласия дружины?

— Никакого согласия дружины не требуется конунгу, когда он решает личные вопросы.

— Какова самая страшная месть личному врагу? Смерть?

— Нет, конунг. Для воина нет ничего страшнее несмываемого позора.

— Что это значит?

— Насилие. Например, над его дочерью, сестрой или женой.

— Тогда мой враг пожелает встретиться со мной на поединке?

— И примет смерть опозоренным, если ты победишь его в честном бою.

Святослав помолчал. Потом раздвинул губы, это было лишь подобие улыбки.

— Прими мою благодарность, варяг. Ты хорошо ответил на мои вопросы.

— Ты станешь знаменитым конунгом, великий князь, если...

— Если что?

— Если найдешь свой собственный, необычный способ сражения. Для этого нужен опыт.

2

Об этом разговоре люди Неслыха тут же донесли своему начальнику, а тот осторожно поведал Свенельду.

— Значит, ему нужна победоносная война, — решил не терпящий интриг

великий воевода. — Как там твои вятичи, Неслых?

— Все подготовлено, великий воевода. Как повелишь, так вятичская молодежь сразу же и ворвется в Киевские земли.

— Вот туда мы и пошлем дружину Святослава, подкрепив ее опытным Морозко. О сроке вылазки сообщу. Через неделю Свенельд навестил Летний княжеский дворец, понаблюдал за учебными боями, похвалил внуков Зигбьерна Икмора и Сфенкла, потрепал по голове своего любимца Руслана, а Святослава увел далеко в сторону для особого разговора.

— У тебя хорошая дружина, великий князь. Пора опробовать ее в деле.

— Против кочевников?

— Против вятичей. Они намереваются нарушить договор, пересечь наши границы и разграбить селение. А, разграбив, сжечь.

— Они достойны самого жестокого наказания, воевода.

— Тебе и меч в руки. Твоим заместителем будет Морозко.

Прислушивайся к его советам,
великий князь. Он — опытный воин.
— Я это почувствовал по своему
поту.

А подвоеводе Морозко воевода
Свенельд сказал с глазу на глаз:
— Великого князя не удерживай, но
не вступай в земли вятичей до
моего личного приказа. Даже если
Святослав и потерпит поражение в
первом походе, то найдет в себе
силы понять, как следует воевать в
дальнейшем. Поражения учат лучше
побед.

— Все понял, великий воевода.

— Я отдам под твое командование
два десятка моих дружинников.
Десятку ты отдашь великому князю.
Таких, которые знают, как воевать
в лесах. И пришлю кольчуги на
всех. Пусть наденут под рубахи,
стрелы вятичей бьют без промаха.
Когда все исполнишь, пришли гонца.
Я передам с ним, когда следует
выступить.

Теперь Морозко знал, с кем в
первый раз должна была встретиться
юная дружина Святослава. И сразу

же отменил все рукопашные бои. Теперь его воспитанники от зари до зари учились, как защищаться от стрел. Как угадывать ее полет, под каким углом ставить щит навстречу летящей стреле. Как построить из щитов круг в случае неожиданной атаки противника, а как — черепаху, если эта атака будет сопровождаться стрельбой из луков. — У тебя должны быть два верных друга, великий князь, — говорил Свенельд Святославу. — Один должен прикрывать в бою твою левую руку, второй — спину. Ты знаешь, кто эти друзья?

— Сфенкл и Икмор, внуки Зигбьерна. Кроме того, под моей правой рукой всегда будет Руслан.

— Это отличные воины и преданные друзья. Тогда мы высылаем гонца, что готовы навестить вятичей.

Вскоре прибыл ответный гонец великого воеводы, слово в слово повторивший его приказ.

— Выступить в ночь. Проводник встретит и приведет на место, где следует укрыться и ждать

нападения. Пленных отправить в Киев под конвоем.

— Вот твой первый бой, великий князь, — улыбнулся Морозко.

— Второй, — поправил Святослав. — Первый был в день пострижения. Я помню его, как праздник.

— Значит, все твои сражения будут праздниками, великий князь.

— Надеюсь, — проворчал Святослав.

После необычно длинных занятий Морозко объявил перерыв на обед.

Этот поздний обед был на редкость обильным. Проходя между костров, вокруг которых пиновала

притомившаяся дружина великого князя, Морозко приговаривал.

— Ешьте больше. Куда больше, чем вам хочется. После обеда будете спать, пока не подниму. И больше никакой еды. В бой воины идут голодными, а весело пируют только после победы.

Пока объевшиеся юноши спали, Морозко терпеливо ждал известий от великого воеводы. Вскоре прибыл гонец с погонщиками и пятью лошадьми, во вьюках были легкие

нательные кольчуги.

— Поднимешь в сумерках, — сказал гонец. — Я провожу тебя на место, где будет ждать подкрепление.

Двадцать отборных воинов.

Опытный Морозко поднял дружинников чуть раньше. Приказал надеть кольчуги и побегать, чтобы кольчуги прильнули к телу.

— Быстрее, дружина, быстрее! — весело покрикивал он. — Кольчуга должна к сердцу прилепать, как матушкина пеленка!

До места встречи доехали быстро. Там их ждали не двадцать, а всего десять бывалых дружинников в полном снаряжении, но — без лучников. Встречал сам неразговорчивый Неслых.

— Почему их всего десять, Неслых?

— Потому что поражения учат куда больше побед. Так сказал великий воевода.

— Но великий воевода...

— Он передумал. И отдал приказ осторожно спрятаться в селище и ждать.

— А кони? — спросил Святослав. —

На конях мы ворвемся...

— Ворваться хочешь, великий князь? — Неслых скупой улыбнулся. — Коней спрятать в дальних хлевах, там за ними присмотрят мои коноводы.

Коноводы увели лошадей. Неслых лично разместил дружину великого князя, сказал, чтобы ждали тихо, не разговаривая и даже не шевелясь.

— Лежать рядом, — прошептал Святослав. — Чтоб рука к руке... И лишь в предрассветном сером сумраке, когда так нестерпимо хочется спать, издали послышались шаги, где-то звякнул то ли меч, то ли плохо подтянутое стремя. Великий князь протянул руку к соседу, чуть сжал. Тот вздрогнул — дремал, видно, но очнулся быстро и беззвучно. Сообразил, осторожно сжал руку ближнего дружинника. Цепочка заработала.

Никто и не вздохнул, а шаги все приближались. Все ближе, ближе... Великий князь верил в

предчувствие. Во всех учебных боях он всегда предугадывал, откуда будет удар, и либо отбивал его, либо отклонялся. И после этих учебных боев на его теле было не так уж много синяков. Куда меньше, чем у его друзей и соратников. И сейчас, впервые встречаясь с реальным противником, он знал, когда тот, пока еще невидимый, приблизится на расстояние внезапного броска. Шепнул почти беззвучно:

— Как поднимусь — за мной. В засапожные ножи их и без криков. И вскочил, повинуясь зову. За ним тотчас же поднялись натренированные играми в сражения дружинники, предварительно уже выбрав себе противника из смутных силуэтов. И бросились вперед, прижав отточенные лезвия ножей к тыльным сторонам локтевых мускулов.

Вятичи не ожидали удара из темноты, и вместе собраться им не удалось. Их резали ножами молча... А когда они немного опомнились,

засланные Неслыхом тайные люди подняли панику.

— Бежим! Бежим!.. Рать Киевская!..

И вятичи побежали, подставляя незащищенные спины молчаливым и беспощадным ножам.

Великий киевский князь Святослав Игоревич ворвался в земли вятичей.

3

Личная охрана Святослава, подкрепленная десяткой дружинников Морозко, ворвалась на плечах вятичей в их таинственные лесистые земли. Однако развить успех великий князь не успел: вятичи вдруг исчезли, рассыпавшись в непролазном лесу, из сплошной завесы кустов тотчас же густо полетели длинные вятичские стрелы с оттянутым лезвием.

На князе Святославе и его личной страже была византийская броня, которую стрелы вятичей пробить не могли. Но дружинники Морозко, одетые в железные киевские

кольчуги, оказались менее защищенными. Появились первые раненые, и, заметив это, Святослав тут же приказал пробиваться к пологому берегу Оки.

— Там нет кустов! Вынести всех раненых! Морозко, проследить! Пробились, потеряв одного убитым, трое были легко ранены. Ближайший путь до Киевских земель лежал через Черниговское княжество, но оно состояло в дружественных отношениях с Хазарским каганатом, потому эта дорога была для Святослава заказана. Пришлось идти в обход, пробираясь к Днепру. По дороге умер еще один раненый, и тела двоих воинов пришлось скрытно захоронить. Дружина устала. В этом кружном бегстве из вятичских земель почти ничего не ели, да и спали-то в полглаза и только по очереди.

Когда кое-как добрались до Киева, дружинники попадали с ног. Все, кроме Святослава.

Оборванный и истощенный великий князь ворвался в Княжеский дворец.

— Вы!.. Вы покрыли меня позором!.. Я нарушил заповедь конунга с почетом хоронить павших!.. Я зарыл их в сыром песке, и никто не знает, где их могилы!.. Я потерял право именоваться конунгом!.. Он метался по дворцовой тронной палате, бессвязно выкрикивая обвинения, а по ввалившимся щекам текли крупные слезы, которых Святослав не замечал.

— Вы!.. Вы разрушили мои надежды и мечты!.. Вы унизили меня перед воинами!.. Я чудом не погубил собственной дружины!..

Великий Киевский князь бегал по палате перед княгиней Ольгой и Свенельдом, не сняв доспехов. Бил кулаком в грудь, и гулкая броня тревожно отзывалась под сводами Княжеского дворца.

— Почему?.. Почему меня отправили только со стражей?.. Где обещанная моему воеводе помощь?.. Кто-то метит занять престол в Киеве?.. Так я уцелел! Уцелел, хотя никогда не займу этого престола!.. Я завоюю свое государство, свое,

слышите?.. И вы будете поставлять мне рабов!..

— Успокойся, сын мой, — вздохнула княгиня Ольга. — Вятичи бежали перед тобой..

— Но я же не разгромил их!.. Я!.. Я, а не они, в страхе бежал, и этого страха я никогда вам не прощу!..

— А ты знал, сколько перед тобою врагов, великий князь? Как вооружен этот враг, как привык воевать, проходимы ли болота и есть ли под рукою проводники, которым можно доверять? — спокойно спросил Свенельд. — Нет, ты предпочел обойтись без знаний о противнике. И я рад, что ты получил жестокий урок. Рад куда больше, чем если бы ты разгромил вятичей. Первые победы ничему не учат, а первые поражения будут всю жизнь учить тебя побеждать, великий князь.

— Значит... Значит, мое позорное поражение было задумано тобою, воевода Свенельд?

— Да, мой князь, — спокойно

ответил великий воевода. — Противника надо сначала окружить, а уж потом наносить удар по центру. Тогда он обречен на разгром. Он это знает, а поэтому всегда стремится уйти от окружения. Значит, надо найти способ, чтобы выманить противника в удобное для окружения место.

— Как? Как я заставлю его принять бой в избранном мною месте?

— Он должен быть уверен, что победит тебя, — Свенельд улыбнулся. — А такая уверенность у врага появляется, когда он заведомо знает, что превосходит тебя по численности.

— Ты предлагаешь мне, внуку великого Рюрика, воевать малыми силами, воевода?

— Да, великий князь. Сила твоей дружины должна заключаться не в количестве, а в мастерстве каждого. Я куплю в Византии доспехи для всей дружины Морозко, и твои воины будут надежно защищены от стрел вятичей. А потом вместе подумаем, каким способом

выманить вятичей из лесов и заставить их сражаться в выбранном тобою месте.

— Благородное решение, но я обойдусь без киевской подачки.

— Византийская броня стоит очень дорого, сын мой, — как-то неуверенно сказала княгиня Ольга.

— Сколько бы она ни стоила, я не возьму и горстки вашего золота.

Святослав резко подчеркнул слово «вашего». Двери были открыты, в соседней палате накрывали пиршественный стол. А молодой князь говорил вызывающе громко, порою срываясь на крик, и до челяди доносилось каждое слово.

— Ты надеешься занять золото у ромеев? — спросил Свенельд. — Они богаты, и с удовольствием дадут тебе его, но какова будет расплата.

«Золото ромеев», — отметил про себя не пропускавший ни одного слова Обран. — За такие сведения Калокир осыплет меня милостями...».

— Я сам добуду золото, — резко и громко продолжал Святослав. — Мне

не нужны подачки из вашей казны.
— Но как быть с вятичами? —
по-прежнему неуверенно продолжала
великая княгиня. — Без
византийской брони...

— Не надо тревожить вятичей, —
вдруг негромко сказал Святослав.
— Но ведь ты, сын мой, только что
возмущался, что не смог разгромить
их...

— Они не препятствуют проходу по
Оке. А Ока впадает в Волгу.

— Я знаю. Но...

— Волга ведет в тыл Хазарскому
каганату, великая княгиня, —
спокойно сказал Свенельд,
мгновенно понявший стратегический
замысел Святослава. — Если тихо,
тайно сплавиться по ней, будет
возможность ударить хазарам в
спину.

— Воевода, как всегда, читает мои
мысли, — усмехнулся Святослав.

— Хазарский каганат очень силен,
сын мой, — упорно продолжала
великая княгиня. — У него
несметное множество воинов и
опытные полководцы.

— Я тоже опытный. Если...

Святослав неожиданно улыбнулся и замолчал. Улыбка столь редко появлялась на его лице, что великая княгиня Ольга и Свенельд удивленно переглянулись.

— Что значит твое «если»?..

— Если вы не будете мне мешать.

— Мы будем тебе помогать, сын мой, — сказала великая княгиня.

— Отныне мой стан будет ниже Киева на одно поприще. На левом притоке Днепра. Выдать мне в долг коней и по три попоны на каждого коня. Заплачу все долги сполна, как только добуду золото.

— Возьмешь с собою Малушу, сын мой? Она не должна спать на голой земле.

— Малуша?.. — Святослав нахмурился. — Я сообщу позднее. Пока она останется в твоём Летнем дворце, великая княгиня.

Свенельд вздохнул:

— Кто даст тебе золото?

— Тот, кто первым увидит во мне конунга русов, воевода.

Святослав резко развернулся и, не

оглянувшись, вышел из дворца.

4

И вновь возникает вопрос: как бы повернулась не только дальнейшая судьба самого князя Святослава, но и вся история Руси, если бы неожиданно не дрогнула основа опасного и могущественного соседа Киевской Руси — Великой Византийской империи.

Это было самое мощное государство, образовавшееся после распада Римской империи, почему его жители и назывались на Руси ромеями, то есть римлянами. Раскинувшись на двух материках — Европе и Азии, — византийцы вели обширную торговлю со всем культурным миром того времени и беспощадные войны с миром, считавшимся куда менее развитым. У Византии была самая большая, хорошо вооруженная армия, которой командовали выдающиеся, отлично подготовленные полководцы. Ее самый крупный в мире военный и

торговый флот держал под контролем все Средиземное море, а боевые корабли имели на вооружении «Греческий огонь», безотчетно пугавший всех современников. Греки первыми в военной истории применили метание снарядов на расстояние. Наполнив глиняные корчаги нефтью, они поджигали нефть и баллистами забрасывали горящие плоски на палубы кораблей. Деревянные корабли вспыхивали далеко от судов византийцев. Так был сожжен русский флот великого князя Игоря.

Однако самым большим завоеванием греческого государства следует считать создание особой внешней политики, получившей в истории многозначительное название «Византийской». Это была глубоко продуманная система натравливания одних врагов Византии на других. В этом искусстве интриг, провокаций, споров и ссор империя не знала себе равных.

Византия вела обширную рабовладельческую торговлю,

покупая в соседних странах (особенно в Киевской Руси) мальчиков и девочек. Девочек поставляли в гаремы, мальчиков готовили в солдаты. После обучения они пополняли ряды армий, сражавшихся вне империи. Саму империю со столицей, которую на Руси называли Царьградом, защищала личная гвардия императора, в которую отбирались лучшие жители собственно Византии. И гордая столица не только не признавала, но и презирала рабские армии окраин.

Эти рабские армии были разгромлены наконец-то объединившимися месопотамскими племенами. Заветная цель прорваться к Великому шелковому пути оказалась неосуществимой мечтой. В Царьграде началась смута, один император менял другого проверенным путем дворцового переворота или столь же проверенной крысиной поступью яда. Косвенным путем на выход к Великому шелковому пути обладал Хазарский каганат, за что весьма

регулярно получал очень неплохой доход. Но хазары были далеко, политически держались весьма обособленно и в сети лукавой политики Царьграда не ввязывались. Кроме того, меж Византией и Хазарским каганатом лежала Киевская Русь. Значит...

Значит, воевать с хазарами должны были витязи Киевской Руси. Не бесплатно, конечно, за золото, но золото возвращается в свои закрома. Оно всегда возвращается, если его приручить.

И когда Херсонесский наместник Калокир донес, что великий Киевский князь Святослав нуждается в золоте для войны с Хазарским каганатом, к нему тотчас же был отправлен вестник с повелением немедленно передать лично Святославу сорок пудов золота.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

А Святослав стоял с дружиной Морозко и личной стражей под Киевом. Он повелел не строить никаких укрытий, даже шалашей, спать на голой земле, подстелив попону, и не варить никакого хлеба. Утром вставал до рассвета, разводил для сладко спавшей дружины костер без дыма, тонкими кусками нарезал мясо. К сожалению, никакой дичины не было, охотиться Святослав запретил, приходилось довольствоваться кониной, и это ему не нравилось. Он старался соблюдать законы варяжского братства даже в мелочах. Свято поверив старому варягу, быстро и странно скончавшемуся вскоре после долгих и подробных разговоров с юным великим князем, он строго следовал его заветам. Помнил не только слова, но и все интонации старческого дребезжащего голоса и, засыпая, всегда повторял про себя его наказы. Он стал странно молчалив. И раньше-то был немногословен, а

теперь порою не произносил ни слова за весь день. Сфенкл, поразмыслив, отнес эту странную перемену ко дню первой встречи со старым варягом. Когда пропала собака великого князя, которую все очень любили.

Но Сфенкл не задавал вопросов, он был умен и сдержан. Наделенный богатырской силой Икмор был слегка косноязычен, а потому отсутствие разговоров его всегда устраивало. А вот живого Руслана это странное молчание угнетало.

— И чего великий князь все время молчит? Каким-то странным стал... Живан, не оставивший своего господина и в его добровольном изгнании, напевно повествовал о былых богатырях и тем самым как-то разряжал обстановку, однако запас этих сказаний был невелик, Живан часто повторялся и вскоре всем надоел.

— Давайте хотя бы Асмуса пригласим, — ворчал Руслан, окончательно умаявшись от скучных повторов Живана. — Тот хоть

занятные греческие сказки знает. Асмус рассказывал греческие мифы о героях, путешествиях, Троянской войне. Святослав любил его слушать.

— Скажи там, в Киеве, чтоб Асмуса прислали, — сказал Святослав.

— Скажу, княжич, — согласился Живан.

Уехал и вернулся с Асмусом. Но выглядел каким-то сумрачным. И произнес хмуро:

— Великая княгиня велела тебе, мой княжич, передать, что воевода Свенельд был против Асмуса.

Сказал, что нельзя играть в игры ромеев, они все равно нас обыграют.

— Надоест, выгоним, — буркнул Святослав. И все замолчали.

Однако непоседливому Руслану вскоре и Асмуса с его греческими сказаниями оказалось недостаточно.

Поворчав, он вдруг вспомнил о Малуше и сразу же объявил всем об этом. Великий князь молча отошел от костра, а Сфенкл сказал:

— Поздно.

- Почему поздно?
- Потому что мы уже усы отпускаем.
- Не понял, — сказал Руслан.
- Перессоримся.
- Понял, — вздохнул Руслан.

И о Малуше больше не вспоминали.

Никто. Кроме князя Святослава.

Потому что она ему снилась.

Снилась в напряженно мучительных снах юности. Он желал ее, как никого доселе, но понимал, что это недопустимая слабость. Малуша могла разрушить их дружинное братство помимо собственной воли. Этого нельзя было допустить.

Значит, с Малушей надо было решать самому. Без друзей. Выкорчевать ее из сердца. Но как?..

И однажды Святослав проснулся в смутной тревоге. Не потому, что забыл все наставления старого варяга, а потому, что вспомнил о них.

Право конунга на личную месть.

Ему есть за что мстить правителям великого Киевского княжества. Их блуд лишил его законного отца. Но мать не виновна, она даровала ему

жизнь. Значит, виновен мужчина. Великий воевода Свенельд. Но он — его породил. Его нельзя убивать, но можно и должно навеки опозорить.

Здесь мысль его останавливалась, точно упершись в непреодолимую стену. Опозорить Свенельда можно было одним-единственным способом: насильно обесчестив Малушу. А детство? А общие игры? А общая мальчишеская влюбленность?..

Общая... И его — тоже.

Но старый варяг говорил, что конунг русов не имеет права на слабость. Никакой любви — она отдана дружине. Никаких женщин — они крадут силу. И поэтому их надо брать насильно, любви все равно нет.

Но... но ведь это — Малуша. Они вместе росли...

Два дня и две ночи он решал эту проблему. А потом твердо сказал себе: «Или я — не конунг». И ночью тайком ушел из стойбища.

И еще день лежал в крапиве, что буйно разрослась у забора Летнего

дворца великой княгини. Когда-то именно здесь он играл в сражения, потому что упасть в крапиву было очень неприятно. И он никогда не падал, особенно на глазах Малуши. Сейчас Святослав не обращал внимания ни на крапиву, ни на комаров. Он почему-то — и сам себе не мог объяснить, почему именно — не решался проникнуть в Дворцовый сад, пока стража прохаживалась возле самого Летнего дворца. Он стерег Малушу.

И неожиданно вышла она. Вышла и неторопливо, грустно пошла через поляну, на которой они когда-то играли. Пошла прямо к нему.

Прямо!..

Он потерял голову. Бросился к ней — мокрый, грязный, потный, искусанный комарами. Рванул за плечи, прижал к себе и... Не знал, что делать дальше. И еще сильнее сжал плечи и уже собирался повалить на землю...

А она выдохнула вдруг:

— Желанный...

И тогда Святослав упал сам на

спину и потянул ее за собой, но так, чтобы она о землю не ударилась. Перекатился, стал рвать на ней платье, а она сама помогала ему, жарко шепча:

— Желанный мой... Желанный...

Сколько длилось мгновение близости, великий князь так никогда и не вспомнил. То ли минуту, то ли вечность. Потом, после, у него была жена и еще случайные, не идущие в счет женщины походов, но такого мига полного оглушающего счастья у него не было больше никогда.

Он вскочил с еще бурно бьющимся сердцем. Схватил Малушу за руку, рывком поднял с земли и бегом потащил за собою во дворец, не обращая внимания ни на челядь, ни на стражу, ни на саму Малушу.

Так они ворвались во дворец. И Святослав крикнул:

— Ко мне великую княгиню!.. И соправителя!.. Вошли оба. Из одной двери.

— Сын?.. — удивленно спросила Ольга.

— Я насильно опозорил Малушу... — задыхаясь, начал было великий князь.

— Неправда!.. — крикнула Малуша. — Неправда, неправда!..

— Это — мечь тебе, мать, и великому воеводе. Его меч всегда может найти меня...

— Неправда!.. — отчаянно выкрикнула Малуша и заплакала.

— Если Малфрида родит сына, я возьму его в свою дружину со всеми правами. Со всеми, слышите?.. Потому что...

Свенельд молча подошел к нему и изо всей силы ударил кулаком в лицо. Святослав от неожиданности упал навзничь.

— Ты изнасиловал мою внучку, свою ближайшую родственницу. Если она родит сына, он не станет твоим дружинником. Он станет великим Киевским князем! Вон отсюда!

Великий князь поднялся и стремительно вышел из Летнего дворца, где так безмятежно и весело играл в детстве.

Малуша родила сына. Нарекли Владимиром.

2

Тем же стремительным шагом он вернулся в стойбище своей дружины. И первым его встретил Руслан. Первым, потому что с нетерпением ждал.

— Как Малуша?

— Мстил, — резко сказал Святослав. — Я мстил нашим правителям, ты меня понял?

— Как мстил? — опешил Руслан. — За что?.. Что значит мстил?

— Опозорил, понял? Я насильно завалил Малушу на их глазах. А заодно и всей дворни.

— Нет... — Руслан затряс головой. — Нет, нет!.. Ты не мог так поступить. Не мог!..

— Я сделал это. Сделал! Я — конунг, а конунги никогда не забывают о мести.

— У тебя нет больше брата, княжич! — выкрикнул Руслан. — Нет!

Знай это!..

— Ты опозорил себя, — горько сказал невесть откуда появившийся Живан. — Себя и всех нас. И особенно меня на старости лет. А ведь я одевал тебя в первые штанишки и опоясывал первым мечом. Я вел тебя в твою первую победную битву...

— Вон с глаз моих, старик!.. — в бешенстве выкрикнул Святослав. — Чтобы глаза мои не видели тебя в моем дружинном стане!

— Мне стыдно за тебя, княжич. Горестно и очень, очень стыдно... И, сторбившись, пошел к конюшне. — Я здесь единственный воевода! — заорал Святослав. — Где этот мальчишка?

Руслан к тому времени убежал. Не явился он и ко второму обеду — по варяжским обычаям они обедали два раза в день, — и Святослав послал за ним отрока. Отрок, обегав окрестности и дооравшись до хрипоты, вернулся и доложил, что Руслана нигде нет.

— Жаль, — сказал Сфенкл. — Он

ловко стрелял, и меч был покорен его руке.

Святослав промолчал. Он по-своему очень любил веселого, живого, ловкого, как рысенок, и такого светлого и наивного друга. И сейчас очень сожалел, что именно Руслан подвернулся ему под горячую руку.

Руслан примчался на запаленном коне в стан первой дружины, которой командовал Свенельд. Со слезами, гневом и возмущением рассказал о похвальбе великого князя Святослава.

— Правда ли это, великий воевода, или я неправильно понял?.. Скажи мне, скажи!..

— Правда, Руслан.

— Я убью его!

— Убьешь, — подтвердил Свенельд. — Если не будешь орать об этом преждевременно на весь свет. Ступай к моему подвоеводе и скажи, что я повелел зачислить тебя в свою охрану.

— Почему в охрану, когда я хочу сражаться! Я хочу сражаться, мой

названный отец!..

— Потому что ты познал поражение от вятичей. Теперь познаешь вкус победы и станешь настоящим воином. Ступай.

Руслан поклонился и пошел к выходу. И только толкнул ворота, как Свенельд крикнул:

— Стой! Ты ведь хорошо знаешь печенежский язык.

— Знаю, великий воевода.

— Ты поедешь к печенегам в орду, которую водит Куренной. Она кочует меж устьями Днепра и Днестра, берет дань с византийских купцов, но ровно столько, сколько позволяю я. Когда-то я спас воинскую честь его сына, и он дал мне клятву на вечную дружбу, сломав предо мной свою боевую стрелу. У него — единственный сын, твой ровесник, которого зовут Куря. Ты с ним подружисься, а потом постарайся побрататься. Мне нужны твои глаза и уши в его орде.

— Он дал тебе самую большую клятву на верность, великий воевода!

Степняки никогда не изменяют

клятвам, данным от чистого сердца. Лучше оставь меня при себе, возьми в дружину.

— Византийцы такой клятвы мне не давали, Руслан. А эта держава хитра и изворотлива, как змея. Ты меня, надеюсь, понял. Они спят и видят, как втравить нас в войну с хазарами.

— Великий князь Святослав видит такие же сны, мой воевода.

Свенельд задумался. Жесткая складка пересекла лоб, как сабельный шрам. Потом вдруг решительно встряхнул головой:

— Хазарский каганат — видимость, Руслан. Границы смахивают на бредень, царь их не управляет собственной страной, а крепости имеют слабые гарнизоны. Только бить их в лоб не следует. Как раз на наших рубежах они и держат свои лучшие силы. Святослав как-то выкрикнул во дворце, что сплавится по Волге, на которую пройдет через земли вятичей, но это похвальба незрелого вождя. Хотя мысль сама по себе верная. Только к войне с

вятичами надо готовиться очень серьезно... Впрочем, я сам поговорю с ним. А ты немедленно выезжай к печенегам, Руслан. И помни, что ты — мои глаза и уши.

3

Историю пишут люди, но сама по себе она полновластный монополист, диктующий историкам причудливые извивы собственного творения. И написанная история, которую с седых времен учат в школах и университетах, которой занимаются мудрые историки, есть всего лишь видимая часть айсберга, есть только то, что можно хоть как-то истолковать, чтобы получилось внятно, а главное — научно. Мы, современники, анализируем или пытаемся анализировать только то, что нам видно. Но кто может бесспорно разъяснить, почему вдруг тот или иной исторический персонаж поступает именно так, а не иначе. И мы с отчаянной смелостью

предлагаем свое собственное толкование его тяжелой поступи. Так случилось и с героем нашего повествования, великим Киевским князем Святославом. А началось все с просьбы Господина Великого Новгорода прислать им князя. Ради этого они послали в Киев посольство из самых знатных представителей «золотых поясов». — Мы просим к себе князя, великая княгиня. Вече два дня орало и дралось, но все сошлись на твоём сыне — великом князе Святославе. Вообще-то Господин Великий Новгород был богатейшей боярской республикой, каковых на территории собственно Руси того времени более и не встречалось. Считалось, что высшей властью в ней обладает вече, но всем руководили богатые бояре, которые назывались «золотыми поясами». Именно они, а не вече, избирали посадника, который и являлся верховной властью в боярской республике. Однако Новгород Великий имел как собственную дружину, так и хорошо

вооруженное ополчение, для руководства которыми требовался специалист. Собственных князей-воинов не было, и новгородцы истари приглашали на эту должность кого-либо из Стольного града Киева. У князя была своя резиденция вне Новгородского кремля, за которую Киев платил определенную — и немалую — мзду, а дружину и ополчение содержал сам Новгород Великий. И Киев от платы за содержание князя, достойное его высокого положения, не отказывался, потому что Великий Торговый путь из варяг в греки был ему необходим. А прикрыть эту питающую Киевское Великое княжество артерию от грабежей варяжских ватаг мог только поставленный Киевом князь со своей и новгородской дружинами. А тут пал в схватке с варягами служивый князь Великого Новгорода, и Совет «золотых поясов» немедленно послал представительную депутацию в Стольный Киев с

нижайшей просьбой срочно прислать князя на службу.

— Господин Великий Новгород просит Великого князя Святослава Игоревича!

4

— Благодарю Великий Новгород, но все зависит от самого Святослава.

— Новгород просит только Святослава Игоревича, великая княгиня.

— Я пошлю за ним, а вас, любезные гости, прошу перекусить с дороги. Великая княгиня тотчас же выслала за князем Святославом Свенельда с наказом уговорить, во что бы то ни стало.

— Наш сын не в меру упрям и капризен, но не лишен честолюбия. Объясни ему, что если он даст свое согласие, то получит право именоваться не только Великим князем Киевского княжения, но и князем Новгородским.

(И еще раз повторим: в истории

правит Его Величество Случай. Откажись тогда упрямец Святослав от Новгородского предложения, и историческая карта Европы, которую мы знаем сегодня, была бы иной.) Но великий князь Святослав не отказался. Мать хорошо его изучила: он и впрямь был чудовищно честолюбив. Согласился, правда, с двумя условиями. Святослав пожелал, чтобы охрану его личного места проживания вне пределов приземистых новгородских стен несли его воины, и чтобы новгородский посадник первым представился ему в его резиденции. Новгородцы не спорили, и княжич Святослав вскоре отправился в Господин Великий Новгород со своими дружинниками. Встреча была торжественной. После еще более пышного церемониала во здравие киевского княжича и новгородского князя перед Святославом стройно прошли обе новгородские дружины и ополчение. Они громко кричали «Слава!..» и «Хвала!..», а пир был отмечен не

столько яствами, к которым Святослав всегда был равнодушен, сколько речами в его честь, — а это ему всегда было любо.

На следующий день посадник во главе выборных бояр показывал великому князю Новгород. Его укрепления, расположения дружин, охрану ворот и — торговый центр города, куда свозили дорогие ткани, одежду, меха, шелка, меды и взвары, пеньку, лен, лес. Верфи, где строили новгородские суда, способные выдержать бурю на море. Именно они и развозили по Европейским портам богатства Господина Великого Новгорода, множа его славу.

В ответ князь Святослав устроил в своей загородной усадьбе особо продуманный прием. «Золотые пояса» Новгорода великого во главе с посадником были поражены не столько убожеством этого приема, сколько его какой-то подчеркнутой демонстративностью. Великий Киевский и Новгородский князь угощал гостей кое-как поджаренными

кусочками дичины на вертелах, просоленной сырой медвежатиной, сырой, слегка приправленной травами строганиной из нежного мяса косули, чуть тронутой огнем кабаниной, живыми, угрожающе шевелящими клещами раками, сырой, лишь приправленной черемшой икрой и медовыми взварами с клюквой.

— Не удивляйтесь, высокочтимые гости, — сказал он, открывая это странное пиршество. — Я просто хотел напомнить вам, чем питался мой великий дед, ваш князь и конунг собственной дружины Рюрик. И эта простота была достаточна, чтобы он стал начальником Великой Руси. И я дал себе клятву, что буду есть то, что бегаёт и растёт, но создам и могучую дружину, и свое, ещё более могучее княжество.

— Хвала и Слава великому князю Киева и Новгорода! — выкрикнул посадник.

— Хвала и Слава!.. — тотчас же нестройно откликнулись гости.

«Золотые пояса» покорно ели эти «яства», с трудом скрывая

отвращение. И только посадник пробовал все с видимым удовольствием, причмокивая и похваливая. А в конце пиршества подняв чашу с крепкой медовухой, сказал:

— Мудрый князь Новгородский Святослав Игоревич показывает нам наглядно, что память о предках есть не перечисление их побед, а память об их нелегком пути к этим победам.

5

На следующее утро посадник пригласил Великого князя Киевской Руси к себе. Не на пир, а ради откровенного разговора. Который и начал первым не столько потому, что был хозяином, сколько потому, что был старше Великого князя Киевской Руси и приглашенного князя Господина Великого Новгорода.

— Юность цветет мечтаниями, великий князь, — начал он с

благородной улыбкой. — О каких подвигах мечтает твоя просыпающаяся душа?

— Я не умею мечтать.

— Но у тебя есть какие-то желания? Их просто не может не быть.

— У меня есть долг.

— Долг? — несколько растерянно переспросил посадник, руководивший Боярской республикой, торговавшей чуть ли не со всеми странами Европы, а потому и понимающий само слово «долг» прежде всего в его денежном содержании.

— Долг, — повторил Святослав. — Полвека тому назад в битвах с хазарами и буртасами погибла почти вся рать моего отца, когда он возвращался из Каспийского похода. По нашим законам это требует отмщения вплоть до третьего колена.

— Ты прав, великий князь. Отмщение требует жестокого наказания. Но почему Киевская власть сама не примет меры ради этой святой мести? Великий воевода Свенельд давно обязан был беспощадно

покарать хотя бы буртасов.

— Свенельд... — Святослав чуть запнулся, произнося это имя, но тут же оправился. — Воевода многому научил меня и многому еще научит. Моему княжеству угрожают кочевники с юга, которых с этой целью беспрепятственно пропускает Хазарский каганат через свои земли. И он сдерживает этот натиск.

— Он исполняет свой нелегкий долг. Хвала и Слава великому воеводе Свенельду.

— Хвала и Слава! — откликнулся новый новгородский князь.

Они торжественно выпили за здравные чаши и перевернули их вверх дном, как того требовал обычай. Потом Святослав сказал:

— Мой дед великий князь Олег Вещий хорошо куснул хазар, выйдя на них походом. А мой отец великий князь Игорь ударил по ним с юга, но буртасы разгромили его передовой отряд. Я говорил тебе о моем сыновнем долге. Я должен отомстить буртасам.

— Да, ты говорил, — машинально повторил посадник, задумавшись о своем.

— Ты слышишь меня, посадник?

— Что?.. — посадник очнулся от дум. — Да, да, ты говорил о долге. — Я ходил войной на вятичей, но... — Святослав замялся. — Их стрелы легко пробивают киевские кольчуги, посадник.

— Великий воевода Свенельд достаточно богат, чтобы одеть всю твою дружину в добрую византийскую броню, князь Святослав.

— Я не люблю Киева за его лживую политику, и мой стан с моей дружиной стоит на одно поприще ниже по течению Днепра. Но Хазарию, которой мой народ платил дани и продолжает их платить, я ненавижу настолько, что дал клятву стереть ее с лица земли. Как буртасов. Киевские наместники, правящие от моего имени, предлагают мне золото, чтобы я купил византийскую броню для дружины, но я не могу принять их дара.

Посадник усмехнулся. Помолчал, огладил ухоженную бороду. Спросил неожиданно:

— Сколько же тебе надо золота?

— Я получу его, разгромив Хазарию. И куплю сам, на хазарскую добычу.

— Твой великий дед Рюрик свершил множество добрых дел и великих подвигов. Однако он не постеснялся занять золота, чтобы оснастить броней и оружием дружины конунга русов Олега. И Олег вернул долг, когда выгнал из Киева захватчика Аскольда. Мы, торговые люди, смотрим на это просто.

— Что значит просто, посадник? На войну нельзя смотреть просто. Меня научили опасаться простоты после того, как вятичи преподали мне урок.

— Мы покупаем то, что нам требуется. И у тебя мы не прочь купить твое обещание. Сколько тебе, великий князь, нужно золота, чтобы твоя дружина оделась в византийские кольчуги?

— Много, — буркнул Святослав.

— И все же?

— Сорок пудов.

— Твой великий дед Рюрик когда-то запросил с Господина Великого Новгорода в полтора раза больше. И Олег взял мятежный Киев.

— Означают ли твои слова, что Господин Великий Новгород одолжит мне на треть меньше, чем одолжил моему деду?

— Сначала я должен объяснить тебе, великий князь, положение Господина Великого Новгорода. Мы стоим на золотом пути из варяг в греки, и этот путь стал опасным из-за хищников-болгар на юге. Они перехватывают наши суда, держа свои разбойничьи шайки в устьях Днестра и Дуная. Мы постоянно несем значительные убытки. Поэтому золото, которое мы дадим тебе, должно направить твой меч против болгарских разбоев.

— Но я дал клятву, посадник.

— После того как ты исполнишь свою святую клятву отмщения. Твой удар по Хазарии должен закончиться на берегах Черного моря. Понтийские печенегы пополнят твои дружины, и

ты, великий князь, с новыми силами прорвешься к Дунаю и разгромишь Болгарию.

Святослав задумался. И думал долго и основательно, сдвинув брови к переносью.

— Ты отдашь долг с хазарской добычи, — успел вставить посадник. — Но все дальнейшие победы возместят тебе хазарские потери.

— Там я по примеру своего великого деда Рюрика и создам собственную державу, — помолчав, сказал Святослав и встал, давая этим посаднику знак, что они обо всем договорились.

— С одним непременным условием, — вкрадчиво добавил посадник.

— Какое еще условие?

— Перед тем как идти на хазар, ты посоветуешься с великим воеводой Свенельдом.

— Свенельд умеет воевать только с кочевниками, — зло сказал Новгородский князь.

— Свенельд умеет воевать, — усмехнулся посадник. — Он не

проиграл ни одной битвы.
— С кочевниками или с южными славянскими племенами.
— Господину Великому Новгороду необходимо, чтобы великий князь Святослав Игоревич, наголову разгромив Хазарский каганат, вышел бы с боееспособным войском на границы Болгарии. Ради этого мы дадим тебе ладейщиков, которые построят насады с высокими бортами, будут управлять этими насадами, и ты со своей дружиной незаметно подберешься к сторожевым башням Хазарского каганата. И протянул Святославу руку.
— Но... — посадник задержал руку Святослава в своей ладони. — Сначала ты непременно посоветуешься с воеводой Свенельдом.
— Посоветуюсь... — угрюмо буркнул Новгородский князь.
Это рукопожатие и изменило в будущем весь исторический путь России.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

На третий день безмятежной княжеской службы в Новгороде Великом Совет господ велел Новгородскому князю выдвинуть дружину вверх по реке, где какие-то неизвестные разграбили и сожгли торговый караван.

Святослав, решительно отказавшись от новгородской помощи, объявил, что поведет свою собственную стражу по высокому берегу.

— Почему не на ладьях? — строго спросил посадник. — По береговым камышам незаметно подберешься, они же именно на реке тебя ждут, великий князь!

— Нападай оттуда, где не ждут, — сказал Святослав. — А где ждут — только друзей терять.

— А на варягов как ударишь? Вплавь, что ли? Не годится это, великий князь.

— На перекате. Вверх по течению я их до перекатов не догоню, а по

берегу — обгону. И укроюсь, и ударю, когда мне удобно будет ударить. Дай мне доброго проводника, посадник.

— Есть такой, Третьяком зовут. Да кроме Третьяка я тебе заводных лошадей дам. Чтоб было что жевать, путь неблизкий.

— За проводника прими мою благодарность, а еды не надо. У моей дружины под ногами корм. Помнишь, поди, какой пир я твоим «золотым поясам» в княжьем дворце устроил?

— Твои вои привычны, великий князь, да только мой проводник к такой пище непривычен.

— Вот пусть и тащит свою еду на собственном горбу. Только есть ему придется на ходу. Я должен добратся до перекатов раньше новоявленных варягов. Добратся, оглядеться и принять решение о полном их разгроме, чтобы ни один не ушел.

— Коль так сделаешь, я тебе, великий князь, девчонку подарю. Мне ее с юга привезли. Не знаю, то

ли турчанка, то ли хазарка.

— Если хазарка, приму твой дар, посадник, с особой благодарностью.

— Тогда считай, что твоя она.

— Еще раз благодарю. Выезжаем перед рассветом. Со мной пойдет одна моя дружина. У проводника конь выезжен? Не заржет с перепугу?

— Дам из своей конюшни, великий князь.

— Твой должник, посадник. Значит, выезжаем перед рассветом.

Святослав проснулся задолго до рассвета. Да и засыпая, долго вертелся на попоне, а сон упорно не приходил. Он знал, что ему мешает уснуть, но ничего с собою не мог поделаться, как ни старался. Завтра по броне будут звенеть не учебные мечи, от которых остаются всего лишь синяки на теле. Завтра его ни разу не побывавшая в боях дружина встретится с варягами, которые отлично владеют всеми видами оружия. И умеют метать тяжелые ножи на расстоянии, никогда не промахиваясь. Об этом,

раскачиваясь, напевно рассказывал старый варяг с прямой, как пика, спиной. А он, князь Господина Великого Новгорода и Великий Киевский князь, взял с собою в Новгород только личную охрану и гордо отказался от помощи новгородского войска. Это большая ошибка, которая не прощается. Но если ты проиграл битву, то, даже погибнув в ней, достоин хвалы и песен, если погиб со славой.

Спал мало, но встал бодрым. Окатился холодной водой, развел для дружины костер, поджарил на углях мясо и только тогда растолкал своих сладко спавших юных воинов.

— Есть мало, жевать старательно, — сказал он в ответ на их приветствия. — Коней напоить до отвала, нам предстоит перегнать варягов по берегу до переката, где затаиться и ждать, когда и как подойдут.

— Нас ждет битва? — спросил Икмор. — Битва с врагом, численности которого мы не знаем. Надеть

боевые кольчуги и побегать, чтобы пристали к телу. Мечи и кинжалы показать мне. Притуплённые заставлю наточить, как бритвы. Только после тщательной проверки вооружения, брони и коней князь Святослав повелел тронуться в путь. И первым выехал из Новгородского Княжьего дворца.

2

Ехали шагом. Не столько потому, что звук конной рыси далеко разносится вдоль реки, сколько из-за тропы. Она была мало хоженной, мшистой, но подо мхом проглядывали каменные окатыши, на которых могли поскользнуться лошади, и тогда вся затея грозила окончиться полным провалом. Внизу под высоким обрывистым берегом шумела река. Это было удобно, так как шум заглушал их движение, но зато перекрывал вид на реку, и здесь приходилось во всем полагаться на проводника.

Третьяк спокойно ехал впереди, пока не подавал никаких знаков, и все же Святослав и его молодые соратники были напряжены. Великий князь вообще не терпел зависимости от кого бы то ни было, а уж от неизвестного ему лично проводника тем более. Но он пока сдерживал свое нетерпение, а когда оно вот-вот должно было иссякнуть, проводник неожиданно приостановил коня и, оглянувшись на великого князя, поманил рукой.

Святослав подъехал. Спросил:

— Что там?

— Пороги шумят. Прислушайся.

Князь оглянулся, прижал палец к губам. Все замерли.

Сквозь легкий лесной шум еле слышно доносился рокот воды на перекате.

— Коней оставим, когда с перекатом поравняемся, — шепотом продолжал проводник. — Там есть укромное место. Если не заржут...

— Если заржут, с тебя спрошу, — хмуро предупредил Святослав.

— Значит, не заржут, — проводник

помолчал, добавил главное: — Где-то вскорости мы непременно должны верхом их обогнать. Ну, а там — оглядеться да изготовиться, великий князь.

Князь хмуро промолчал. Сфенкл спросил немного погодя:

— Как они вооружены?

— Варяги-то? — переспросил проводник. — По-разному. Если разбоем давно занимаются, то успели и кольчуги достать, и мечи. Только вряд ли. Пришлые это, должно быть, варяги. Об их разбоях ничего доселе слышно не было.

— Откуда слышно-то? — спросил Икмор.

— Господин Великий Новгород со всеми странами торговлю ведет. А торговые люди друг дружку поддерживают и обо всем знают.

— Молчать всем, — резко сказал великий князь. — Перекаты близко, думать пора, как татей встретить. И как самим уцелеть...

Рокот перекатов приближался с каждым шагом. Проводник спешился, взял коня под уздцы. Остальные

сразу же последовали его примеру, и тут проводник указал рукой вниз. Сквозь кусты виден был весь речной пережат. Возле огромных, гладко окатанных водою валунов с шумом пенилась вода.

— Вот он, пережат, — сказал проводник. — Коней под уздцы и — за мной.

В низине оставили коней под присмотром проводника, осторожно, по одному, пересекли узкую протоку и спрятались за валунами.

— Протащить судно можно только по протоке и то — волоком вдоль берега, — сказал Святослав. — Значит, вылезут на берег и на эти камни. Сфенкл, бери семь дружинников и — назад, на берег, спрячетесь в кустах. Резать каждого, кто вздумает туда перебраться. Ну, а мы их здесь встретим.

— Мне и пяти хватит, — отвечивал Сфенкл.

— Значит, возьмешь пять.

Ничего пока не было ни слышно, ни видно. Сфенкл со своей пятеркой

уже спрятался на другом берегу протоки, великий князь, приказав своим укрыться за валунами, напряженно прислушивался, но пока ничего.

— Вода глушит, — сказал он. — Никому не высовываться. И железом не брякать.

Лежали они за валунной стеной довольно долго. Не шевелился ни один листок там, за протокой, где в кустах терпеливо ждали воины Сфенкла. Святослав уже начал было подумывать, не напутали ли чего новгородцы, когда вдали показалось что-то громоздкое.

— Замереть! — шепнул он. — Начнем действовать, когда скажу.

Уже отчетливо было видно, как ритмично и одновременно взлетают по бортам четыре пары весел, людей на палубе, тюки с товарами. Они-то и мешали Святославу пересчитать, сколько же людей на судне, как они вооружены, как ведут себя — с опаской или нет?

Судно стало сбавлять ход.

Перегруженное, тяжелое, явно

предназначенное для морского плавания.

И, наконец, махина эта осторожно уткнулась носом в каменную гряду, за которой они прятались. С палубы тотчас же спрыгнули люди. Шестеро с веревками и без оружия сразу стали переправляться к противоположному берегу протоки, где их, затаившись, поджидали пятеро дружинников Сфенкла, а за ними на каменную гряду неспешно и без всякого страха вышли трое вооруженных.

«Это — по наши души...» — едва успел подумать великий князь.

Едва, потому что первый вооруженный вдруг пошатнулся и рухнул на валун. Из горла его торчал тяжелый метательный варяжский нож. К нему бросился второй с оружием, но тут же рухнул рядом, тоже получив нож в горло.

— Кто мечет ножи? — громко спросил Святослав, поскольку речной шум заглушал голос.

— Сейчас скажу... — отозвался знакомый голос, и третий из

варягов скорчился, получив нож в живот.

— Больше ножей нет, великий князь, — виновато сказал Икмор, появляясь рядом.

— Молодец! — крикнул великий князь, выхватывая меч. — За мной, дружина!..

И первым вскочил на палубу. За ним, не раздумывая ни секунды, на палубу перепрыгнули его соратники. И дело было закончено, прежде чем Сфенкл вернулся со своей пятеркой, которая быстро покончила с теми из варягов, кто сунулся в кусты.

— Я сказал проводнику, чтобы он возвращался в Новгород вместе с нашими конями. Прими мои поздравления, великий князь!

— Поздравлять нужно не меня, а настоящего героя этой битвы.

Подойди ко мне, Икмор.

— А что — я? — растерянно спросил тот, подойдя к Святославу.

— Кто тебя научил метать боевые ножи так, как мечут его варяги?

— Старый варяг, которого по твоему повелению прислали к нам в стан.

— Вот тебе мой подарок за эту битву, которую выиграла твои ножи. Великий князь вынул из правого уха серьгу с жемчужиной, протянул ее Икмору и крепко, по-братски обнял его.

3

Великий князь Киевский и Новгородский Святослав возвращался победителем. Господин Великий Новгород уже знал о его победе, поскольку проводник достиг города куда быстрее, нежели грузное судно. А потому новгородцы встретили его восторженными криками «Хвала!..» и «Слава!..», которые в этом славном городе всегда заканчивались потасовками. Святослав был польщен таким приемом. Но напрямик направился в свой дворец, у въезда которого его ожидал посадник.

— С победой, великий князь! — торжественно воскликнул он, поцеловав Святослава в правое

плечо. — Куда велишь доставить дары?

— Во дворец. Там с тобой, посадник, и побеседуем.

Молча прошел в приемные покои, со звоном сбросил византийские наплечники, сел в кресло, молча указав место посаднику напротив. Усевшись, посадник вновь принялся было хвалить его, но Святослав поднял руку, и он замолчал.

— Я защитил Великий Новгород от грабежа, жестоко покарал татей, — сказал он. — Теперь, надеюсь, ты исполнишь свое обещание?

— Лучшие новгородские лодейщики готовы для похода на реку Москва, которая впадает в Оку. Там они построят насады, сплавят их до впадения реки Москвы в Волгу и будут ждать твою дружину, чтобы ударить по буртасам и отомстить им за разгром князя Игоря. Только не позабудь, великий князь, что это всего лишь замах твоего победоносного меча. Твоя главная цель — выход к устью Дуная.

— Я знаю свою цель, — усмехнулся

Святослав. — Ты обещал мне денег на византийскую броню для моих дружинников. В долг. Остальная добыча — моя и моих соратников. — Я готов выдать тебе золото. Я строго соблюдаю все договоренности.

— Я — тоже.

— Одно из твоих обещаний — встреча с великим воеводой Свенельдом.

— Я встречу с ним, как обещал. Я послужил Господину Великому Новгороду. Пусть он теперь поищет другого князя.

— Мне жаль с тобой расставаться, великий князь. Ты — герой нашего города.

— Ты легко найдешь мне замену, посадник.

— Нет, — посадник вздохнул. — Тебе замены быть не может.

— Но мне нужно вернуть тебе долг.

— Тогда — завтра прощальный пир, а спустя два дня ты можешь отбыть в Киев.

Через три дня Великий князь Киевский Святослав выехал из Господина Великого Новгорода

вместе с дружиной.

4

Святославу очень не хотелось ехать на встречу со Свенельдом.

Казалось, что его подлинный отец словно бы крадет у него не только княжескую наследственную преемственность, не только право именовать великого Рюрика своим дедом, но и само его будущее.

Будущие походы, будущие победы, будущую славу. Прижитой на стороне сын не мог быть великим князем. Не мог сын блуда даже мечтать об этом.

Значит, надо строить свое собственное княжество. Да, на Дунае, потому что золото у правителей Киева он не возьмет. Святослав повелел объехать Киев и править на его стан. Но, видимо, в стольном городе прознали об этом, потому что не успели они расседлать коней, как в стане великого князя появился Неслых.

Поздравив великого князя с победой и счастливым возвращением, сказал: — Великая княгиня повелела передать тебе, великий князь, чтобы ты завтра непременно явился во дворец.

— Мне незачем туда являться.

— Да, ты получил золото для похода на Хазарию, это известно мне и моим людям, великий князь. —

Неслых растянул губы, что означало улыбку. — Тебе построят насады, которые ты будешь встречать там, где река Москва впадает в реку Волга. Однако ринуться на Хазарский каганат с дружиной в сто юных ратников — поступок отважный, но не очень разумный при всей твоей решительности, великий князь. А мои люди есть в окружении кагана и его полководцев. И великий воевода Свенельд...

— Свенельд никогда не воевал с хазарами! — запальчиво выкрикнул Святослав.

— Воевода не проиграл ни одной битвы. Никогда, ни разу единого. Он расскажет тебе, что такое

хазарская рать, как она привыкла сражаться, усилит твою дружину. Последний довод заставил великого князя задуматься. Походил, пометался, сказал с усмешкой:

— Ты умеешь уговаривать, Неслых.

Неслых пожал плечами:

— У каждого — свое ремесло.

— Уговорил, — хмуро сказал Святослав и первым пошел к выходу. Неслых молча вышел следом. Совет проходил в мужской половине Большого Великокняжеского дворца. Кроме великого воеводы Свенельда здесь присутствовали воеводы других дружин, тысяцкие и военные советники. Когда вошел Святослав, все встали и низко склонились перед ним. Свенельд подошел, поклонился, поцеловал в правое плечо и указал на кресло справа от себя.

— Вот твое место, великий князь.

Святослав прошел на указанное ему место, сел и, как всегда хмуро, сказал:

— Я пришел слушать и учиться.

— Это разумно, мой княжич.

Тут Святослав разглядел среди советников своего дядьку Живана и нахмурился еще больше.

— Совету известно, что ты, великий князь, задумал смело и дерзко нанести Хазарскому каганату удар с той стороны, где он его не ждет. То есть с севера, — начал Свенельд. — Сплав в насадах вниз по Волге вряд ли беспокоит каганат, поскольку это старый торговый путь. Ты возьмешь их сторожевые крепости без помощи метательных машин — сторожевые вежи ветхи, гарнизоны немногочисленны и состоят из списанных по возрасту или ранениям воинов.

— Я знаю, — проворчал Святослав.

— Совет рассмотрел твой поход против вятичей, — невозмутимо продолжал Свенельд. — Они просто ушли от твоего удара, великий князь. Мы считаем, что подобное не должно повторяться никогда. Надо стремиться к полному окружению противника и навязывать ему свою систему сражения. Есть ли у тебя

такая система, великий князь Киевский и Новгородский?

— У меня одна система. Громить врага, пока он не разбежится.

— По лесам, как вятичи?

— По... — Святослав был настолько раздражен этим непонятным для него вопросом, что предпочел замолчать, чтобы не сказать лишнего.

— У тебя нет дружины, великий князь, — вздохнул первый воевода Киевского княжения. — То, что у тебя под рукой, — личная стража, а не дружина. Там — друзья твоего детства, которых ты невольно будешь оберегать. Их — оберегать, а кого-то непременно терять, потому что битвы без потерь не бывает. И вскоре ты окажешься без друзей и без дружины, потому что дружинники не прощают любимчиков.

— И что же ты мне посоветуешь делать, воевода, не проигравший ни одной битвы?

— Создать дружину. Желательно из добровольцев на долю в добыче. Купить для всех византийскую броню и учить, пока не научатся.

— Чему?

— Побеждать.

— Научатся в первой же победе.

— При взятии дозорных башен, охраняемых инвалидами?

— Не только!.. — запальчиво выкрикнул великий князь. — Хазарский каганат охраняют наемные банды кочевников, которые разбегутся...

— Прости, великий князь, что перебиваю тебя, — сказал Свенельд. — Неслых лучше знает хазарскую военную силу, чем мы с тобой. Дадим слово ему.

— Послушаем Неслыха, — пожал плечами Святослав. — Только что можно услышать от человека, который сам не слышит?

— Истину! — отрезал Свенельд.

— Военские силы каганата многочисленны и разнообразны, — невозмутимо начал Неслых. — В сражениях, которые они ведут, есть определенная извеку очередность. Бой начинают так называемые «черные хазары» — легкие всадники, вооруженные луками и дротиками.

Они засыпают наступающего противника дождем стрел и дротиков, чтобы сбить наступательный порыв. Свершив это, мгновенно рассеиваются, стремясь охватить противника со всех сторон. Далее идут «белые хазары». Это тяжело вооруженные копьями всадники в легкой броне и боевых шлемах. Они стремятся расколоть центр противника, который уже понес некоторый урон от легкой кавалерии. Их удар поддерживают дружины хазарской знати в тяжелой броне, вооруженные длинными копьями, длинными боевыми топорами, мечами, палицами и легкими саблями, способными при удачном ударе рассечь застёжки брони. За ними следует отборная дружина самого кагана. Она состоит из наемников-мусульман, отлично вооружена и надежно закована в стальные доспехи. Это — мастера конного боя. Их главная задача — расколоть противника, части которого будут тут же окружены ополчением.

— Зачем ты пугаешь меня, воевода? — спросил великий князь, обращаясь к Свенельду. — Я решил, и ни черные, ни белые хазары не изменят этого решения.

— Менять надо не решение, а подготовку к выполнению решения, — сказал Свенельд. — Я передам под руку Морозко вторую дружину, она сражалась с кочевниками и знает, как обороняться от стрел. Но знать, великий князь, мало. Надо довести знания до вершины, достигнув которой воины уже не вспоминают, что и как им делать, а сразу же строят защитные ряды.

— После похода на вятичей нас уже учили, как обороняться от стрел.

— Стрелы вятичей — всего лишь оводы по сравнению со стрелами хазар. Хазары делают их из пород южных деревьев, от них трудно защититься.

— Я иду громить их, а не защищаться.

— Спроси своего дядьку Живана, — добродушно усмехнулся Свенельд (ему нравилась азартная смелость

Святослава) .

— Надо учиться строить черепаху и кольцо, — сказал Живан. — И буртасы, и хазары ведут бои не по нашим правилам и привычкам. Они засыпали дождем стрел дружину великого князя Игоря. Стараются бить по ногам, потому что некоторые из их стрел пропитаны каким-то неизвестным и очень сильным ядом, и уж коли попали в тело, то спасения нет. Ноги распухают, как бревно, а раненые горят, как в огне.

— Запугиваешь меня, дядька? — улыбнулся великий князь.

— Ты идешь побеждать, мой княжич, или добивать собственных воинов, чтобы они не мучились?

Святослав промолчал.

— Совет полагает, что ни буртасы, ни хазары могут вообще не давать тебе решительного сражения, как то сделали вятичи. И начнут изматывать тебя нападениями из засад, на рассвете, в неудобном для твоего войска месте, — сказал первый воевода. — И надо изыскать

способ, который заставит их выступить против тебя со всеми наличными силами. Тогда судьба сражения окажется в твоих руках, великий князь.

— Клич! — важно сказал Живан.

— Какой еще клич? — привычно нахмурился Святослав.

— К которому быстро привыкнут все твои противники, — пояснил Живан. — Привыкнут и будут тебя ждать.

— Объявление войны, что ли?

— Не-ет, это было бы обычно, — улыбнулся Живан. — А надо —

необычно. Помнится, в день посажения на коня ты громко кричал: «Я иду на вас!.. Я иду на вас!..» — и размахивал дротиком.

— Иду на вы! — громко сказал Свенельд. — Иду на вы!..

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Ученье защищаться от пропитанных

ядом хазарских стрел требовало времени, и великий князь вместе со своей стражей перебрался в становище под Киевом. Он не забыл захватить с собой и подаренную ему новгородским посадником хазарянку, для которой был построен шатер в стороне от шалашей, которые занимали дружинники. Святослав нечасто навещал ее — плотские утехи он считал слабостью духа — но дух порою этого требовал. А, утолив его, Святослав старательно учился у Пайзу, как звали хазарянку, хазарским наречиям. Он по-прежнему вставал с рассветом, раздувал костер, готовил еду и только после этого будил своих подчиненных. Великий князь упорно следовал заветам старого варяга, почему и повелел Икмору отобрать крепких и ловких ребят и учить их метать ножи. Ножи были откованы в Киевских оружейных кузнях, и Икмор с удовольствием исполнял повеление великого князя. А через несколько дней в самую жару донесся все возрастающий

мерный тяжелый топот. Из Киева шла по трое в ряд вторая дружина Киевского княжества под командованием Морозко, ставшего воеводой. За нею тянулся обоз, на котором лежали византийские доспехи. И не просто доспехи, а броня личной стражи Царьграда с длинными, прикрывающими дружинника до плеч, полукруглыми коваными щитами.

— По повелению великого воеводы Свенельда вторая дружина прибыла в твое распоряжение, великий князь. Укажи, где нам поставить шалаши для ночлега, где варить хлебово для дружинников.

— Откуда броня?

— Из Царьграда.

— На чье золото?

— Через час приедет великий воевода, спроси у него, — пожал плечами Морозко. — А мне укажи, где шалаши ставить.

— То, чем дружину кормлю, и вы есть будете, — хмуро сказал Святослав. — А я их подножным кормом кормлю.

— Это зачем же так?

— Чтоб в походе обозы за собою не таскать.

— Ну, мои из-под ног есть не будут. Дружинникам силы нужны.

— Развести костер среди шалашей дружины. Подъем у нас с рассветом, учти.

— Учту, великий князь.

За разговорами не заметили, как подъехал первый воевода Свенельд. Соскочил с коня, бросил поводья на луку седла, почтительно, даже подчеркнуто, поцеловал княжича в плечо.

— Откуда византийская броня у дружины Морозко? — строго спросил Святослав.

— Из Византии, — усмехнулся Свенельд. — Сорок пудов золотом заплатил за нее Калокир и сам же доставил в Киев.

— Доселе я слышал от тебя, воевода, что ромеям нельзя доверять.

— А я им и не доверяю. Византия платит тебе, великий князь, а не Киеву.

— За какую услугу?

— За поход на Хазарский каганат. Ромеев выперли из Месопотамии, а им во что бы то ни стало нужно вернуть себе ключ от Великого шелкового пути. Разгромив хазар, ты расчищаешь им дорогу к этому пути.

— Я иду отомстить буртасам за обиду, причиненную великому князю Игорю.

— Любой войне нужен повод, как доброму коню, великий князь.

— Это не повод. Это — сыновний долг.

— Это добрый повод, великий князь. Не нужно ничего объяснять дружинникам.

Святослав помолчал.

— Броня должна прикрывать от подбородка до земли, — напомнил Свенельд. — Хоть стража на вежах каганата и пострадала в сражениях, метать стрелы они не разучились. Да и буртасы тоже.

И опять великий князь промолчал.

— Учить вас, как строить из щитов защитные порядки, будет Живан, —

продолжал воевода. — Он сражался вместе с князем Игорем против буртасов, принял на себя удар, нацеленный в великого князя, почему и был определен дядькой к тебе. Он — опытный воин, слушайся его.

И снова начались мучительные учения. Живан выбрал из дружинников Морозко наиболее метких, и они осыпали дружину Святослава градом стрел с тупыми наконечниками. После занятий Живан велел всем скинуть доспехи и начал считать полученные синяки, приговаривая:

— Этот покалечен, у этого само заживет. А ты, молодец, убит. На другое утро он учил молодежь правильному наклону щита, чтобы стрела скользила по нему в сторону. И, как всегда, приговаривал:

— Хазарскую стрелу слышать надо. Она особо шуршит в полете. Уши всем вымыть и проковырять, сам осматривать буду каждого. Сегодня весь день будем стрелы слушать.

Великий князь вместе со всеми строил и круг, и черепаху, мыл уши и слушал, как шуршат в полете стрелы. Но по-прежнему вставал до зари, раздувал костер и готовил завтрак для всех.

Не случись тайного гонца, так и вся наша история пошла бы по-иному. Ею правит случай, которого чаще всего либо не замечают, либо забывают о нем. Но прискакал гонец от самой великой княгини Ольги.

— Великого князя Святослава срочно просит прибыть великая княгиня Ольга!

— Я занят, — буркнул Святослав.

— Тебя зовет великая княгиня, — укоризненно сказал Живан.

— Я тоже великий князь.

— Она — матушка твоя, великий князь. Когда зовет матушка, надо исполнять ее просьбу.

Святослав молча вырвал поводья у гонца, толкнул его с седла и с места послал коня в галоп.

Доскакав до дворца и чуть не сбив стражников, бросил поводья,

спрыгнул с коня и бегом помчался по ступеням.

— Великий князь!.. — едва успел выкрикнуть страж у двери.

Святослав, оттолкнув его, вошел в покои великой княгини Ольги.

— Ты звала, мать. Я пришел.

— Садись, — сказала великая княгиня. — Я должна побеседовать с тобой о будущем нашего Киевского княжества.

— Нам кто-нибудь угрожает?

— У нас множество врагов, мой сын. Хворь, внезапно пропущенный удар меча, перевернулась ладья на стремнине. Камень из пращи, наконец.

— Я ничего не понял, — поморщился Святослав. — Говори прямо.

— Ты, мой сын, единственный наследник Великого Киевского стола, — вздохнув, сказала королева русов. — Ты отважный воин, я твердо верю в это, станешь великим полководцем, о котором будут слагать песни. Но если ты.. — великая княгиня вдруг часто закрестилась, приговаривая: «Не

дай Господь, не дай Господь!..» — Если тебе суждено погибнуть в битве, Киевское Великое княжение перестанет существовать. Начнется сумятица, борьба за власть сильных боярских родов, славяне восстанут... — Перестань! — резко сказал Святослав. — Я достаточно опытный воин, я силен плотью своею и погибать не собираюсь...

Он неожиданно замолчал. Подумал, спросил негромко:

— Может, я не понял тебя...

— Не совсем понял, — княгиня Ольга улыбнулась. — Ты непременно должен жениться, сын. Мы подобрали тебе невесту в Европе из царского рода. Красавица, я ездила на смотрины. Она родит тебе законных наследников Киевского престола, и, когда это случится, ты можешь ехать громить Хазарию.

— Но я не собираюсь жениться...

— Таково решение Боярской думы, Высшего совета и мое как правительницы, сын. Чем скорее ты назначишь день свадьбы, тем скорее родишь наследника киевского стола.

Ступай и подумай о судьбе Киевского Великого княжения. — Я не собираюсь жениться по решению Боярской думы!.. — выкрикнул Святослав. — Тогда Боярская дума и я немедленно отзовем в Киев дружину Морозко. И вышла из палаты.

2

Святослав возненавидел жену в тот самый миг, когда великая княгиня Ольга сказала, что Боярская дума отзывает дружину Морозко. Однако свадьбу сыграли пышно и торжественно с гостями из зарубежья, роскошными подарками, шумом, блеском и криками «Хвала!» и «Слава!».

Молодым отвели лучшие покои великокняжеского дворца. Святослав ночевал в них дважды в неделю, каждый раз уходя в свой стан еще затемно. Однако как человек женатый, то есть взрослый по

меркам того времени, обязан был присутствовать на заседаниях Боярской думы, где молчал как истукан, если к нему не обращались с вопросом. Отвечал коротко, сквозь зубы и уходил при первой же возможности. Не к жене, естественно, а в свой стан, к своей дружине и к своей хазарянке. И тут молодцы из племени радимичей дважды перехватили торговые караваны на пути из варяг в греки. Дума приняла решение заставить князя радимичей выдать этих молодцев для княжеского суда. Свенельд был на юге, а потому Святославу поручили это деликатное дело с помощью дружины Морозко. Лодка великого князя первой пристала к берегу княжества радимичей. Ее встречал статный молодой человек с мечом на поясе, который, поклонившись, вежливо протянул руку.

— Здравствуй, великий князь Святослав. Я — Бориська, сын князя радимичей. Благодарю от имени отца, что ты откликнулся на нашу

просьбу.

— Какую просьбу?

Святослав несколько опешил от такой встречи, почему и воспользовался помощью княжича радимичей, когда вылезал на берег.

— Мы послали гонца с сообщением, что нас постиг неурожай, посевы вымокли, люди голодают. Мой отец просит хлеба в долг...

— И поэтому твои молодцы разграбили торговые караваны?

— Голод, великий князь...

— Татьба, а не голод! — выкрикнул Святослав. — Я пришел карать, и кара моя не будет знать снисхождения!

— Разве тебе не передали прошения моего отца? — растерянно спросил Бориська.

— Никакого прошения я не видел.

— Значит, бояре спрятали его под сукно, — вздохнул Бориська. — Но все равно, отец мой здесь ни при чем.

— Твои отроки грабили караваны?

— Когда матери и сестры мрут от голода, это не грабеж. Это

спасение женщин и детей.

— Я прикажу убить твоих отроков. А тебя, княжич, продам в рабство. Чтобы ты долго и позорно умирал, помня о своем ослушании.

— Но, великий князь...

— Ты будешь продан в рабство. Твоего отца я не трону. Взять княжича!

Княжич Бориська был тут же повязан.

Святослав не тронул князя радимичей и его семью. Он обрушил свою ярость на народ в целом, не желая разбираться, кто прав, а кто виноват. Сжег дотла все деревни, вызывающие у него подозрение, что оттуда могли быть родом преступившие закон, убил всех стариков и женщин, а мужчин, молодых женщин и детей продал в рабство проезжим купцам.

С ними вместе был продан и княжич Бориська. Это возмутило всегда уравновешенного Морозко.

— Великий князь, ты убиваешь и продаешь в рабство наших сородичей! Радимичи будут мстить,

переметнутся к хазарам...

— Не смей мне перечить! Никогда, слышишь?

— Кровная месть...

— Они уже переметнулись, воевода. Переметнулись тогда, когда продали товары с разграбленного каравана хазарским купцам.

— Но ты же продал в рабство радимичей тоже хазарским купцам!..

— Я их и освобожу. Всех, кроме этого дерзкого княжича.

— Я ухожу от тебя, великий князь, — сказал Морозко. — Я не хочу и не могу воевать против братьев-славян. Ищи себе другого сподвижника и не рассчитывай больше на меня и моих воев.

И в тот же день погрузил свою дружину на ладьи и увел ее в Киев. В Киеве Святослава ждала буря, потому что Морозко прибыл туда первым и рассказал о непонятных и ничем не оправданных жестокостях великого князя. Боярская дума потребовала лишить его права на командование войсками, княгиня Ольга с трудом сдержала гнев, а

знатная европейская супруга твердо заявила, что немедленно отправляется на родину.

Святослав до боли сжал зубы — аж желваки вздулись на скулах — и молча уехал в стойбище. Однако великая княгиня гонцом востребовала его в Киев.

— Радимичи такие же подданные Киевского княжества, как и все соседние славянские племена, сын мой. На Совете славянских князей я обещала им защиту и покровительство, а не мечи и рабство. Объясни мне, что нам делать после учиненного тобой разгрома.

— Они получили то, что заслужили.

— Заслужили наказания полтора десятка юношей, которых ты казнил без суда. Остальных ты продал в рабство купцам, и среди проданных тобою — княжич радимичей Бориська.

— Он дерзко вел себя.

— Надо быть терпимым по отношению к подчиненным. Терпимым и добрым.

— Этому научил тебя киевский поп или византийский патриарх? — зло

спросил Святослав. — Я — сирота, и я это знаю. Отныне моя семья — моя дружина. Мой дом — моя дружина. Моя опора — моя дружина. Морозко предал меня, но я соберу молодцов со всей земли и завою себе собственное княжество. Повернулся и вышел, не прощаясь и не прося разрешения удалиться. Через час из его становища примчался гонец. — Великий князь Святослав объявил стан своей землей. Любой нарушивший границы без предупреждения будет убит. И все замерло. Святослав, лишенный дружины Морозко, не в силах был предпринять задуманный поход, и неизвестно, как бы повернулась история Древней Руси, а значит, и наша, если бы в стан не прибыл посланник новгородского посадника.

3

Но у нас еще есть время до прибытия в стольный град

новгородского посадника.

Княжич Бориська, проданный Святославом купцам – перекупщикам живого товара, спускался тем временем вниз, к устью Днепра. Он был воином, сильным и хорошо физически развитым, почему его и не сунули в вонючий и тесный трюм огромной торговой насады, а, сковав по рукам и ногам цепями, приковали к скамье. И он греб, обливаясь потом, и бич надсмотрщика постоянно свистел над его головой.

Издевательства, бич из витой сыромятной кожи хлещет по потной обнаженной спине, похлебка с червями, сон три-четыре часа и снова – каторжный труд. Нет, лучше бы взбунтоваться, вложить всю силу в один – последний перед мучительной смертью удар...

Три могучие силы удерживали его попорченную гордость. Месть, ненависть и жажда конечной победы. Он верил в свою удачу, как верит в нее каждый воин, вступая в жестокую битву. Да, не всем,

далеко не всем улыбается богиня
удачи, но нельзя, невозможно не
верить в нее, пока ты жив.

Но порой удача улыбается столь
незаметно, что поди ее разгляди. А
второго раза не будет. И тогда...
позорная смерть раба.

Значит, самая главная задача —
поймать бледную улыбку удачи. В
этих каторжных условиях даже сама
Богиня не рискнет улыбнуться
открыто. Только чуть дрогнут ее
губы, и...

И ты должен уловить этот миг.

Должен!.. Терпеть. Стиснув зубы,
терпеть все. Терпение — главное
условие победы.

Ох, как же неспешно сплавлялся по
течению торговый караван!

Перегруженные смоленские насады и
новгородские пузатые суда тащились
медленнее, чем само течение
могучей реки. На перекатах
останавливались, рабы разгружали
суда и волоком перетаскивали их на
глубину. Свистели бичи, ревели
глотки надсмотрщиков, а рабы
бегали по грудь в воде, и плохо

было тому, кто падал с грузом на плечах.

Одного забили насмерть. Молодого чудина, который оступился, выронил груз, и этот груз унесла стремнина. Как долго, как мучительно он умирал...

И это вписал в строку княжич Бориська. И это отложил в своей памяти, напитанной ненавистью к великому киевскому князю Святославу.

Он не услышал — скорее почувствовал шум днепровских порогов, тогда как в караване по-прежнему стояли крики, свистел бич, звенели цепи. Княжич воспринял услышанное только им приближение порогов как знамение. «Вокруг порогов проводят пешком... — мельком подумалось ему. — В цепях, но всех — пешком. Вдоль берега...». И когда его отковали от скамьи гребцов, он изо всей силы ударил кандалной цепью надсмотрщика и бросился в воду.

Славяне справедливо считались лучшими пловцами в те времена. А

княжич с детства любил нырять, неожиданно для всех появляясь там, где его и не ожидали увидеть. Это вызывало восхищение отроков и в особенности девиц, почему Бориська и стремился довести свое мастерство до совершенства.

Но когда на ногах и руках тяжелые цепи... Плыть под водой с ними было невозможно, и княжич решил отталкиваться от дна ногами, постепенно пробираясь к противоположному берегу. Однако стоило ему коснуться дна, как ноги стали уходить в ил, намытый рекой у порогов. Но он и тут не растерялся, начал цепляться за камни порогов, подтягивая себя, скованного по рукам и ногам, к спасительному противоположному берегу.

Выручало то, что он еще в детстве, пугая девчонок, научился подолгу задерживать дыхание. Волны, наталкиваясь на пороги, бились и пенились, и княжич осторожно высовывал губы в эту пену и переводил дух. Но сил уже не

хватало, когда он, как в тумане, вдруг увидел протянутую сквозь камни руку. Схватился за нее, и его сразу же вытащили из речной пучины.

Когда он пришел в себя и увидел склонившееся над ним лицо, с ужасом понял, что попал в плен к степнякам, и опять провалился в полубессознательное состояние. Ему дали что-то понюхать, и он чихнул, вытолкнув остатки воды. Сел.

— Ты — отважный молодец, — по-славянски сказал тот, кого он принял за степняка. — Кто будешь? — Княжич радимичей Бориська. Князь Святослав продал меня в рабство. — Я — Руслан. Приемный сын великого воеводы Свенельда. Я поклялся убить князя Святослава. — А я — Куря, — сказал второй. — После гибели отца вожу его орду. Мой отец был побратимом великого воеводы, а потому я — с вами, молодцы. — Три мстителя — это уже дружина, княжич Бориська!

— Я слышал, что князь Святослав хочет вести рать на хазар. А сплавиться — по Волге.

— Против течения ему не вернуться, Волга — река великая, — сказал Куря. — Значит, возвращаться будет здесь.

— Где мы его и встретим! — торжественно, как клятву, сказал Руслан.

4

Новгородский посадник приехал в Киев вместе со своим племянником Радypeй, отроком четырнадцати лет, как раз в это время. Так утверждает летопись, но если бы история развивалась так, как она записана в летописях, люди жили бы в совершенно иных условиях, нежели сейчас. Писаная история учитывает факты, игнорируя страсти человеческие. А ведь миром, в конечном итоге, правят именно страсти.

Да, посадник приехал в Киев.

Только великая княгиня Ольга его не приняла. Не приняла, потому что рыдала, не в силах с собою справиться.

— Мы потеряли сына, Свенди. Мы навсегда потеряли сына!..

— Успокойся, моя королева. Он вернется. Он вспыльчив, но отходчив, ты это знаешь лучше меня. Сын готовится к походу на хазар...

— Он не пойдет в этот поход! Я не желаю терять единственного сына. Не желаю!..

— Единственного?.. — Свенельд широкими шагами заходил по покоям. — Да, да, это правильно. Я постараюсь отговорить его. Как только вернусь из поездки.

— Ты оставляешь меня, Свенди?

— Приведи себя в порядок, моя королева, и непременно прими новгородского посадника. Я вернусь через десять дней.

И вышел.

Ольга тут же сообщила, чтобы высокого посадника из Господина Великого Новгорода проводили в

тронный зал, и пошла приводить себя в порядок. Она любила и слушалась своего Свенди, несмотря на то, что Византийский патриарх потребовал сместить его с поста соправителя. Оба понимали, что внутри Великого Киевского княжения от этого требования ровно ничего не изменится.

Великая княгиня приняла новгородского посадника со всею честью, угостила знатным пиром и даже несколько успокоилась, занимаясь привычными делами. Рядом был молчаливый верный Неслых, и она провела застолье для гостей с подъемом и как-то даже радостно, что ли.

Через десять дней, как и обещал, вернулся Свенельд. Вошел в ее покои, плотно прикрыл двери, крикнул Неслыху, чтобы он никого к дверям не подпускал, сел в кресло и широко улыбнулся.

— За потайной дверью тебя ждет неожиданный подарок, моя королева.

— Подарок?.. — неуверенно улыбнулась великая княгиня. — Ты

ездил за подарком?

— Подарок из Новгорода, — со значением сказал воевода.

Сердце Ольги вдруг зачастило, забилось, заняло давно забытой сладкой болью.

— Где он? — требовательно и нетерпеливо спросила она. — Где он, Свенди? Я же чувствую... Нет, я знаю, знаю, что это — он!.. Почему ты не привел его?

— Чтобы еще раз напомнить тебе, что означает его появление для Великого Киевского княжения, моя королева. У нас уже был разговор об этом, и я просто хотел напомнить... Он — твой гридень, не более того. Огромных ушей и вонючих языков в нашем окружении не счесть.

— Но...

— Нет. Никогда, ни при каких обстоятельствах ты не имеешь права на материнскую ласку. Никогда в жизни ты не скажешь ему о его происхождении. Никогда не скажешь, что у него есть старший брат.

— Но...

— Правильно, — Свенельд улыбнулся. — При этих условиях он всегда будет рядом с тобой. Великая княгиня вздохнула, покорно покачав головой. Потом спросила: — Чему его учили? — Он умеет читать по-гречески, знает язык ромеев, христианин, наречен Глебом. — Я сделаю его переводчиком! — Тогда лучше — с печенежского языка, — улыбнулся воевода. — Его отец угодил в плен к печенегам, умудрился бежать, почему и принял христианство. Так он мне объяснил. И научил сына свободно говорить на языке печенегов. — Ты хочешь забрать его с собой в походы? — насторожилась Ольга. — Так знай, я не отдам его тебе. Не отдам!.. — Я сам говорю на языке своих врагов, — усмехнулся Свенельд. — А они об этом и не подозревают. Ну что? Хочешь на него посмотреть? Красивый малый, весь в тебя. Он подошел к потайной двери, приоткрыл ее и поманил кого-то

рукой. Вошел стройный и впрямь
весьма пригожий отрок.

А Ольга, затрепетав сердцем и
волнуясь, встала ему навстречу.

— Сидеть!.. — зло прошипел
воевода.

И великая княгиня покорно
опустилась в кресло. Но взгляда от
юноши оторвать не могла.

— Это — Глеб, великая княгиня, —
спокойно сказал Свенельд. — Отныне
он — на твоей службе.

Глеб склонился в глубоком поклоне,
прижав руку к сердцу.

Вечером великий воевода принимал
посадника Великого Новгорода за
дружеским застольем. Посадник
пришел с племянником, и Свенельд
никак не мог понять, с какой целью
новгородский посадник привел его с
собой на ужин. Предполагались
серьезные переговоры о помощи
Новгороду против натиска с запада,
и юный племянник был здесь
неуместен.

Посадник был весьма умным
человеком и начал разговор с

пояснения.

— Его зовут Радыпя, — представил он отрока. — Когда великий князь Святослав занял стол новгородского князя, случилась татьба.

Блуждающие без конунга варяги захватили наш караван, но князь Святослав с личной охраной не только вернул нам караван, но и наголову разгромил самозванных варягов. Отвага великого князя Святослава настолько поразила моего племянника, что он мечтает только о том, чтобы сражаться под его стягом. И готовится к этому. Неплохо владеет мечом и метко кидает ножи. Не откажи в милости, великий воевода, замолви словечко Святославу за Радыпу.

— Не думаю, что мое слово будет им услышано, — усмехнулся Свенельд. — А вот ножи, которые умеет метать твой племянник, скажут сами за себя. Завтра я отвезу отрока в стан великого князя.

На другой день вместе с Радыпей он выехал в ошетиненный частоколом стан Святослава. Часовые задержали

всех, но, узнав великого воеводу, тут же вызвали Святослава.

— Вот тебе пополнение, великий князь, — сказал воевода. — Он — племянник новгородского посадника, который завтра пожалует к тебе для переговоров. А Радыпя мечтает служить под твоим стягом.

— Мне нужны воины, а не мечтатели.

— Покажи великому князю, на что ты способен, — улыбнулся Свенельд.

Радыпя выбрал позицию против частокола, чуть присел, и в считанные секунды пять тяжелых ножей вонзились в пять бревен частокола.

— Беру! — громко сказал Святослав. — Пойдем, с дружиной познакомлю.

Он обнял паренька за плечи, пошел было, но вдруг остановился.

— Прими мою благодарность за такой подарок, воевода!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Новгородский посадник прибыл утром с небольшой почетной стражей, которую отрядила ему великая княгиня. В стойбище князя Святослава почти никого не было, кроме его самого да ближайшего окружения. Это удивило посадника: — А где же мой племяш, великий князь?

— В лесу.

— Как в лесу? В каком лесу?

— В дремучем. Я не собираюсь таскать с собою обозов, посадник. Значит, мои вои должны привыкнуть есть то, что можно подстрелить или найти под ногами. А есть можно все, что бегаёт, летает или ползает. Нельзя есть только внутренности, головы и кожу. Впрочем, ты же помнишь пир в Великом Новгороде.

Святослав объяснял все очень обстоятельно и неторопливо. Он продумал, как будет наступать без обозов, продовольствия и квасов с медами.

— Хорошо помню, — усмехнулся

посадник. — И надолго ты их отправил, великий князь?

— Через месяц вернутся те, кто останется в живых. И тогда пойдут со мной в поход.

— Ну, мой-то вернется, — со спокойной усмешкой сказал посадник. — Он славно готовился под твою руку, великий князь.

— Обидно будет, если не вернется. Уж очень хорошо он мечет ножи. Ты навестил меня, чтобы справиться о нем, посадник?

— Я навестил тебя, великий князь, чтобы напомнить о нашем договоре. Совет «золотых поясов» принял решение заплатить берендеям и черным клобукам за их участие в твоём походе. Кроме основной оплаты им обещано, что они получают долю с добычи, которую ты определишь.

— Ты решаешь за меня, посадник.

— Я лишь угадываю твое решение, великий князь. Без конницы тебе не обойтись.

— Без чего еще мне не обойтись, посадник? — насмешливо спросил

Святослав.

— Без добрых дружинников. Совет «золотых поясов» по моему предложению отправил тебе на насадах две с половиной сотни самых драчливых крикунов Великого Новгорода.

— Прими мою благодарность. Так без чего еще мне никак не обойтись в походе?

— Без харалужных мечей, великий князь. В Новгороде имеются товарищества, которые предпочитают волжский торговый путь пути из варяг в греки. Они привезли три таких меча, которые я и перекупил через подставных лиц.

— Харалужные мечи? — Святослав не мог скрыть своего изумления. — Впервые слышу.

Посадник, не оборачиваясь, протянул руку, и стоящий за его спиной новгородец тотчас же вложил в нее рогожный сверток. Посадник сорвал рогожу, в которой оказались мечи, и показал их Святославу. Два целых, а один — распиленный пополам.

— Я велел кузнечных дел мастерам распилить один клинок, чтобы понять его силу. Основной стержень откован из очень крепкого железа, он не гнется при ударе. Затем на него наклёпывается режущая сталь, а поверх нее — еще один слой мягкого железа. Получается самозатачивающееся оружие. Им можно колоть и рубить, как мечом, но можно и резать подпруги лошадей и застежки брони противника. У хазар нет такого оружия.

Великий князь с детским восхищением рассматривал небывалое смертоносное оружие. Гладил, пробовал вес, определял центр тяжести, резко взмахивал им, точно пробовал силу, необходимую для удара. Вдосталь наигравшись, тепло сказал посаднику:

— У меня нет слов. Проси что хочешь.

— Я просто соблюдаю договоренности, как всякий честный торговец.

— Какая там торговля! Ты подарил мне золотой клад.

— Сочтемся, — усмехнулся посадник. — Много не обещаю, но полста мечей мои кузнецы успеют отковать до начала твоего похода...

Посадник вдруг замолчал и прислушался. Издалека доносился согласный тяжелый топот.

— Кто-то движется сюда, великий князь.

— Так ходят только дружинники.

И впрямь к воротам стана в строю по три подошли около двухсот дружинников.

— Пропустить! — крикнул Святослав. Стража распахнула ворота.

Дружинники строем приблизились к великому князю, по команде рассыпались по одному, а воевода подошел к Святославу.

— Будь здоров, великий князь Святослав! Я, подвоевода Ратмил, увел своих людей от воеводы Морозко с его согласия. Мою сестру и отца продали в рабство хазары за недоимку. Прими нашу роту на верность и возьми нас в поход против хазар!

Все дружинники и сам Ратмил встали

на колени и, склонив головы,
положили перед собою мечи.

2

А в киевском дворце царило
благодущие и семейные радости.
Ольга, королева русов,
наслаждалась близостью вновь
обретенного сына, хотя никто и
никогда не именовал его таковым, и
спокойной, устоявшейся любовью к
великому воеводе. Наслаждалась и
двумя внуками, которых оставила ей
возмущенная жестокостью мужа и
отбившая на родину европейская
принцесса.

И совсем не вспоминала о
Святославе.

Но Свенельд о нем не забывал. Его
и радовала и настораживала
невероятная активность сына перед
уже решенным походом на Хазарский
каганат. И он все время напоминал
Неслыху об этом.

— Мои люди повсюду распространяют
слухи, что великий князь Святослав

готовится наказать вятичей и привести их в смирение, великий воевода.

— И в это верит Хазарский каганат?

— В каганате тоже есть мои люди.

— И все же, Неслых, меня это тревожит.

— Для этого пока нет оснований, великий воевода.

И вновь благолепие, спокойствие и любовь распустили розовые крылья над дворцом великой княгини. Был любимый сын, которого, правда, нельзя было признавать, были с юности любящие друг друга немолодые возлюбленные, заходил на дружеские пиры командир личной дружины княгини Ольги воевода Претич. Все было, и все рухнуло, когда дальние степные дозоры донесли о приближении к Киеву высокого Посольства Хазарского каганата.

— Посольство каганата?.. —

встревожилась княгиня Ольга. —

Зачем? Почему вдруг? Мы подписали все торговые и военные соглашения, мы соблюдаем их...

— Скажут сами, — буркнул Свенельд. И пошел отдавать распоряжения об особо торжественной встрече. Посольство встречали в Киеве ревом труб, барабанным грохотом и восторженными воплями толпы. Однако посольские слуги не разбрасывали, как обычно, подарков, а строго и молча шествовали прямо к дворцу. Ольга встречала послов в тронном зале, как и предписывал этикет. Вошел посол. К нему шагнули, чтобы принять верительные грамоты, но он, отстранив чиновников, выхватил меч.

— Великому кагану Хазарии стало известно, что киевские войска намерены ворваться в его пределы. И вот чем они будут встречены там!..

Швырнув тяжелый меч к подножию Киевского Великокняжеского трона, посол не оглядываясь неторопливо вышел из тронного зала.

Все онемели. Только Неслых выбежал за послом, все остальные словно замерли на своих местах. Вошедшие отроки неслышно подняли меч с ковра и тихо вынесли его из зала. Великая княгиня Ольга вдруг вскочила и заметалась по тронному залу. Прижав руки к груди, она повторяла одну и ту же фразу: — Нам не нужна война, Свенельд. Нам не нужна война...

— Война нужна Византии, — резко оборвал ее Свенельд. — Ее старая мечта — втравить нас в эту войну, чтобы по трупам наших воинов прорваться к Великому шелковому пути.

— Мы не выдержим этого...

— Выдержим. Мы все выдержим во имя спасения Великого Киевского княжения, моя королева.

Неизвестно, сколько бы времени они толкли воду в ступе, если бы неожиданно, вкрадчиво, без стука и дозволения не вошел Неслых.

— Я проводил хазарского посла до наших передовых постов, великая

княгиня.

— А... А меч? Он же прилюдно швырнул меч к моим ногам.

— Меч — в его ножнах. Твои отроки передали его мне, и я уговорил посла вложить меч в ножны.

— Но ведь посол объявил нам войну.

— Он погорячился, великая княгиня. И весьма сожалеет об этом.

— Ступай в свои покои, королева русов, — вдруг сказал Свенельд. — Иногда возникают обстоятельства, о которых тебе удобнее не знать.

Великая княгиня молча вышла.

Свенельд, в упор глядя на Неслыха, строго спросил:

— Сколько?

— Три шубы, великий воевода.

Бобровая — для Хазарского кагана и две из черно-бурых лисиц — на усмотрение посла.

— И он согласился?

— Я объяснил послу, что он введен в заблуждение. Да, княжич Святослав готовит войско, но не против каганата, а против вятичей, которых ему не удалось примучить в первом походе.

- И он в это поверил?
- Они слишком любят шубы, великий воевода. Чем жарче страна, тем больше шуб требуется ее правителям.
- А откуда Хазарии стало известно о подготовке похода великого князя Святослава?
- Богатые люди.
- Я не понял твоего намека.
- Хазары щедро платят своим осведомителям...
- И ты их найдешь, Неслых. Кто бы они ни были, найдешь.
- И я их найду, великий воевода.
- Где?
- Начну с Новгорода. Только у них есть купцы, торгующие с Хазарским каганатом. А это значит, что в его благосклонности они очень заинтересованы.
- Свенельд походил по палате, хмуря брови. Потом спросил, не глядя:
- А если хазарский посол не поверил в твои басни о войне с вятичами?
- Поверил, великий воевода. В басни верят охотнее, чем в правду.

Свенельд молча продолжал ходить, не поднимая глаз. Потом резко остановился, вскинул голову, глянул прямо в глаза Неслыха.

— Ты скажешь о своих людях в Хазарском каганате князю Святославу без посторонних ушей. Только с глазу на глаз.

— Только с глазу на глаз, — твердо повторил Неслых. — И только об одном.

— Почему об одном?

— Если понадобится, он узнает о других в свое время.

— Ты сказал о Новгороде... —

Свенельд долго молчал, прежде чем произнести эти слова. — Из Новгорода я привез отрока в свиту великой княгини. Его отец рассказал мне, что был продан в рабство за недоимки, но его отбили печенеги и тут же без выкупа отпустили домой. Это похоже на правду?

— Нет, великий воевода. Для печенегов раб — всегда товар.

— Великая княгиня очень привязалась к этому отроку, но ты

все же очень осторожно проверь достоверность этого рассказа. Только никому не говори, что я тебе сообщил о нем.

— Я умею молчать, великий воевода.

— Даже под пытками? — улыбнулся Свенельд.

— Даже под пытками, — твердо сказал Неслых.

4

Святослав неукоснительно следовал заветам старого варяга, потому что главным примером для него был его дед, варяг Рюрик, сумевший руками конунга Олега построить собственное княжество. Спал на попоне, положив голову на седло, а меч — под правую руку. Вставал с первыми проблесками утренней зари, когда его дружина еще досматривала манящие утренние сны. Раздувал костер, чуть поджаривал на угольях тонкие куски конины, ставил на рогатину над костром котел с хлебовом. А пока варилось это

хлебово, неистово, до седьмого
пота занимался приемами ручного
боя. Потом снимал рубаху,
окатывался холодной водой и будил
своих соратников.

— Кольчуги на голое тело!

И пробегал с ними три круга вокруг
частокола, огораживающего его
стойбище.

Потом дружно завтракали из общего
котла. После полагался свободный
час, и начинались изнурительные
учебные занятия.

Готовя дружину к грядущему
победному маршу в Хазарию,
Святослав и представить себе не
мог, какая дипломатическая буря
разыгралась в сопредельных
Киевской Руси государствах.

Византия, унаследовав не только
силу, торговые пути, но и
авторитет Римской империи,
оказалась островом в океане
формально зависящих от нее
государств, но — только формально.
Завязнув в Месопотамской войне за
проверенные тысячелетиями торговые
пути с Востока на Запад,

византийские владыки с беспокойством начали поглядывать и на близко расположенный Хазарский каганат, выросший к тому времени в сильное государство. И начали тайно прокладывать к нему дипломатические тропы, ловко усеянные капканами.

Киеву это не нравилось. Любая коалиция ромеев с хазарами грозила непосредственно Великому Киевскому княжеству. И киевская власть начала осторожно прощупывать настроение соседних западных стран, далекой целью имея в виду возможные коалиции либо против Византии, либо, на худой конец, против Хазарского каганата.

Откликнулись очень неопределенно, кроме германского императора. Но ему-то до Византии было далеко, опасаться особенно нечего, а потому даже его имперское согласие не могло существенно сказаться на защите торговых путей Киевского Великого княжества. И круг замкнулся, опять оставив Русь наедине против двух могущественных

держав.

Запад не собирался помогать Киевской Руси.

Это очень насторожило Киев. Но в отсутствие Свенельда княгиня Ольга не рискнула собирать Боярскую думу: уж слишком много у нее было в ней противников. А как только он вернулся с тревожных южных границ, пригласила к себе.

— А ты, моя королева, полагала, что Европа ринется нам помогать? — усмехнулся великий воевода. — Жар удобнее всего загребать чужими руками.

— Но перед нами сразу две могущественные державы!

— Полагаю, что одна. Византия. Но она увязла в войне с арабами за Великий шелковый путь и не рискнет воевать в обе стороны. Что же касается Хазарского каганата...

Свенельд замолчал. То ли размышляя, то ли ожидая, что скажет великая княгиня.

— Ты говорил о Хазарском каганате.

— Так ли он могуч, как утверждает молва? — спросил Свенельд. —

Сначала неплохо бы проверить эту молву.

— И кто ее проверит?

— Наш сын.

— Но... Я не пущу его!..

— А ему не нужно твое разрешение. Важно, чтобы он шел не так, как ходил на вятичей. Но это — моя забота. Моя и Неслыха.

Ольга задумалась. Спросила вдруг:

— Тебе не очень нужна дружина Морозко?

— Благодарю, моя королева. Морозко опытный воевода, а его дружинники знают, как отражать конную атаку. И это важно для Святослава.

— Я отдам дружину Морозко в распоряжение сына.

— И она ему очень пригодится, моя королева.

— Передай великому князю мое дозволение... — Ольга замаялась, — нет, просьбу выступить на буртасов в отмщение за гибель дружинников моего супруга — великого князя Игоря.

Вздохнула и вышла из палаты.

Часть вторая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

В стойбище к Святославу по настоянию Свенельда выехал Неслых. — Великая княгиня Ольга позволяет тебе, князь Святослав, примерно наказать буртасов.

Это была дерзость, но Неслых любил огорошивать наследника Великого Киевского княжения. Негодование будило в князе ясные мысли.

— Я не нуждаюсь в дозволениях Киева!

Сработало.

— И повелела отдать в твое распоряжение дружину Морозко.

Святослав промолчал.

— Я не сомневаюсь, что ты разгромишь буртасов и отомстишь за гибель наших воинов, — продолжал Неслых. — Разгромишь и выйдешь на земли Хазарского каганата. Далее

начнутся земли, нам неведомые, и тебе, великий князь, потребуется верный проводник. Он сам найдет тебя, с ним все оговорено.

— Как я узнаю, что он — это он?

— Ты скажешь ему мое имя. В ответ он спросит о Живане. Доверяй ему полностью. Он воевал с буртасами под стягом твоего отца вместе с Живаном.

— Запомнил.

— Полностью доверься ему. Каким бы странным он тебе ни показался.

— В чем же его странность?

— Он живет под личиной. Поэтому не забудь о моем имени.

— Не забуду, — усмехнулся великий князь. — Прими мою благодарность, Неслых.

Неслых молча поклонился. Потом сказал:

— Берендеи и черные клобуки будут следовать Дикой степью. Черные клобуки — вдоль побережья Черного моря, берендеи — по северным степям.

— Я знаю.

— Не для тебя напоминаю, великий

князь. Для командиров твоих дружин.

— Предупрежу.

— Побед дружине и славы тебе, великий князь Святослав!

— Добуду, — усмехнулся князь. — Дружина, проводить с честью моего гостя!

Дружина мгновенно построилась в два ряда. Дружинники выхватили из ножен мечи и, потрясая ими, громко трижды вскричали:

— Слава! Слава! Слава!..

Неслых вернулся из стойбища князя Святослава в отменном настроении. И все — слово в слово — пересказал Свенельду.

— Как наш сын? — с привычной тревогой спросила великая княгиня, когда воевода доложил о свидании с Неслыхом.

— Стяжает себе славу, которая переживет века, моя королева.

— И по дороге к этой славе уничтожит Великое Киевское княжение, — горько вздохнула Ольга. — Я помню каждое его слово. — Мало ли о чем болтают незрелые

вожди, моя королева.

— Если бы он болтал... — Ольга опять вздохнула. — Он не умел болтать, как не умел улыбаться. Нет, нет, он уничтожит наше княжество.

Непременно уничтожит, я слишком хорошо его знаю.

— Тогда... — Свенельд замолчал.

— Что — тогда?

В голосе Ольги слышалась напряженность, и воевода улыбнулся.

— Тогда придет черед нашего младшего сына, моя королева. — Но Святослав не должен знать, что у него есть брат.

2

По решительному настоянию Морозко Святослав с неохотой согласился попросить Свенельда повлиять на вятичей, чтобы они не препятствовали проходу боевых дружин Святослава по берегу Оки до впадения ее в Волгу. Вятичи согласились, но то, что великого

князя Святослава одолжили этим невмешательством, оскорбило его самовлюбленную душу, и обиду он затаил.

Требования опытного Морозко основывались на том, чего Святослав пока не понимал. Русские дружины того времени воевали только в пешем строю, а к месту боя добирались на конях, чтобы дружинники не устали тащить на собственных плечах тяжелую броню, оружие и продовольствие. Ездить на конях они, естественно, умели, но выездных специально для боя коней у них не было. Это был всего лишь транспорт, средство передвижения, и Морозко совсем не был уверен, что лошади не понесут вскачь при первой же вражеской стреле.

Поэтому до устья Оки их сопровождали коноводы, которым дружины и отдали коней. Их уже ждали насады, и в первую они погрузили вооружение, заводных коней и кое-какие припасы не только для еды, но и для походного

ремонта брони и оружия под охрану новгородских добровольцев.

Новгородская ватага не пряталась, поскольку на Волге к ним привыкли. Потом залезли сами во вторую насаду и на всякий случай легли на донные доски, под грузовой палубой, чтобы их не заметил кто-либо из людей, не посвященных в их намерения.

Лежали в трюмном сумраке на сырых досках в броне и полном вооружении. Ставка была слишком высока, и великий князь приказал и дышать-то через раз. Хазарские соглядатаи приглядывали за волжскими караванами, и опасность, что русские дружины могут заметить раньше времени, оставалась вполне реальной.

Осторожный Морозко велел загрузить палубу тюками с обычным товаром, спрятав среди тюков легких лучников. На Волге пошаливали ушкуйники, и держать под рукою людей, способных дать им быстрый и внезапный отпор, было вполне уместно.

А караван сплавлялся мучительно медленно, подолгу застревая на перекатах. Воины мучились от неподвижности, конечности их затекали, ныли спины и суставы, но великий князь был неумолим. Он и сам страдал, позволяя себе размяться на верхней палубе только по ночам. И то, если ночи были беспросветно темными.

Он вторгался в могущественный Хазарский каганат, имевший многочисленную и хорошо вооруженную армию. И поэтому самым главным его оружием была внезапность нападения с севера. Он верил в мастерство своих дружинников и в собственную счастливую звезду.

Среди купцов и экипажа насад были люди Неслыха. Тот предупредил об этом Святослава, но не назвал ни одного имени.

— Они сами найдут тебя, великий князь. Когда придет время.

И — нашли.

На товарную палубу, под которой лежали дружинники со своими

командирами, спустился купец с круглой новгородской бородой. Осмотрел тюки, чуть приоткрыл люк в трюм.

— Перед утренней зарей войдем в земли Волжской Булгарии. Готовься, великий князь.

Выгрузились на границе Волжской Булгарии. Великий князь построил войско, сказал Сфенклу:

— Скажи им мое «Иду на вы!».

И тут внезапно вмешался совершенно незнакомый мужчина.

— Прости, великий князь, но болгары убьют твоего побратима, если не сдадутся сразу. А они не сдадутся, и поэтому пойду я.

— Но тебя тоже убьют.

— Я — человек Неслыха. Он предугадал этот случай и повелел мне умереть.

— Прими мою благодарность, человек Неслыха. — Великий князь прижал руку к сердцу и склонил голову. — Мы справим добрую тризну на твоих похоронах. Ступай на подвиг и успеешь сказать мое слово.

— Что я должен сказать, великий

князь?

— Иду на вы!..

3

Всю свою последующую боевую жизнь Святослав мучительно стыдился битвы с волжскими булгарами. Ударить с ходу одной, по сути, еще никогда не сражавшейся с профессиональными воинами личной дружиной, забыв про дружину Морозко, про непременно окружение противника, про разведку, наконец. Спасла его только удача. В городе вдруг, сразу во многих местах, вспыхнул пожар. Заметались женщины и дети, все ворота, кроме тех, возле которых шла битва, оказались закрытыми, и жители в панике бросились в них, сметая собственных защитников и увлекая их за собою. Толпы ринулись к Волге, в то время как в городе полыхал пожар, металась брошенная скотина, с треском рушились обгоревшие скелеты зданий.

И тут из ворот горящего города вышел улыбающийся Морозко.

— Ты так остервенело работал мечом, великий князь, — сказал он, — что болгары растерялись и не заметили, как я с дружиной проник в город. Ну и запалил его со всех сторон, пока мои дружинники добивали там вооруженных мужчин. Все просто, только учти, что хазары и сами хитры. И ты, прежде всего, думай об их хитрости, а не уповай на собственное нахальство. Великий князь на этот раз не обиделся. Морозко был прав, и он, виновато вздохнув, искренне поблагодарил его.

— Отдать дружинникам воеводы Морозко всю добычу, — сурово распорядился он — Кто позарится хоть на колечко, выгоню!

— Какая там добыча... — отмахнулся Морозко.

Святослав сурово глянул на него, и воевода сразу примолк.

— Похоронить человека Неслыха с великой честью. Как варяга, в ладье. Вокруг уложить сорок

отрубленных голов вражеских воинов и одну заколотую женщину...

— Это уж слишком, великий князь...

— Они совершили неслыханное злодеяние! — выкрикнул

Святослав. — Они убили посла, и пощады им быть не может.

Исполнить, как я повелел!

Морозко вместе с дружинниками уложили убитого посла, бросили к его ногам сорок отрубленных голов воинов, мертвую девушку и три сломанных меча. Затем труп посла обложили ветвями можжевельника и берестой, подожгли и оттолкнули от берега.

Потрясая мечами, дружинники кричали «Слава!», пока горящая лодка не скрылась с глаз.

Три дня великий князь Святослав праздновал тризну по погибшему послу. А потом огнем и мечом прошел по всей Волжской Булгарии, сжигая дома и беспощадно убивая мужчин. Волжская Булгария практически перестала существовать.

После кровавого разгрома Булгарии Святослав велел дружинам грузиться на суда прежним порядком и сплавляться далее вниз по Волге. Движение громоздких судов и здесь было осложнено многочисленными блуждающими отмелями, а потому продвигались они медленно. С песчаных заносов насады вытаскивали новгородцы без оружия, чтобы не привлекать внимания посторонних глаз. Повелев дружинникам прятаться в сырых трюмах, великий князь вместе с Морозко лежал на палубе в холщовой рубахе и таких же портках. Лежал, прикрыв веки и делая вид, что дремлет, тщательно обдумывая, как бы поближе подкрасться к Хазарскому каганату. Поэтому и выслал вперед две лодки-однодеревки с глазастыми проверенными друзьями, Сфенклом и Радыпей, которого оценил в первых же стычках с булгарами. Они должны

были не только находить дорогу среди отмелей, но главным образом приглядывать за берегами.

— Ну, куда дальше? — вздохнув, угрюмо спросил Морозко.

— Ты забыл, сколько буртасы убили русских витязей моего отца?

— Представляю, какую резню ты, великий князь, там устроишь.

— А ты знаешь, воевода, полководцев с мягким сердцем?

— Знаю. Свенельд.

Великий князь помолчал. Потом сказал:

— Свенельд хранит южные границы Руси.

— А ты? Мстишь сыновьям и внукам неразумных буртасов?

— А я завоюю себе собственное княжество! Собственное, воевода, собственное!

— Завоеешь, — согласился воевода. — Но в нем вряд ли найдется место для меня.

— Так... — великий князь растерялся, что очень редко случалось с ним. — Так без тебя я ничего не смогу сделать. Ты, воевода, не только

моя правая рука, но и учитель.

Морозко не сдержал самодовольной усмешки. Но сказал:

— Жестокости я тебя не учил.

— С булгарами я погорячился, хотя они убили посла, а это — величайшее преступление. Но ведь буртасы перебили дружинников моего отца, что требует отмщения, воевода. И все же женщин я не трону.

— Княжеское ли это слово, великий князь?

— Слово есть слово.

Морозко помолчал. Потом сказал, основательно подумав:

— А если они сдадут город?

— Они знают, что их ждет.

— И все же, великий князь?

Теперь промолчал Святослав.

— Послом к буртасам поеду я, — твердо сказал Морозно.

— Не поедешь. Месть за погибших киевлян священна. И я возьму их город на копье.

— И не устроишь больше похорон варяга?

— Если они тебя не убьют.

Опять помолчали. Потом Морозко сказал:

— Напрасно ты, великий князь, своих друзей в дозор отправил. Буртасы давно знают, что ты идешь на них. И готовятся придержать нас, пока не разбегутся женщины и дети.

— Почему ты так решил?

— Потому что мы плывем среди песчаных отмелей по изгибам Волги, а жители разгромленной тобою Булгарии давно уже известили буртасов о нашем появлении. Их тропки куда прямее наших.

Дозорная лодка, плывущая впереди вдоль левого берега, неожиданно развернулась и направилась к первой насаде.

— Что-то приметили, — сказал Святослав. — Там — Радыпя из Новгорода. Парень старательный. Лодка еще не подошла к насаде, как Радыпя, вскочив, закричал:

— Конный разъезд вдоль левого берега!

— Молодец! — крикнул великий князь. — Ступай к берегу, следуй

далее под кустами!

— Ну, я же тебе говорил, что тропки всегда прямее реки, — сказал Морозко.

— Знают, что им пощады не будет.

— Не надо, — Морозко вздохнул и сокрушенно покачал головой.

— Что — не надо?

— Сирот плодить, княжич. Город ты спалишь, долг того требует, но мужиков-то подряд не коси. Не выживут тут бабы и детишки без мужиков. Обезлюдишь Волгу, и кочевники на наши земли бросятся. Великий князь сурово молчал.

— И когда это было? — вновь начал Морозко. — Тех, кто наших воинов порешил, уж и в живых-то нет. А сын за отца — не ответчик.

— Умеешь ты уговаривать, воевода.

— Так ведь сам посуди...

— Ладно! — вдруг резко оборвал Святослав. — Сказал уже, что умеешь уговаривать.

Воевода Морозко и впрямь умел уговаривать. Великий князь на копье взял город, спалил его дотла, но из захваченных мужчин

казнил только сорок человек. Их головы украсили погребальные лады погибших в бою дружинников.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

После разгрома войска буртасов Святослав, не тронув более ни одного селения, вступил в земли Хазарского каганата.

И никого не обнаружил. Ни жителей, ни беглецов буртасов, ни пограничных дозоров хазар. Перед ними лежала пустая и горькая полынная степь.

— Может, это еще не Хазарский каганат? — растерянно спросил великий князь.

— Он самый, — убежденно сказал Морозко. — Это приграничная пустошь, за которой следят.

Дозволь, княжич, дозоры послать из моих дружинников.

— Почему не из моих? — взъерошился великий князь.

— Мои — поопытнее.

— Ну, давай из твоих...

Морозко отдал приказ, и из его дружины тотчас же выехали три дозорных тройки. Первая пошла по центру, остальные по левому и правому флангам. И довольно скоро скрылись из виду.

— И что нам дальше делать? — спросил Святослав с явным неудовольствием.

— Ждать, — пожал плечами Морозко. Великий князь вздохнул. Он не любил ждать.

Он всю жизнь стремился сделать так, чтобы на ожидание был обречен противник.

Ждать, по счастью, пришлось недолго. Прискакал посыльный из центрального дозора.

— Впереди — брошенное селение. Там один старик с колокольчиком.

— Старик? — спросил Морозко. — Почему сюда не привез?

— Святой он. Таких нельзя трогать, может черноту послать.

— Поехали, — сказал Святослав и первым тронул коня.

Доехали быстро. Селение оказалось маленьким, каким и полагалось быть селищу пограничному. Но никаких пограничников здесь не было, а с места на место ходил оборванный старик в накидке с капюшоном и колокольчиком в руках.

Он кругом обошел великого князя, который все время старался оказаться к нему лицом. Святослав смутно о чем-то догадывался, но долго не решался, видя перед собою какого-то ненормального дервиша. И этот дервиш все кружил и кружил вокруг него, позванивая колокольчиком. Это уже начинало надоедать...

Но тут великому князю показалось, что этот странный дервиш сделал ему знак следовать за ним. И великий князь пошел, положив руку на рукоять кинжала. Неожиданно старик оглянулся и остро, не по-стариковски, посмотрел на него. — Неслых, — скорее по какому-то озарению, нежели по памяти, сказал Святослав.

— Будь здоров, великий князь, —

ясным голосом сказал дервиш. — Как там мой дружок Живан?

Великого князя поразила белоснежная седина дервиша. Седыми были длинные, еще густые волосы, усы, клинообразная борода, достигавшая груди. И поэтому он чуть задержался с ответом.

— Дядька мой жив покуда.

— Слушай меня внимательно, великий князь. Первое, самое главное: ни при каких условиях не принимай битвы ниже этого селища. Кругом сплошные затопленные луга, о которых хорошо известно хазарам. Они дадут тебе сражение на заросшей свежей травой топи, где не только кони, но и дружинники твои увязнут до колен.

— Прими мою благодарность. Но я не привык отступать.

— Это не отступление. Это обход неудобной позиции. Иди к узкому междуречью меж Волгой и Доном, я сам проведу тебя. За Доном живут хазарские печенегы, которые настолько претерпели от хазар, что приняли христианство и объявили

себя свободными. Они отвоевали проход по побережью Черного моря вплоть до кавказских степей, откуда постоянно и нападают на хазар. Печенеги проводят тебя в эти степи, где ты сам выберешь место для битвы. И туда же направят берендеев и черных клобуков, как только они подойдут. — Еще раз прими...

— Дозволь досказать, времени у нас немного. Хазары строят войско всегда в одном порядке. Слева от тебя окажутся белые хазары — легковооруженная конница, которая промчится вдоль твоего фронта, осыпая дружинников тучей стрел. Едва они проскочат, как с правой стороны вылетят в атаку черные хазары, в броне и с длинными дротиками. Они попытаются расстроить твои ряды, после чего на тебя двинутся основные хазарские силы.

— Мы выстоим...

— Не надо выстаивать ценой потерь своих воинов. Надо выбрать такое место, где можно было бы как

слева, так и справа спрятать твоих союзников черных клобуков и берендеев. Как только белые хазары пойдут в атаку, в спину им немедленно должны ударить черные клобуки. Они — степняки, значит, стреляют без промаха. И будут стрелять в спины. Это спасет твоих воинов, но не спутает отработанной битвы хазар. Они все равно бросят в бой черных хазар, а вот им в спину должны ударить берендеи. Они хуже стреляют, но ты отдашь им харалужные мечи и поставишь задачу резать подпруги черных хазар.

— Ты знаешь о харалужных мечах?

— Я служу Неслыху.

— Ты неплохо провел эту битву.

— Я — воин, великий князь. Я служил твоему отцу великому князю Игорю.

— Ты достоин высокой награды.

— Я прошу о ней. Возьми меня с собою, я должен увидеть, как ты навсегда покончишь с Хазарским каганатом. Я не обременю тебя...

— Ты не выдержишь этого перехода.

— Я еще крепок. Дай мне коня, а уж

в седло я вскочу сам.
Великий князь молча обнял старого
воина и крепко прижал к груди.

2

Заводные кони были в дружине
Морозко, и Святослав сразу послал
за ним. Морозко тут же прискакал с
заводным конем, но неожиданно
резко осадил его, едва увидев
старика. Потом вдруг, бросив
поводья коноводу, спрыгнул с
седла, упал на колени перед
стариком и начал целовать его
ноги.

— Батюшка! Батюшка мой!..

— Морозко... — старик вдруг
качнулся, и Святослав с трудом
удержал его. — Морозко, сын мой...
Сын! Сын мой!..

Они, крепко обняв друг друга, уже
катались по земле, рыдая и смеясь.
Дружинники окружили их, но никто
не осмеливался даже заговорить.
Молчал и великий князь, пораженный
этой неожиданной встречей отца с

сыном в горькой полынной степи на самой границе Хазарского каганата. — Устрой пир в честь отца, нашедшего сына, — сказал Святослав Сфенклу. — Ты это умеешь. — Устрою.

Устроили. Сфенкл приказал заколоть и разделать заводную лошадь, а пока ее разделывали, в какой-то балочке разыскал съедобные травы и корни, в которых разобрался лучше Святослава. Великий князь к тому времени лично поджарил конину на углях, и пир удался на славу. Правда, старец мяса не ел.

Объяснил, что отвык от него, что давно питается только корнями, дикорастущими плодами да травой. Зато травы, собранные Сфенклом, ел с удовольствием.

После пира завалились спать. А Святослав, ворочаясь на жесткой попоне, долго не мог уснуть, глядя в темное, щедро усыпанное звездами небо.

«Где-то среди них есть и моя звезда, — думал он. — Она непременно должна быть. Должна,

иначе не сбудутся мои мечты, и что мне, безотцовщине, тогда делать?.. Что?..»

Он не имел в виду своего настоящего отца. Он исключал его из своих мыслей, потому что незаконно прижитый князь — всегда изгой, не имеющий права даже на тень какой-либо власти. Его никто никогда не признает, и ему не построить собственного княжения даже за все золото Господина Великого Новгорода...

Утром великий князь, как всегда, проснулся еще до рассвета, раздул костер, поджарил остатки конины, сварил варево в котле. Не успело оно закипеть, как Святослав почувствовал, как кто-то присел рядом с ним. Привычно бросив руку к кинжалу, глянул.

Рядом сидел старик. Найденный среди полынной пустой степи отец Морозко.

— Здрав буди, великий князь.

— Поклон тебе, отец моего друга. Не спится?

— Я привык вставать с зарею. Я —

старый человек. Но почему ты, великий киевский князь, развел костер раньше меня?

— Я должен накормить дружину. Ее труд — война, а война требует сил.

— Ты станешь великим полководцем. О тебе будут слагать песни.

— Я мстил за дружинников отца. Теперь, с твоей помощью, у меня появилась возможность разгромить Хазарский каганат.

— Так и будет. Помни о хазарских печенегах. Завтра мы войдем в их земли.

Вышли сразу после обильной утренней еды. Великий князь кормил своих дружинников, сам обходясь несколькими кусочками конины, слегка обжаренной на углях. Путь предстоял дальний, по сухой степи под палящим солнцем, и старик предупредил:

— Напоить коней до отвала, напиться самим и до вечера больше не пить. Ни глотка единого.

Повели, великий князь.

— Морозко, отбери у всех воду, вози под охраной на заводном коне

и никому не давай.

— Скажи, чтобы шеломы сняли, и сам сними, — посоветовал старик. — И чтоб головы все накрыли хоть рубахами. Коли перегреется кто, не спасем.

Шли размеренным шагом. По пути старый отец Морозко рассказывал Святославу о хазарских печенегах, восставших в каганате.

— Ордой сейчас правит его сын. Он твоего возраста, принял орду после гибели отца. Зовут его Чагандаем. Воин опытный, потому что орде его приходится отбиваться как от кочевников в степи, так и от отрядов хазар.

— Может, нам дозор вперед выслать? — спросил великий князь. — А то нагрянем внезапно.

— Внезапно на Чагандая не нагрянешь, — усмехнулся старик. — Его дозоры давно пересчитали твое войско, знают, что идут русичи, а не хазары. Да и меня тоже узнали.

— Когда встретят нас?

— Поприца через два...

Однако встретили их значительно

ближе, чем предположил их старый проводник. Неожиданно за небольшим возвышением оказалось выстроенное конное войско, впереди которого гарцевал на резвом коне молодой печенег. Дружины невольно остановились, ожидая приказа Святослава, но старик положил ему руку на колено, и великий князь никакого приказа не отдавал. Увидев их, гарцующий всадник с места послал аргамака в карьер и осадил его, подняв на дыбы, прямо напротив Святослава.

— Слава Великому Киевскому князю Святославу!

— Слава! Слава! Слава!.. — трижды отозвалось в конных рядах за его спиной.

— Вот и сам Чагандай, — сказал старик.

— Слава тебе, хан Чагандай! — громко сказал Святослав и, перегнувшись с седла, обнял молодого вождя печенегов.

— Твоих союзников берендеев и черных клобуков мои дозоры скрытно провели в кавказские предгорья, — рассказывал по дороге хан Чагандай. — Там охотничьи уголья хазарского хана, и я поэтому особенно люблю охотиться именно там.

Говорил он тихо, потому что короткими летними ночами вел дружину Святослава в кубанские степи, где их уже ждали орды берендеев и черных клобуков. А днем они отсыпались в тростниках среди озер и речек, которые хазарские печенеги знали наперечет. Когда темнело, осторожно продолжали путь к Кавказу.

— Место для битвы я знаю, — Чагандай любил поболтать, но Святослав терпел: положение обязывало. — Конечно, тебе выбирать, великий князь...

— Вместе выберем.

— Да, есть одна неприятность, великий князь, — вдруг вспомнил

хан печенегов. — Кто-то в твоём Киеве распустил язык, что к тебе на помощь идут кочевники. И хазары тотчас же щедро заплатили ясам и касогам, чтобы они нападали на твоих союзников...

Новость была пугающей. Святослав на первой же ночевке предупредил Морозко, чтобы он немедленно послал в Киев двух человек Неслыха с этим известием. Попросили Чагандая выделить проводников, и он отправил с ними четырех. Ясы и касоги были владыками кубанских степей. Правда, вооружение их было обычным для кочевников — сабля, лук да стрелы, но знание ими местности, укрытий, болот, низинок и оврагов, откуда можно было бы внезапно ударить в спину дружинам Святослава и коннице хазарских печенегов, делало их весьма опасными врагами. — Придется сначала громить ясов с касогами, хан Чагандай, — сказал великий князь. — Иначе они измотают нас внезапными налетами. — Придется, — вздохнул хан

печенегов. — Разгромим, но ты, великий князь, все же постарайся узнать, кто нас предал. И повели посадить их на кол. Над тлеющими кострами.

— Сначала ими займется палач, — сквозь зубы процедил Святослав. В голосе его слышалась такая ненависть, что Чагандай на время примолк. Потом сказал:

— Ясы будут ждать тебя, князь, у брода через Кубань. Но я обгоню тебя на подходе, переправлюсь сам выше по течению и ударю по засаде у брода им в спину. А ты переправишься, когда я их отгоню.

— Ты — воин, хан, — сказал Святослав и наконец-таки улыбнулся.

Хан вольных печенегов прижал руку к сердцу и низко склонился в седле.

— Твоя похвала, великий князь, останется в моем сердце навсегда. Святослав основательно продумал всю предстоящую битву. Потом сказал:

— У моего брода наверняка поставят

засаду. Чтобы облегчить твое положение, хан, я дам тебе десяток метателей.

— Метателей чего?

— Ножей. Мою дружину научил метать ножи старый варяг. — Великий князь придержал коня и крикнул: — Морозко!

Счастливым, до сей поры сияющий воевода подъехал сразу.

— Случилось что, великий князь?

— Десять метальщиков ножей во главе с Радыпей отдашь под руку хана Чагандая. Они помогут ему снять засаду у брода. Скажи об этом Икмору, они в его распоряжении.

— Будет исполнено.

Морозко ускакал. Вскоре появились десять юношей с сумками за плечами. В каждой ячейке сумки торчали рукояти тяжелых ножей.

— Они переправятся с тобой, хан, но действовать будут самостоятельно.

— Я благодарен тебе, великий князь. Дозволь сказать слово молодцам.

— Говори, хан Чагандай.

— Мы будем переправляться через Кубань. Река быстрая, поэтому, когда будете плыть, крепко держитесь за стремя. За то стремя, которое по течению, чтобы вас относило вниз, а не под коня. Если все поняли, и никаких вопросов нет, за мной. А тебя, великий князь, прошу спрятать дружину в кустах, да так, чтобы враги наши ничего не заметили.

— Спрячу. Веди метателей.

Чагандай увел метателей во главе с Радыпей. Морозко спрятал дружину, а Святослав — свою стражу, выбрав удобное место для наблюдения. К нему осторожно прокрался Морозко, и они оба не отрывали глаз от противоположного берега.

— Видишь, куда охранник брода смотрит? — шепотом спросил

Морозко. — Он в другую сторону смотрит, вниз по течению.

— Вижу, — проворчал Святослав. — Замри, а то весь замысел сорвем.

— А если пошлем кого пошуметь ниже реки? Тогда дозор пошлют, а нашим

это на руку.

— Верно, — оживился великий князь. — Пошли кого пошустрее. Человека три-четыре. Пусть кусты поломают и поорут погромче. Морозко отполз. Через некоторое время ниже по течению реки послышался треск ломаемых кустов и громкие крики. И Святослав понял, что громче всех кричит сам Морозко.

Вдруг кусты на противоположном берегу зашевелились, и оттуда выбрались три лучника.

Пригнувшись, они стали скрытно пробираться к месту, откуда слышались крики и хруст ломаемых кустов.

Святослав был уверен, что там они никого не только не найдут, но и просто не увидят. Он знал все хитрости Морозко, но почему-то сейчас подумал о другом.

О Свенельде. Великом воеводе Свенельде, который всегда обещал его другу и верному помощнику выкупить его родителей из несуществующего рабства. И подумал

с гадливостью: «Все они такие. Что мать, что отец. Нет уж, мне с Киевом не по пути...»

Какое-то странное движение под кустами, нависшими над противоположным берегом реки, вдруг привлекло его внимание. Он вгляделся пристальнее и понял, что под кустами вдоль берега осторожно пробираются метальщики Радыпи. Высовываясь только для того, чтобы глотнуть воздуха, они неуклонно приближались к сторожевому посту противника, внимание которого было так вовремя отвлечено Морозко.

«Какие у меня воеводы! — с восторгом подумал великий князь. — Что Чагандай, что Морозко. Нет, сначала — Морозко, а потом — Чагандай. Да с такими воеводами я не только прорвусь к Дунаю, я там непобедимое княжество завоюю!..»

Радуюсь за своих помощников, Святослав не переставал скрытно наблюдать за противоположным берегом. К тому времени метатели Радыпи уже почти вплотную приблизились к передовой страже,

все внимание которой было отвлечено шумом, устроенным Морозко. Оставался пустяк: найти твердый грунт для опоры, потому что смертельный бросок ножа требовал усилий всего тела. Князь видел, как тщательно и совершенно бесшумно они ощупывают дно, чтобы найти эту твердую точку опоры. Первым это удалось сделать Радыпе: Святослав определил это по тому, как он выпрямился, изготавливаясь для броска. И почти тотчас же тяжелый нож вонзился в горло одному из стражников. Поднялась паника, остальная стража заметалась по берегу, что позволило другим метателям выскочить на твердую кромку реки и в считанные мгновения метательными ножами прикончить всю стражу речного брода. Основная дружина Святослава могла спокойно переправляться через реку, пока Чагандай сеял панику в окрестности. Великий князь Святослав ворвался в предгорья Кавказа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

— Что посоветуешь, отец моего друга? — спросил великий князь. — Наказать ясов с касогами или поискать с твоей помощью место сражения с войсками Хазарского каганата?

— И ясов, и касогов добьют джигиты Чагандая, — сказал, подумав, старик с серыми, почти до седины, глазами. — Они растеряны и напуганы, а хан Чагандай — воин отменный. Отдай ему десяток твоих метателей ножей, князь. Степняки предкавказья не понимают этого оружия, а потому и боятся его. — Ты хорошо знаешь, как хазары строят войска, как воют, и без твоей помощи мне не обойтись. Выбери место сам, а потом растолкуй мне, почему ты выбрал именно его.

— Я выберу место, расскажу все, что знаю и что может тебе, князь,

сослужить пользу. А потом ты парадно оденешь меня, дашь герольда со стягом, и я поеду в летнюю ставку Хазарского кагана, которая совсем недалеко отсюда.

— Зачем?

— Чтобы передать ему твои слова.

— Какие слова?

— Иду на вы.

— Ты не посмеешь этого делать! — вспыхнул Святослав. — Я запрещаю тебе!

— Почему, мой князь?

— Потому что они убьют тебя. Отца моего боевого друга.

Старик улыбнулся:

— Ты не знаешь хазар, мой князь. Они заключают соглашения со всем миром и никогда не станут портить свои торговые связи убийством какого-то старика. А посетить их мне просто необходимо. Во-первых, я нагоню на них страху, а во-вторых, кое-что узнаю об их войсках. Но до этого мы выберем место твоей победы.

Старик не искал места предстоящего сражения с противником, почти в

два раза превосходившим силы Святослава. Он шел прямо к плоской возвышенности, с одной стороны которой была заросшая кустарником низина, с другой — противоположной — лес, казавшийся непролазным.

— Здесь ты построишь свои дружины для битвы, — говорил он, показывая места на возвышенности. — По обе стороны должны стать джигиты Чагандая. Он, как и его отец, всю жизнь воевал с хазарами, значит, эти конники наших врагов не насторожат. А тех, кто насторожит, мы спрячем...

Старик замолчал, то ли обдумывая что-то, то ли вспоминая. Потом спросил:

— Кто лучше вооружен — берендеи или черные клобуки?

Святослав бросил на него острый взгляд.

— Ты забыл, великий князь, что я служу Руси под рукой Неслыха?..

Святослав промолчал. Потом буркнул:

— Берендеи лучше, у них есть даже легкие кольчуги. А черные клобуки

вооружены, как все кочевники.
Сабля, дротик да лук со стрелами.
— Значит, все харалужные мечи ты отдашь берендеям.
— А что ты знаешь о харалужных мечах? — вскинулся великий князь.
— Неслых знает все.
— Почему именно берендеям? Они и так лучше вооружены.
— Потому что они нанесут основной удар в самом начале битвы. Хазары всегда и со всеми сражаются одинаково. Это хорошо у них отработано и до сей поры приносило успех. Ты, великий князь, первым развеешь сказку о непобедимых хазарах.
— Я стал бояться сглазу.
— Это хорошо. Боязнь должна посетить вождя до битвы. Как только она начнется, никакой боязни уже не будет. Если ты поставишь перед берендеями и черными клобуками точные задания...
— Я ставлю задания только моему помощнику. Твоему сыну Морозко.
— На сей раз тебе придется изменить своим правилам. И запомни

главную заповедь: врага нужно удивить. Удивленный противник начинает топтаться на месте. А сейчас вели выдать мне одежду понаряднее, и отряди герольда с твоим стягом.

2

Не в правилах Святослава было советоваться с кем-либо, кроме ближайших друзей детства. Но, возмущаясь вмешательством старика в его дела, он в глубине души понимал, что от согласованности ударов конных отрядов берендеев и черных клобуков зависит успех битвы. Соображение это росло, как гриб, и, в конце концов, затмило детское нежелание выслушивать чьи бы то ни было советы.

Противника надо удивить до начала сражения. Этот совет он запомнил на всю жизнь.

«Удивить...

Но — как? Чем удивить?..

Хазары никогда не меняют своего

способа ведения битвы. Удивить — значит заставить их изменить этот способ. Начать приспособливаться к иному, навязанному противником. А начинают они битву атакой белых хазар, которые вылетят с моей левой руки. И как только начнут осыпать меня стрелами... да, не забыть построить черепаху... Так сразу же им в спину вылетят черные клобуки, лучшие лучники степи. И будут бить в незащищенные спины белых хазар. Может, им и не удастся заставить белых хазар удирать, но прицельно стрелять в моих дружинников они уже не смогут.

А, промчавшись вдоль моего войска, черные клобуки должны круто завернуть за мое правое плечо и стать в моем тылу. Может быть, спешившись до времени. До моего сигнала...»

Додумавшись до этого, Святослав приказал прислать к нему вождя конной дружины черных клобуков, которую водил сын хана Ильдар. Великий князь встретил его с

почтением не только как ханского сына, но и как одного из первых запевал решительной битвы с самим хазарским войском.

Разговор был легким, потому что Ильдар был ненамного младше великого князя и в детстве посещал его в саду великой княгини Ольги. Он понял свою задачу, уточнил, куда ему отходить после удара и сразу ли спешиваться. А все уточнив, обнял Святослава, поцеловал его в левое плечо и тут же вышел.

С суровым и немолодым ханом берендеев он знаком не был. Берендеи по договоренности с Киевскими властями жили на окраине, за землю и пастбища охраняя границы Руси от вторжения с востока. Знал одно: хан был решителен, отважен и умел воевать, поскольку это было его ремеслом. Святослав начал было пространно рассказывать о том, что хазары никогда не меняют отработанную тактику битвы своего войска, но хан берендеев сразу же прервал

его.

— Я знаю ее, великий князь. Скажи мне, что я и мои богатыри должны сделать в этой битве.

Святослав тут же развернул приготовленную рогожину, из которой извлек харалужные мечи.

— Вот твое оружие, хан, в этой битве. Это самозатачивающиеся мечи с режущей кромкой. Хазары о них не знают, а удивить — значит победить.

Хан внимательно осмотрел мечи, взвесил их на руке, определив центр тяжести, и сказал.

— Мечи хорошие.

— Раздай их твоим лучшим богатырям.

— Щедрый дар. Что мы должны делать?

— Первым в спину белым хазарам ударят черные клобуки. Помешав им прицельно расстреливать наше войско, они сразу же отойдут в мой тыл, спешатся и будут ждать сигнала. Твоя задача точно так же ударить в тыл черным хазарам. Пусть твои богатыри стараются

резать подпруги, спешенный воин — уже не воин. А, разгромив их, точно так же, но с другой стороны, обойти мою рать, спешится, и ждать команды.

Хан помолчал, все еще любовно разглядывая харалужный меч. Потом сказал:

— Ты победишь, великий князь.

— Если все сложится как задумано, — озабоченно сказал Святослав. — Ты спрячешь своих конников в лесу, чтобы хазары их не заметили. Твой удар должен быть внезапным и беспощадным.

— Я понял, как мне действовать в этой битве. Пленных мы не берем?

— Нет.

Великий князь сказал это с такой ненавистью, что аж желваки побледнели на скулах.

— Тоже верно, — хан почему-то вздохнул. — Сколько бед они принесли всей Киевской Руси.

— Лучше спрячь своих богатырей, хан. Чтобы кони у них не заржали раньше времени.

— Наши кони выезжены для сражений.

Удачи, великий князь.

— Удачи, хан.

Неожиданно для самого себя Святослав встал и крепко обнял сурового вождя берендеев.

3

Казалось, что он все продумал перед предстоящим сражением. Он понял, как с самого начала битвы удивить хазар, заставить их делать ошибки, которые невозможно было бы исправить в бою. Казалось... Но Святослав никак не мог успокоиться. В нем, как червь, жило убеждение, что сделано еще не все. Не все... Что-то еще он упустил. Что-то очень важное... Озарение пришло во сне. В том молодом полусне-полуяви, когда в отдохнувшую голову откуда-то стекаются мысли...

Клин...

Он построит свои рати клином, направленным в сердце противника. Но построит не сразу, не тогда,

когда хазары выстроятся перед ним. До начала боя будут считанные мгновения, но именно в эти мгновения он и перестроится клином.

Старик вернулся через неделю. И всю эту неделю от раннего подъема до темна великий князь гонял свои рати, заставляя перестраиваться из шеренги в клин как можно быстрее. Он добился, в конце концов, чего желал. Теперь каждый дружинник точно знал, где ему следует очутиться и как при этом не помешать своим.

— Сколько у тебя метальщиков ножей? — спросил он Икмора.

— Да уж более трех десятков.

— Раздели их поровну, и поставь по обе стороны клина.

— Какого клина?

Святослав отдал команду, и рати в считанные мгновения из шеренги превратились в клин.

— Ага!.. — сказал Икмор. — Теперь понял. Левую сторону возьму на себя, а правую поручу Радыпе. Он лучше других мечет ножи и всегда

целит в горло. И никогда не промахивается!

— Что ты вдруг разболтался? — сердито спросил великий князь. — То молчишь неделями, то болтаешь без умолку.

— Так ведь... — Икмор махнул рукой и ушел, так и не закончив фразы.

На следующий день после этого разговора вернулся старик. И не один. Его сопровождала посольская свита самого Хазарского кагана.

— Его превосходительство господин посол! — торжественно возвестил старик.

Святослав был в белой полотняной рубахе, но это его никогда не смущало. Говоря языком тех седых времен, он «ушел в вик», то есть объявил себя викингом, или, как их называли на Руси, варягом.

— Привет тебе, высокий посол, — сказал он. Посол что-то произнес.

По тону — нечто очень гневное.

Старик начал было переводить, но великий князь недаром возил с собою подаренную новгородским посадником хазарянку.

— Да, мои рати на земле Великого каганата, посол. Здесь я окончательно выбрал место для битвы и здесь жду ваших воинов. Посол опять что-то проговорил, но старик уже не стал переводить его слов. А великий князь сказал.

— Я был еще незрелым мужем, когда ваш посол пришел объявить Великому Киевскому княжению войну. Он не тратил слов, а просто бросил меч к ногам моей матушки, великой княгини Ольги. Я до сей поры помню звон этого меча.

Он вдруг требовательно протянул руку за спину, и стоявший за его плечом Сфенкл тут же вложил меч в его руку.

— Я отвечу тем же твоему кагану, посол! Здесь, на этом месте! И Святослав, широко размахнувшись, швырнул меч в пыль, к ногам высокого посла.

4

Волновался ли великий князь перед

своей первой тяжелой битвой?
Волновался, но, злясь на самого себя, гнал волнение из своей души. Первую свою войну — с вятичами — он проиграл. И совсем не потому, что воевода Свенельд попросту подставил его, не дав никакой подмоги. Свенельд поступил правильно, так как победы ничему не учат. Учат только поражения. И он едва не получил второго разгрома, когда брал Великий Булгар. Его спас тогда Морозко, просочившийся в город, который и запалил со всех концов. Да, учат только поражения. Но нельзя держать их в душе перед решающей битвой. Думать надо только о победе. А если хазары узнают о том, что он им приготовил?.. Тогда... Он резко повернулся к Сфенклу. — Я забыл о дозорах! — Дозоры уже посланы. Открытые — для почета, тайные — для слежки. Ты был просто очень взволнован встречей, князь, и я распорядился сам.

Сфенкл с детских игр был правой рукой Святослава. Но даже он не знал всех подробностей плана великого князя. Святослав настолько доверял своему ближайшему другу, настолько был убежден в его сообразительности, что предпочитал ее собственным решениям. Поэтому он обрисовал другу лишь общие черты задуманной им битвы, но спросил, что он думает о перестроении в считанные мгновения.

— Понимаю, ты хочешь поставить перед хазарами загадку, великий князь. В этой затее самое опасное — крылья. И время, когда конница должна будет ударить по хазарскому тылу.

— Вот ты и определишь этот миг. Мне некогда будет, мне острие держать, чтоб не смяли.

— Что-то мне тут не очень по душе...

— На крыльях будут метальщики Икмора, — недовольно сказал Святослав, поскольку терпеть не мог, когда сомневались в его решениях. — Он сегодня что-то

очень уж разговорчив стал.
Проследи, как бы не заторопился.
— Пыль, — заметил Сфенкл. — Не
иначе, наш старик возвращается.
Подъехал старик с герольдом,
трубачом и княжеским стягом.
Святослав вежливо помог ему
спешиться.

— Порою мне нравится твое
нахальство, великий князь, —
довольно проворчал старик. —
Хазары пришли в ярость, а ярость
слепит очи.

— И в чем же выразилось их
ослепление? — спросил Сфенкл.
Святослав почему-то молчал. — Они
решили не связываться с нами?
— Лучше, — усмехнулся старик. —
Они решили выставить против нас
все свои силы. А их у хазар много.
Много больше, чем у нас.

— Так что же тут лучше?

— А то, что ради будущего
победного торжества хазары
назначили, чтобы их войском
командовал в битве сам великий
каган.

— Вот за это известие прими мою

благодарность, — Святослав растянул губы, что давно уже стало обозначать улыбку. — Насколько мне известно, великий каган никогда не выигрывал ни одного сражения. Как тебе это удалось, отец моего побратима?

— Хазарской правящей верхушке необходим какой-то очень для них выгодный договор. Мне удалось намекнуть, что после безусловной победы над тобой, великий князь, каган значительно увеличит вес своей подписи.

— Твой должник.

— Но!.. — старик поднял палец. — Повторяю. Они собирают под его командованием все свои силы. А силы, как тебе, князь, известно, у них немалые.

— Тем звонче будет наша победа! Старик в упор посмотрел на великого князя седыми глазами. И вздохнул:

— Ты — молод. А у каганата очень мощная конница. Белые и черные хазары, не считая боярских дружин. — Я готов к ударам их конников.

Так же готов, как готов к разгрому всего их войска.

— Они подтянут свои силы не ранее, чем через дней десять. А то и две недели.

— Значит, через две недели мы будем праздновать победную тризну!

— Слава великому князю Святославу! — выкрикнул Сфенкл.

— Слава! Слава! Слава!..

Откликнулась вся дружина. Как княжеская, так и Морозко.

Молчали только берендеи и черные клобуки, заботливо спрятанные от любопытных глаз.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

В ожидании противника великий князь широко разослал пешие и конные дозоры. И строго предупредил, чтобы не высывались. А старик сказал: — Вы землю чаще слушайте. У них обозы тяжелые, доспехи тяжелые... И

показал, как надо слушать землю. На полном выдохе и — не дыша. Как ни прикрылся Святослав дозорами и наблюдателями, как ни слушали они все землю, он все же не рискнул продолжать отрабатывать перестроения своих дружин. Удивить — значит победить. Он верил в это, как верят в чудо. А Хазарский каганат славился своими лазутчиками, так что надо было соблюдать предельную осторожность. На десятый день ранним утром, когда Святослав разводил костер, чтобы приготовить дружинам завтрак, донесли: — Топот, великий князь. Аж земля гудит.

Святослав тут же залил костер, растоптал уголья. Повелел хмуро: — Воевод ко мне. Всех.

Прибыли воеводы. Все, кроме берендеев и черных клобуков. Те знали свои задачи и свой час. А остальные выполнили повеление великого князя, построив рати в шеренги с печенегам на обоих концах. Удивлять было еще не

время, и потому Святослав встречал хазарское войско в обычном порядке. И сказал единственное, что не требовало объяснений:

— Никого не кормить. Пировать будем на победной тризне. Или не будем никогда.

Топот приближался, ритмичный и грозный. Его ощущал каждый ратник, но ряды выстроенного войска замерли без малейшего звука. Не только потому, что верили в своего вождя, но и потому, что верили в свою судьбу.

А грохот копыт все нарастал, и в нем все чаще прорывались звоны металла — ножны мечей брякали о кольчуги, и ратники Святослава уже поглядывали на своего вождя.

Но великий князь выглядел совершенно невозмутимым. На самом деле он думал только об одном: как бы хазары не изменили привычной для них тактики предстоящего сражения. Тогда «удивили», а значит, победили бы хазары, вся битва — для него! — перевернулась бы с ног на голову.

Наконец, хазарское войско показалось на выбранной Святославом поляне. Едва появившись из-за пригорка, воины умело и неторопливо начали еще на ходу перестраиваться в боевые порядки. С флангов их прикрывала конница.

Конечно, именно в это время следовало нанести стремительный удар, зажать их в кольцо, не дать развернуться. Это промелькнуло в голове великого князя... «Но, — подумал Святослав, — конница уже получила иные распоряжения, а потому... придется принять их правила. Но на будущее учесть, что сражения не следует усложнять правилами...»

Хазары продолжали неторопливо разворачиваться, строя боевые порядки. Последним из-за бугра появилась процессия в парадных одеждах. В центре ее в паланкине, который несли полуголые дюжие рабы, восседал каган Хазарин. Номинальный владыка могучего государства. Пока все шло так, как

говорил отец Морозко, и великого князя оставили последние сомнения. Балдахин установили позади войск на каком-то постаменте, чтобы каган мог наблюдать за битвой. Все это делалось без всякой суеты и спешки. Хазары настолько привыкли к проверенному способу побеждать, что торопиться им не имело смысла.

«Начнут белые хазары... — подумал Святослав. — Ну, друг детства знает свое дело...» Он думал о молодом хане черных клобуков Ильдаре. Но что это? Хазары действовали по-иному. Впереди линии хазарских войск показался богато одетый хазарянин из свиты кагана. И неожиданно громко выкрикнул на русском языке: — Вы вторглись в личные владения великого кагана Хазарии! Ответом послужат наши мечи!.. И впрямь швырнул меч в пыльную траву. И неспешно удалился. И как только он скрылся за правым флангом хазарской армии, слева молча вылетели белые хазары.

Однако не успели они развернуться, как в тыл им с гиканьем и свистом ударили черные клобуки Ильдара. Эти степняки были отличными наездниками, не пользовались поводьями, управляя лошадьми только шенкелями, и руки у них были свободны. На бешеном карьере они расстреливали белых хазар в спины, и хазарам было уже не до прицельной стрельбы по русской рати. Ряды легких хазарских конников смешались и сразу же свернули, кое-как укрывшись за боевыми порядками хазарской армии. А черные клобуки, промчавшись вдоль рядов выстроенных для битвы войск, легко зашли за левую руку дружин Святослава, стали в боевом порядке, готовые принять на себя возможный удар противника, когда великий князь отдаст повеление строить клин.

«Ай да друг детства!.. — весело подумал великий князь. — Чем же ответят хазары?..»

А хазары ничем не ответили на изменение порядка битвы в самом ее

начале. И тут же выслали свою тяжелую, закованную в железные доспехи конницу, именуемую черными хазарами.

— Ну, хан, давай!..

Кажется, Святослав выкрикнул это вслух, потом он не мог этого вспомнить. То ли и вправду выкрикнул, хотя хан берендеев никак не мог его услышать, то ли просто подумал про себя, а только из леса с правой руки показалась конница хана берендеев. Поначалу на легкой рыси, потом все быстрее и быстрее разгоняясь, она ударила в спины черных хазар уже на стремительном карьере.

И враз все смешалось. Берендеи и не пытались рубиться с закованными в броню хазарами. Они просто молча ударили в спины, смешав ряды. И отточенные харалужные мечи, врученные лучшим богатырям, на скаку били не по всадникам, а только по подпругам седел. Под всадниками в черных доспехах внезапно рухнула опора, с железным грохотом они летели под копыта

распаленных скачкой коней
берендеев.

— Клин! — скомандовал Святослав,
не ожидая конца этой стремительной
атаки.

Клин был построен мгновенно,
великий князь не зря занимался
перестроениями, пока старик
сопровождал хазарского посла.

Печенеги Чагандая вместе с
метальщиками ножей перекрывали оба
фланга, а вернувшийся после атаки
хан берендеев занял свое место в
одном из углов треугольника.

Когда уцелевшие черные хазары
отступили под охрану своего
войска, когда ускакали лошади,
отползли спешенные конники, и
рассеялась пыль, великий князь
увидел перед собою выстроенные для
битвы строгие ряды основного
хазарского войска.

— До чего же хазары привыкли
побеждать, — задумчиво произнес
Сфенкл.

Он стоял слева от Святослава,
поскольку в битве обязан был
охранять его именно с этой

стороны. Все было отлажено еще во времена их отрочества на первых занятиях с учебными мечами.

— Отучим, — буркнул великий князь. Он весь был там, в еще не начавшейся битве. Он понимал, что двойной кавалерийский налет был всего лишь разведкой боем, прощупыванием слабых мест противника, а теперь с огромным напряжением ожидал начала грозной атаки хорошо вооруженной пехоты хазар. Атаки, которую необходимо было не просто сдержать, нужно, ослабив по возможности первый удар, тут же врубиться в ошетиленную копьями стену. Пробить ее, во что бы то ни стало и рваться вперед, разрезая пополам. Но хазары атаковать русские боевые порядки почему-то не торопились. Стояли как стояли. В строгом боевом порядке, имея за спиной отлично вооруженные боярские дружины, а за ними — несметную пешую рать ополчения. Именно в нем можно было увязнуть, даже выдержав первый удар и расколов боярские

дружины.

«Клин!.. — вдруг пронеслось в его голове. — Они прочитали мои мысли...»

— Прикажи Икмору выдвинуть вперед своих метальщиков. И пусть их ножи целят в командиров. Они стоят на шаг впереди.

Сфенкл молча исчез где-то среди дружинников. Хазары продолжали выжидать. Они явно выманивали русичей на первый удар.

«Не спешить, не спешить, — уговаривал сам себя великий князь. — Метальщики — это неожиданность. Это еще одно удивление...»

Появился Сфенкл.

— Сказал Икмору?

— Метальщики занимают места во втором ряду наших дружин. Начнут, когда изготовятся. Без отдельного повеления.

— Кто начнет? Икмор?

— Начнет Радыпя. Икмор слишком громоздок, на голову выше остальных.

Что-то просвистело возле головы

Святослава, и стоявший напротив его хазарянин в отделанном серебром панцире дернулся и рухнул, схватившись рукой за торчавший в горле нож. А ножи продолжали шуршать, пролетая мимо голов передовых дружинников, и один за другим падали командиры хазарской рати. Так долго продолжаться не могло, все это понимали. И ножей не хватило бы на все хазарское войско, и метальщики уже начали уставать, порою попадая не в щель между подбородком и ожерельем кольчуги. И если бы хазары потерпели бы еще хоть немного... Но хазарское войско не выдержало прицельной избирательности этой летающей смерти. Взревели трубы... — Отводи метальщиков! — крикнул Святослав. — Постоим за Русь!

2

Удар хазарских дружин был тяжел. Святослав оглох от звона мечей,

высекающих искры, и с ужасом подумал, что сейчас, через мгновение, кто-то дрогнет, закричит, кинется из строя, и клин распадется на обезумевших от страха одиночек, которые замечутся по голой степи в тщетных попытках уйти от неминуемой гибели.

Этот миг почувствовал и опытный воин хан берендеев, конница которого практически не пострадала от удара в спину черных хазар.

Вырвав харалужный меч из ножен, он оставил свое место в клину, выстроенному Святославом, и молча послал своего жеребца с места в карьер. За ним и тоже молча неслись и его богатыри.

Внезапный удар берендеев был жесток. На сей раз конники не занимались подсечкой подпруг, а рубили плеча пехоту, уже обтекавшую клин.

Первым это оценил вождь черных клобуков. И раздался клич:

— Стрелы к бою!

Лук да стрелы были основным оружием степняков, потому что

легкие их сабли не могли прорубить тяжелую броню. Они вылетели на фланг атакующих хазар и засыпали их градом стрел.

Черные клобуки старались бить прицельно: в щели меж железными доспехами, в незащищенное лицо пехотинца, в ноги, в стигбы локтей... Вот этого хазары не ожидали. На какое-то мгновение натиск их прекратился, и Святослав уловил это мгновение.

— Мертвые срама не имут!.. — провозгласил он и первым врубился в ряды хазарского войска, ведя за собою дружины.

Прорвался бы великий князь к центру, разрезав хазарские ряды, или атака его захлебнулась бы в блеске и звоне хазарских мечей — не известно. Но тут опытный хан берендеев, не медля ни секунды, повел в атаку свою конницу на левый край хазарского войска. И сразу же, следуя его примеру, черные клобуки ринулись на правое крыло хазар, не просто осыпая их стрелами, но и тесня распаленными

битвой лошадьми.

И хазары начали медленно пятиться. Медленно, по полшага, опасливо оглядываясь на оба своих крыла. Их полководец пытался сообразить, что же собственно произошло и как вернуть столь удачное начало сражения.

— Бросай щиты! — крикнул

Святослав, первым бросив щит на землю. — Бегом вперед! Вперед!..

Не давайте им опомниться!..

Это был отработанный прием. В левой руке дружинника вместо щита оказывался кинжал. Отвлекая противника, закованного в броню, которая ограничивала видимость, быстрыми передвижениями...

дружинники ослепляли хазарских воинов блеском атакующего меча и всаживали кинжал в незащищенное место или в щель меж доспехами. И хазары продолжали пятиться, уже не выбирая время для контрудара, а спасая собственные жизни.

А с флангов продолжали теснить всадники хана берендеев и черных клобуков Ильдара. Места для

маневра уже не было, дружинники великого князя упорно рвались к центру хазарского войска, по закованным в броню телам струился пот и...

И первым дрогнули боярские дружины, так и не побывавшие в бою. Развернув коней, они помчались в тыл, ломая последние ряды собственных войск.

Паника в армии заразительнее чумы. Вослед боярам, спасавшим не только свои жизни, но и своих дружинников, бросились наутек мусульманские войска.

— К хану!.. — крикнул великий князь. — Пробивайтесь к ханской ставке!..

Хазарского хана задержали черные клобуки. Принудили поставить его паланкин. Старый, давно уже фактически не правящий хан лишь вышел.

Подошел еще распаленный боем Святослав. Прижав руку к сердцу, поклонился.

— Я не стану подвергать тебя позору как пленного вождя, —

сказал он. — При одном условии: ты немедленно, со всей своей охраной и свитой, выедешь в Итиль. Мне достаточно твоего ханского слова. Хан сдержал свое слово.

3

— Почему ты отпустил хазарского кагана, великий князь? — с неудовольствием спросил хан берендеев. — Мог бы потребовать выкуп...

— За что? — Святослав вздохнул. — Хазары ударились в панику, но паника проходит. За выкупом надо идти к Итилю, где нам дадут бой пришедшие в себя хазары в удобном для них месте. Вы получите щедрую награду здесь. Золото, женщин, рабов. Хазары сюда больше не сунутся, а перед нами их богатейшие города и подвластные княжества. Справим добрую тризну по погибшим, отдохнем и займемся ими. А пока — дозоры во все стороны. Убивать всех, кто

попытается удрать с этих земель.
— Зачем? — искренне удивился
Икмор. — Живут, ну и пусть живут.
— За предательский удар в спину
наказание одно: смерть. Ясы и
касоги ударили нам в спину, и я не
могу оставить их разгуливать по
привольным степям без расплаты.
После тризны — на охоту!
Тризна длилась три дня. Сожгли
своих погибших, бросив на
погребальный костер отрубленные
головы хазар, помянули,
поклонились праху, скромно
попировали сами. И на четвертом
рассвете выехали искать степняков,
кочующих в привольных кубанских
степях. С уже привычным
распоряжением великого князя:
— Не есть и не пить. Коней
напоить, чтоб им до вечера
хватило.
— Дозволь, великий князь, слово
молвить, — сказал Ильдар.
— Говори.
— Поручи это нам. Мне и хану
берендеев. Мы умеем воевать со
степными кочевниками, а твоя

дружина за ними не угонится.

— А мне что? Ждать, когда вы управитесь?

— А ты, великий князь, пока крепости хазарские обложи покрепче.

Святослав терпеть не мог советов, но тут согласился. Он выигрывал во времени, потому что отпадала необходимость гоняться за кочевниками. Только сказал:

— Посуровее.

Отправив в степи Ильдара с его черными клобуками и хана берендеев громить ясов и касогов, великий князь сразу же двинулся к Семендеру. Это была столица вассального княжества Хазарского каганата с небольшим войском.

Святослав быстро и почти без потерь взял ее штурмом, позволив вассальному князю вместе с семьей бежать в горы.

Это была милость, которую великий князь оказывал лишь тем крепостям, в которых не встречал серьезного сопротивления. Взяв богатую добычу во дворце вассального князя, он

тут же быстрыми маршами направился к хазарской крепости Семикара, запиравшей выход к побережью Черного моря.

За это время легкие подвижные лучники Ильдара, измотав в скоротечных налетах ясов, оттеснили их к восточному склону Кавказских гор, прижав к Каспийскому морю. Тяжелая конница берендеев вела успешные бои с упрямыми касогами. Те были и многочисленнее, и опытнее ясов, именно от их налетов берендеи и защищали степные подходы к Киевскому Великому княжению. Они знали способы нападений и защиты противника, но и касоги тоже хорошо знали, с кем имеют дело, и умело этим пользовались.

К этому времени Святослав появился перед хазарской крепостью Семикара, прикрывающей выход к Азовскому морю. Предложив гарнизону сдаться на милость и получив отказ, он тут же, сходу, повел свое немногочисленное войско на штурм.

Крепость великий князь взял «на копье», то есть штурмом, и никого не щадил. Остатки гарнизона были уничтожены полностью. Морозко умолил его пощадить мирное население, сорок голов ни в чем не повинных мужчин все-таки были зарезаны ради языческой тризны. За Семикаром располагались еще две крепости с малыми гарнизонами. Беглецы из взятого на копье Семикара настолько напугали их защитников, что никто более Святославу не сопротивлялся. — Ступайте в свою Хазарию и расскажите всем, что я навсегда отрезал каганат от Черного моря, — сказал он, отпуская гарнизоны. — Жители могут остаться, если принесут мне роту на верность. Жители так и сделали. Великий князь оставил в укрепленных пунктах своих легкораненых и пожилых дружинников. Так же поступил и Морозко. Именно эти оставленные дружинники и создали впоследствии Тмутараканское княжество на Руси.

Дорога в Крым с ее богатейшими византийскими владениями была распахнута настежь. Люди замерли в ужасе пред грядущим вторжением скифов, но Святослав не ворвался в Крым. Ссориться с Византией время еще не пришло, да и разгромить ее с этой стороны было невозможно. Вместо Крыма великий князь поднялся по Дону к хазарской крепости Саркел. Она защищала перевалочную базу хазарских товаров, предназначенных для торговли с западными странами через Византию. Взятие ее было куда важнее прорыва на ласковые крымские побережья. Крепость стояла на мысу, с трех сторон омываемом Доном, и казалась неприступной. С четвертой стороны были вырыты два глубоких рва. Крепостная стена была шестибашенной, а в самой цитадели виднелись еще две высокие башни. Но имелось все-таки слабое звено. Византийские строители ориентировали крепостную оборону на орды кочевников, и не помышляя

об угрозе со стороны Киевского княжества.

— Все башни смотрят в степь, — сказал Святослав, внимательно оглядев крепость с ближайшего пригорка.

Рядом с ним расположились Морозко и его отец. Дружины были надежно спрятаны.

— Если отвлечь внимание наблюдателей с детинца, можно незаметно прокрасться во рвы. И оттуда неожиданно ударить...

— Нет, великий князь, — решительно сказал старик. — Отвлекать внимание надо до той поры, пока твои самые ловкие дружинники не подберутся скрытно из рвов вплотную к стенам. Тогда их не увидят наблюдатели, и они смогут забросить крючья на стены и взобраться по веревкам наверх.

— Это ж сколько песен им надо спеть, да басен порассказать...

— Вот я и спою. Я знаю кое-кого из тех, кто уехал сюда на службу. Людей побереги, великий князь.

— Новых нарожают, — недовольно

буркнул Святослав, уже внутренне согласившись с предложением старика. — Моя дружина пойдет во рвы. А ты, Морозко, ударишь по воротам, если стариковским басням не поверят.

— А если поверят?

— Тогда бей по воротам, как только заметишь, что я уже на стенах.

— Понял. Пошли метальщиков ножей на стены, если вообще удастся кому-то подняться.

— Пошлю Радыпу, Икмора ни одна веревка не выдержит. Громоздок больно, — угрюмо сказал великий князь. — А что ты, отец моего побратима, ответишь, если спросят, как ты сюда забрел?

— Я в Мекку иду, — усмехнулся старик. — Совершить хадж перед смертью.

— Ну, коли решено, так за дело.

— Разошлись. Воеводы — к своим дружинам, а старик в балахоне с колокольчиком в руках незаметно перешел на дорогу, что шла от Хазарского каганата, и поплелся по ней к Саркелу.

И все замерло. Морозко подтянул свою дружину и надежно спрятал ее в заросшей кустами лощине.

Святослав загнал своих дружинников в камыши неподалеку от внешнего рва, а старик, позванивая колокольчиком, неспешно брел по пыльной дороге.

Неизвестно, что уж он там рассказывал страже, а только все защитники крепости жадно слушали его, высунувшись меж зубцов крепости и цитадели. Морозко внимательно наблюдал за ними, а великий князь тем временем переправлял своих дружинников под водой к мысу, огражденному рвами. Они по одному, по двое перебирались в эти рвы, накапливаясь под самыми стенами крепости.

Старик знал уйму историй и сказаний. Кроме того, он знал кое-кого из старослужащих, которые скопились над самыми воротами и порой вступали в разговор с дервишем.

Святослав перебрался во рвы в

первой десятке и тотчас же послал Сфенкла к стенам крепости во главе штурмующей команды. Вместе с ним пошли и метатели ножей под командой Радыпи. Остальные продолжали перебираться из воды во рвы, готовясь поддержать штурмовиков Сфенкла.

Метатели Радыпи тотчас же начали умело и точно забрасывать крючья меж зубцов крепостной стены.

Зацепив и проверив их, помогали тяжело вооруженным дружинникам Святослава подниматься на стены.

Наблюдатели могли заметить перебежки его дружинников со стороны детинца. Но они так увлеклись рассказными старика, что не замечали ничего.

Наверху скопилось уже достаточно воинов, чтобы перейти к решительным действиям. Осторожно передвигаясь, они бесшумно убивали зазевавшихся стражников, тут же быстро оттаскивая их тела в укрытые закоулки.

Настало время нацелить стихийно сложившийся штурм в управляемое

русло. Великий князь перебрался под стену, повелел привязать его к двум концам и поднять наверх. Не потому, что боялся взбираться по веревке, а потому, что берет силы для схваток, а тяжелая византийская броня наверняка отняла бы их при подъеме на собственных руках.

Едва взобравшись наверх и вступив за зубцы крепостной стены, Святослав выхватил меч и громко возвестил:

— Иду на вы!..

Поначалу все замерли, старик дервиш сразу замолчал и поплелся было дальше, но кто-то — то ли стражник у ворот, доселе с удовольствием слушавший его побасенки, то ли кто-то с башен цитадели — схватил лук и тут же послал стрелу ему в спину.

Остальные замерли, а с цитадели вдруг замахали белой тряпкой и закричали:

— Сдаемся!.. Сдаемся!.. Сдаемся на милость победителя!..

Святослав принял капитуляцию.

Однако, узнав о смерти отца своего побратима, повелел продать все население в рабство после того, как они сроят крепость до основания. На тризне он повелел зарезать всех защитников крепости, и на сей раз Морозко, потрясенный гибелью отца, промолчал.

Девять дней длилась тризна, девять дней закалывали хазарских воинов, девять дней лилась кровь, сопровождаемая дикими плясками дружинников. И над телом старого воина был возведен целый курган из отсеченных голов.

Потом наступили дни скорби, ухода за ранеными и почина брони и оружия. Раньше сорока дней по обычаю никто не мог покинуть последнее пристанище старого воина.

Через сорок дней великий князь повелел выступить на Киев. Позади дружин шел огромный обоз, который тащили лошади, ослы, верблюды и рабы. В нем были неисчислимые трофеи этого похода. Открытая с востока и ограбленная Хазария,

лишившись своей житницы в закубанских степях, перестала существовать как великое государство.

Девять дней праздновал Киев победы великого князя. На площади были круглые сутки накрыты столы, заваленные вареной и жареной дичиной, курами, лебедями, утками, журавлями. Стояли открытые бочки с медовухой всех видов, пивом всех сортов, квасом всех вкусов. Гулял народ киевский, шумно чествуя героев — дружинников, их командиров и, конечно же, великого князя Святослава Игоревича. И сам герой хвалы и славы ходил по киевским улицам и торговым площадям, не отказываясь пригубить чарку хмельного переваара. Погуляв так вместе с ближайшими друзьями два дня, он лишь на третий предстал перед великой княгиней Ольгой.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В покоях великой княгини был Свенельд. Святослав молча склонил голову то ли перед матерью, то ли перед отцом, то ли перед обоими правителями.

— Поздравляю с победой, сын, — сказала великая княгиня.

— До этого было поражение, — хмуро заметил Святослав.

— Какое же?

— Вятичи.

— Вспомнил!.. — рассмеялась

Ольга. — Ты был еще слишком юн для побед.

— Юность лишена мудрости. Что ранит ее, то и остается в ней навсегда.

Он вдруг замолчал, нахмурившись.

Потом твердо сказал:

— Передай новгородцам, великая княгиня, что я повелел им принять князем моего старшего сына Владимира, сына Малфриды.

— Он еще слишком юн...

— Я был младше его, когда пошел на вятичей.

Еще раз коротко поклонившись, Святослав вышел из палаты. Он полагал, что сказал свое слово. И великая княгиня более об этом не говорила, понимая, что поход на вятичей решен Святославом окончательно.

— Немедленно пошли гонца за Добрыней, — сказала Ольга Свенельду, едва за Святославом закрылась дверь. — Новгородцы очень своенравны.

Свенельд тут же отрядил гридня к князю Малу, а сам другим выходом прошел в дворцовые переходы, чтобы «неожиданно» столкнуться с великим князем Святославом. Так оно и вышло. Святослав почтительно поклонился первым, но спросил сурово:

— Почему ты, великий воевода, обманывал Морозко, утверждая, что его отец в плену?

— Его отец был человеком Неслыха, и я поступал так по его просьбе. Знаю, что он погиб. Передай Морозко мои соболезнования, великий князь.

— Я намерен примучить вятичей, — вдруг сказал Святослав. — Правда, ты вдолбил в мою голову, что победы никогда ничему не учат, но после них всегда снятся приятные сны.

— Значит, мы скоро согласно поднимем звонкие кубки победы, — улыбнулся Свенельд.

А Морозко категорически отказался идти с великим князем примучивать вятичей.

— Против своих меч не подниму. Святослав разозлился, но — сдержался, объяснив себе, что побратим все еще переживает гибель отца. Сказал только:

— Отдохни сам и дай отдохнуть дружине.

— Ты, великий князь, там не очень-то. Все-таки не хазары.

— Да, не хазары, — согласился Святослав.

И пошел на вятичей с одной своей дружиной. Вятичи сопротивлялись вяло, вскоре признав главенство Киевского Великого княжения.

Взяв с них умеренное полюдые — богатств хватало после хазарского похода, а самолюбие было удовлетворено, — Святослав вернулся в Киев. Но не во дворец великой княгини Ольги, а на старое стойбище под Киевом, где расположил и дружину.

На второй день великого князя позвали к охраняемым воротам. Его спрашивал сын Херсонесского наместника Калокир.

— Пропустить, — сказал Святослав. Прошли в шатер. Хазарянки уже не было,

Святослав ее кому-то передарил в походе, а к новым любовницам его не тянуло. Сели, и великий князь молча уставился на византийского вельможу.

— Византия предлагает тебе сорок пудов золота, если ты ворвешься в Болгарию.

— Я не воюю за золото. Я воюю за победу и добычу.

— Это тебе предлагает Византия, а не я, великий князь. Я предложу тебе в два раза больше, если ты

окажешь мне небольшую услугу.

— Повторяю, патриций Калокир. Я не воюю за золото.

— Услуга бесценна, великий князь. Не отказывайся, а я помогу тебе разгромить болгар, превратив их царство в твою собственность.

— Какова же эта услуга стоимостью в собственное царство?

— Трон Византии.

— Ты имеешь на него права?

— Византийское право — кто первым прыгнет выше всех и точно попадет в седло.

— А ты хорошо прыгаешь? — усмехнулся великий князь.

— Полагаю, что равных мне нет.

— Ну, так прыгай.

Калокир улыбнулся:

— Я хочу помочь прыгнуть тебе, великий князь. Боярская дума не даст своего согласия на южный поход, это — не Хазария.

Добровольцев ты сыщешь единицы. А Господин Великий Новгород поддержит решение Думы, потому что поход на юг прекратит веками отлаженную торговлю из варяг в

греки. Значит, тебе не обойтись без умелых наемников, которых ты купишь на мое золото. Калокир ударил точно, в самое болезненное место: у Византии всегда была превосходная разведка. Личная дружина Святослава понесла не только большие потери, но и распалась по возвращению из Хазарского похода. И не просто потому, что устала воевать, но и уstraшенная непонятной жестокостью своего вождя. Великий князь был с детства пронизан аскетической варяжской моралью, почему и отдал все хазарские трофеи киевлянам. А наемники были нужны. Без них нечего было и затевать этот поход. Просить он не умел. Но здесь просили его, и он, в конце концов, согласился взять золото ромеев. И нанял двадцать тысяч профессиональных воинов. Жадных и беспринципных ловцов удачи. А всего у него вместе с собственной дружиной и добровольцами из Новгорода и Киева оказалось шестьдесят тысяч хорошо

вооруженных дружинников.

2

Вечевая площадь Господина Великого Новгорода встретила нового князя оглушительным свистом, гоготом, ревом дудок, непонятными воплями и вполне понятными криками.

— Негодный князь!.. Прижитой!..

— Не желаем приبلудка!..

— Долой!..

— Пусть законного пришлют!..

Владимир стоял на возвышении перед входом в Совет «золотых поясов», истинных владык вольного города. А посадником как раз перед его приездом выбрали молодого, а потому пока непризнанного новгородской толпой правителя. И владыка стоял здесь же, напрасно потрясая крестом.

Владимир не потерял присутствия духа. Он был на редкость волевым юношей, умел держать себя в руках и знал, когда надо улыбнуться, а когда — показать когти. Сейчас

настало время когтей.

— Утихомирь их, уйко Добрыня.
Добрыня, доселе стоявший за его плечом, неторопливо спустился по ступеням на площадь и столь же неторопливо пошел на толпу. И она сразу же расступилась перед ним, а он, не обращая на это внимания, шел и шел к центру, где сосредоточились самые горластые. Девятерых убил сразу — знал такие удары, — а еще четырех бросил в Волхов, где один утоп, а трех кое-как вытащили. И столь же невозмутимо вернулся обратно на свое место за плечом князя Владимира. Площадь примолкла.
— Вольные новгородцы, я счастлив, что приглашен на княжение в ваш великий город. — Владимир сознательно говорил негромко, но его слышали все, потому что стояла мертвая тишина. — Я не посягну на ваши вольности, моя работа — ратный труд по охране ваших рубежей и вашего спокойствия. Клянусь исполнять его, не щадя ни сил, ни своей жизни.

Площадь радостно взревела, вознося хвалу новому Новгородскому князю. Владимир низко им поклонился и в сопровождении посадника удалился в Совет «золотых поясов».

— Вот видишь, князь, все и обошлось. Наши молодцы любят пошуметь...

— Половина этих молодцев имеет братьев в новгородских дружинах, — резко сказал Владимир. — И я не знаю, кто и когда ударит мне в спину. Мне нужна личная дружина, которую я наберу из датчан, шведов, финнов и прусов.

Оплачивать ее будет казна Великого Новгорода. Думайте хоть до утра, но если откажете, я отъеду в Киев и расскажу отцу, великому князю Святославу, почему я вернулся. Думайте, спорьте, хоть деритесь, но, если не решите так, как мною сказано, с зарею я покину ваш буйный город.

И вышел.

Уже через час он получит согласие Совета «золотых поясов».

Единственная их просьба

заклучалась в том, чтобы он отложил отъезд на три дня. Владимир согласился.

3

Если бы не свидание с Калокиром, судьба России сложилась бы по-иному. Святослав шел бы до порогов Днепра, чтобы кратчайшим путем выйти к Дунаю. Что там случилось бы, можно только предполагать, но великий князь имел много шансов расстаться с жизнью. Однако искатели кровавого счастья мечтали как можно скорее и проще дорваться до безнаказанного грабежа и разбоя. Князь не терпел никаких шепотков за своей спиной и повелел Сфенклу жестко прекратить их. Верный друг детства сурово заставил всех замолчать, но предупредил великого князя, что придавленный ропот всегда опаснее громкого несогласия.

— Наемники злопамятны, а нам предстоят нелегкие сражения.

— А куда они рвутся?

— На Карпаты. В долинах множество мелких княжеств и много добра, женщин и золота. А, пограбив их, свернуть в Болгарские земли.

Святослав помолчал, размышляя.

— Ты прав, нам предстоят нелегкие битвы, и получить неожиданный удар в спину мне не хотелось бы. Но я вспомнил поход на Византию великого князя Игоря. Он шел по Днепру, и ромеи сожгли все его корабли греческим огнем.

— Ты считаешь...

— Я считаю это плохой приметой. А потому сверну на Днестр. На его берегах тоже достаточно мелких княжеств и поселений.

— Сказать им об этом?

— Скажи. Завтра.

Сфенкл сказал, и вместо несогласного ропота на лицах наемников расцвели улыбки.

Великий князь и впрямь свернул на Днестр, не доходя до Днепровских порогов. Но не потому, что верил в плохие приметы, а потому, что не доверял ромеям, а значит, и

Калокиру. Он вообще никому не доверял, разве только друзьям детства и — Морозко. Но Морозко остался в Киеве...

Пограбить богатое Приднестровье не удалось просто потому, что оно уже было ограблено оторвавшейся от Восточной большой печенежской орды малой ордой. Солдаты удачи потребовали было от Святослава немедленного уничтожения этих неожиданных конкурентов, но водивший орду печенежский хан первым пришел к великому князю и положил к его ногам лук и колчан со стрелами.

— У тебя нет конного войска, великий киевский князь, — сказал печенег. — Готов служить тебе верно и преданно своими саблями, стрелами и копытами моих скакунов. Болгария — равнинная страна. К тому времени Святослав уже досадовал, что поторопился и пошел с одной пехотой. Уже хотел послать либо за берендеями, либо за ханом черных клобуков Ильдаром. Но пока они подойдут...

Он поднял колени преклоненного печенежского хана.

— Прими мою благодарность, хан.

— Я и мои люди исполнят любое твое повеление, великий князь.

— Твои конники будут прикрывать мои крылья при атаке, и...

приглядывать за моей наемной пехотой. Они порою ведут себя неразумно.

— Я понял свою задачу, великий князь. И крылья прикрою, и за наемниками присмотрю.

— Еще раз благодарю, хан.

Спустившись по Днестру, великий князь берегом моря провел свои войска к устью Дуная, поднялся по нему и вторгся в пределы

Болгарского царства. Болгарский царь Петр, поспешно собрав войска, бросил против него

тридцатитысячный корпус, усиленный легкой и тяжелой конницей.

Это была жестокая битва. Святослав выстроил свои войска многоярусным клином и первым атаковал болгар.

Не ожидавшие атаки по сути с марша, уцелевшие болгары бежали и

заперлись в сильной крепости Доростол.

Узнав о поражении, царь Петр внезапно умер. Говорили, что от огорчения, но Святослав знал и об отличной разведке византийцев, и о действии византийских ядов.

Разгромив болгар на Дунае, он поздней осенью с богатой добычей вернулся в Киев.

В своем стольном городе великий князь, как обычно, щедро поделился добычей с киевлянами и, не распуская дружины, расположился в своем укрепленном стойбище южнее Киева.

На второй день по приезде он навестил мать, великую княгиню Ольгу. Справился о здоровье своих малых детей и сказал, что вместе с дружиной перезимует в своем стойбище, куда без особой надобности никому появляться не следует. Это очень обидело великую княгиню, но недаром народная молва звала ее мудрой. Она и виду не подавала, что задета этим решением, и ничто не омрачило зимнего отдыха

князя Святослава.

А едва повеяло весной, как он с отдохнувшей дружиной вновь погрузился на ладьи и двинулся на юг. В недобитую Болгарию.

4

Зимы в Болгарии иные, нежели на Руси. Они не затрудняют ни привычной жизни, ни боевых действий, а уж тем паче дипломатических. И первое, что сделал император Византии Никифор Фока, был мир с Болгарией.

— Скажите болгарам, что я признаю свою грубую ошибку и прошу меня простить за нее, — напутствовал он своих послов. — Византийцы и болгары веруют во единого Господа Бога, и нам необходимо объединить наши силы, чтобы жить в дружбе и любви, и совместно дать отпор язычникам киевлянам.

А в частной беседе велел сказать, что в подтверждение братского союза двух христианских народов он

просит болгар прислать в Византию невест для сынов бывшего императора Романа из добрых духом и знатных родом болгарских семей. Болгары ухватились за это предложение. Они ничего не теряли от этого союза, а полуразгромленные войска их могли воспрянуть духом, обрести новые силы и дать отпор русским захватчикам.

— Нет, нет, не отпор, — остановил порыв византийский император. — Сначала — византийская политика, а только потом — военные действия. Никифор Фока имел в виду военные действия, прежде всего, болгарских вооруженных сил. В этом и заключалась основная суть византийской политики: загребать жар чужими руками.

— Мы обескровлены, — осторожно возразили болгары. — А у киевского князя Святослава шестидесятитысячное войско.

— Зачем же тратить наши общие союзные силы? — усмехнулся император. — У Византии есть

обычай с пользой тратить запасы византийского золота. Передайте восточной печенежской орде, что мы готовы заплатить им чистым золотом за набег на Киев. И подчеркните при этом, что князь Святослав Киевский увел всю свою армию на Балканы.

В этом и заключался основной план византийского императора.

Часть третья

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Ни великий князь Святослав Игоревич, ни люди Неслыха ничего не знали об этом роковом для Киева решении высоких договаривающихся сторон. Выдвинутые из Киева дозоры были внезапно сражены стрелами, и перед глазами пораженных киевлян оказалась густая масса гикающих всадников.

А киевская дружина воеводы Претича стояла за Днепром именно в расчете на донесения этих дозоров. И оказалась отрезанной от Киева, в котором затворилась великая княгиня Ольга с малолетними внуками и малой дворцовой охраной. Печенеги умело отрезали стольный град от всех дорог и воды. В Киеве началась жажда и голод, и если голод еще можно было терпеть, то жажда вскоре стала невыносимой. А Претич ни о чем не ведал. Он послал гонцов к Святославу и терпеливо ждал его помощи. И напрасно, потому что печенеги перехватили всех его гонцов. О том, что творится в Киеве, он не знал и был убежден, что его крепостные стены выдержат натиск печенегов, пока не подойдет помощь.

Киевляне терпели, пока не было хлеба, но была хоть какая-то вода, а с нею и надежда. Но когда началась жажда, пошел ропот. — Бросили нас издыхать... За Претичем посылать надобно! За

дружиной княжеской...

К великой княгине Ольге обратился ее личный слуга, христианин Глеб. Ее грешный сын знать не знал и ведать не ведал, что он — младший сын великой княгини и сводный брат великого князя Святослава.

— Дозволь, великая княгиня, к воеводе Претичу добраться.

— Он же печенегами отрезан.

— Я говорю на их языке, великая княгиня, меня отец научил.

Проберусь.

— Печенеги злы и недоверчивы, — в смятении сказала великая княгиня Ольга. — Они поймут тебя и подвергнут пыткам...

— Я уздечку возьму, будто коня ищу. И никто на меня и внимания не обратит, великая княгиня. Дозволь послужить тебе и народу киевскому. Умолил он не матушку свою, а великую киевскую княгиню Ольгу. Как ни страшно ей было за сына, но за неповинно страдающий народ Киева было еще страшнее. Ведь она отвечала за его страдания не только перед властью, но и перед

Богом. И лишь торжественно осенила
Глеба широким крестом.

— Да хранит тебя Господь.

Глеб бросился в воду и быстро
поплыл к берегу, на котором стояли
печенегы. Они что-то кричали ему,
он отвечал, показывал уздечку, и
его не тронули. Даже на берег
помогли вылезти.

Он бродил там, показывая уздечку и
расспрашивая, не видел ли кто его
коня. Так он пересек перешеек и
вышел на берег Днепра, где,
оставив уздечку, бросился в воду и
поплыл по течению к тому месту,
где стоял Претич со своею
дружиной. Печенегы закричали,
сбежались на берег, кто-то начал
стрелять из лука, но Глеб был уже
далеко.

Навстречу ему выехал в лодке сам
воевода Претич. Помог влезть в
лодку, спросил:

— В Киеве совсем худо?

— Совсем. Жажда измучила и голод.
Горожане требуют сдать город.

— Скажешь печенегам, что Киев
получил весточку от великого князя

Святослава. И что сюда идет сам великий князь со всей дружиной.

— Не поверят.

— Поверят! — усмехнулся Претич. —

Люди Неслыха мне двух перебежчиков-печенегов доставили. Там тоже смута растет.

И смело направил лодку к берегу, на котором расположились печенеги. Подплыл, спокойно высадился на берег. Сказал:

— Мне нужен хан орды. Быстро, а то, боюсь, поздно для вас будет.

— Я вожу орду, — сказал немолодой кряжистый печенег.

— Отрок из Киева известие доставил, хан. Идет сюда великий князь Святослав Игоревич с дружиной. Верно ли я сказал, Глеб?

— Верно, — ответил Глеб. — Идет, чтобы покарать вас. Коши ваши разрушит, женщин и детей в рабство уведет.

Хан тяжело вздохнул, горестно покачав косматой седой головой.

— Помоги, воевода. Не своей волей я сюда пришел, но своей волей уйду отсюда. Помоги безвинных жен и

детей спасти.

— Будь мне братом, — сказал Претич, подавая хану руку.

Хан положил к ногам Претича саблю, лук и колчан со стрелами.

— И коня моего возьми, брат, — сказал он. — Добрый конь равен доброму мечу.

Претич отдал ему меч и щит. Они обнялись и трижды поцеловались.

2

Едва слухи о нападении печенегов на Киев достигли Святослава, он тут же вернулся с дружиной в Киев. Поступил он так совсем не потому, что пожалел киевлян и свою мать великую княгиню Ольгу. Он пришел в Киев, чтобы решить судьбу своих детей. До всего остального ему решительно не было никакого дела. Он завоевывал себе собственное государство на Дунае по примеру наиболее удачливых варяжских конунгов недавнего прошлого, но вначале следовало устроить судьбу

детей. Старший, Владимир, был в Новгороде, но Ярополк и Олег еще оставались в Киевском дворце.

Киев встретил его не ревом крепостных труб, но ропотом киевлян. Мужчины еще осторожничали, а женщины кричали прямо в лицо.

— От своей земли отрекся, князь!.. Или чужую где нашел?

— Нас чудом печенеги не взяли вместе с матерью твоей и детьми малыми!..

— Не жаль тебе отчизны своей!.. Великий князь молча прошел во дворец.

Мать, с трудом опираясь на ближних боярынь, поднялась ему навстречу.

— Сын мой, ты спас наш народ и меня, твою грешную мать...

— Я спасал своих детей, а не тебя, — резко сказал Святослав. — И повелеваю посадить Ярополка князем в Киеве, а Олега князем древлян.

— Не гневайся, великий князь, что перебиваю тебя, — сказал Свенельд. — Но у тебя есть еще

один сын. Владимир.

— Ты запомнил, воевода, что Владимир в Новгороде.

— Прости, сын, — вдруг еле слышно сказала Ольга. — Мне худо, я полежать должна.

— Я обожду. Эй, кто там! Помогите великой княгине.

Свенельд вместе с ближними боярынями увели великую княгиню в ее покои. А к Святославу неслышно подошел Неслых.

— Во время твоего Хазарского похода ты повелел мне проверить, не завелись ли черви в Киеве, — тихо сказал он. — Я проверил.

— Я помню свое повеление.

— Во время печенежской осады к Претичу прорвался личный слуга великой княгини именем Глеб. Он христианин. Мои люди присутствовали при его разговоре с печенегами.

Неслых неожиданно замолчал.

— Ну?..

— Он не говорит на печенежском языке. Он говорил с ними на языке хазарском.

Вышел Свенельд. Осунувшийся, потемневший. Сказал:

— Великой княгине худо, князь Святослав. Очень.

— Я поведал ей еще не все свои повеления, воевода. Так что либо проведи меня в ее покои, либо приведи ее сюда.

— Ей худо...

— Я сказал.

Свенельд вышел. Через некоторое время вернулся вместе с великой княгиней. Ее поддерживали ближние боярыни и отрок Глеб.

— Это что еще за поводырь? — строго спросил Святослав. — В мою дружину его.

— Не отнимай его у меня... — взмолилась княгиня Ольга.

— Я сказал, мать. Пора приучать его к запаху крови и вкусу смерти. Увести.

Всегда — в дни боев и в дни мира — стоявший за левым плечом великого князя Сфенкл шагнул вперед и положил руку на плечо Глеба.

— Умоляю, сын мой... — еле слышно прошептала княгиня Ольга.

Но Сфенкл уже увел христианского отрока из тронной палаты Большого великокняжеского дворца. Княгиня Ольга повисла на руках ближних боярынь, губы ее что-то шептали, но все перекрыл грубый голос Святослава.

— Я навсегда уйду из Киева. Отныне моей столицей будет Переяславец на Дунае. Он есть середина моих земель. Туда сходится все добро: от греков — золото, паволоки, вина. От чехов и венгров — серебро и кони. От Руси — меха, воск, мед и рабы. Твоя дружина, воевода Свенельд, должна нагнать меня не позже, чем через сорок дней.

И вышел из дворцовой палаты, так ни разу и не оглянувшись на мать. — Он погубит Русь... — еле слышно прошептала великая княгиня, оседающая на руках Свенельда. — Наш сын погубит Русь...

— Лекаря!.. — закричал Свенельд. Но было уже поздно. Великая Киевская княгиня Ольга, королева русов, лежала мертвой на его

руках.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Новгородский князь Владимир не мог править в самом дерзком и вольном из всех городов тогдашней Руси так, как желал. Пока был жив великий князь Святослав и его законные сыновья, он не чувствовал себя в безопасности. Необходимо было на время исчезнуть и затаиться. Он решил так и сделать. Прямо завтра.

Только ночью его разбудили.

Тихо-тихо. Неслышно разбудили.

— Спокойно, княжич, мы не собираемся тебя убивать. Надо просто потолковать по душам, чтобы понять, как нам дальше действовать совместно с тобой.

Владимир промолчал, понимая, что любой его крик повлечет за собой гибель. Только кивнул головой.

— Я — Неслых, сын боярина Берсеня.

Был определен на службу к великой княгине Ольге, которая поручила мне тайно охранять великого князя Святослава. Я честно и преданно исполнял свой долг, пока не убедился, что Святослав мечтает создать свое княжество и что на пути к этому он не щадит ни женщин, ни детей. Тогда я связался с твоим дедом, великим воеводой Свенельдом. Он повелел мне охранять тебя, и вот я здесь.

— От кого охранять?

— Святослав намерен разделить Киевское Великое княжение меж своими сыновьями. Поэтому он и отправил тебя в Господин Великий Новгород, где ты всего лишь служилый князь, пока Совет не решит, что тебе пора уходить. Вряд ли тебе понравится судьба князя изгоя?

— Откуда ты знаешь, сын Берсеня, что великий князь не даст мне удела?

— Ему не нужна сильная Русь. Удобнее разделить ее на уделы.

— И наследные княжичи начнут

драться меж собой за великокняжеский престол, — сказал Владимир только для того, чтобы выиграть время.

— И за спиной Святослава окажется разоренная земля, способная лишь поставлять ему рабов, — вздохнул Неслых. — Это слова самого Святослава. Твой дед, великий воевода Свенельд, и послал нас к тебе. Мы скакали день и ночь, чтобы предупредить.

— Я решил уехать, — сказал Владимир, все еще не очень-то доверяя неслышной службе гостей. — Сказал Совету господ, что еду нанимать собственную дружину. Из шведов, финнов, норвегов.

— И они обещали тебе, князь Владимир, оплатить эту дружину. Неслых не спрашивал. Он утверждал. Владимир понял, что тайный гонец все знает, что его люди опутали всю Киевскую Русь. И все-таки: что из этого всего следует.

— Со мной едет мой уйко Добрыня.

— Поезжай непременно, но я все же дам тебе двух своих людей.

— Помочь мне нанять дружину?
— Нет. Сохранить твою жизнь,
князь. Первый удар сынов
Святослава будет нанесен по тебе.
— Но я же буду за рубежами...
— Для золота нет рубежей, великий
князь.
— Я всего лишь приглашенный на
службу князь Великого Новгорода.
— Это — сегодня. А послезавтра я
поздравлю тебя с Великим Киевским
престолом.

2

Великий князь Святослав, будучи
воистину одним из крупнейших
полководцев того бурного времени,
похоже, не обладал способностью
просчитывать последствия своих
шагов, а может быть, пренебрегал
ими. Обольщенный легкими победами,
он недооценивал способностей своих
противников, которыми к тому же
двигала любовь к родине. Святослав
практически до сей поры не вкусил
горьких плодов поражений, а

победы, как известно, ничему не учат.

Пока он устраивал семейные дела в Киеве, в далекой Византии свершился государственный переворот. Старый, а потому и нерешительный император Никифор Фока был отравлен своей супругой Феофано и ее любовником Иоанном Цимисхием.

Армянин Цимисхий ростом был ниже среднего. Это, правда, не мешало ему стать искусным воином, сильным и необычайно ловким. В прыжках, игре с мячом и стрельбе из лука он превосходил многих. Поставив рядом четырех коней, он прыгал, делая переворот в полете, и садился в седло последнего коня. А стоя на крупе скачущего коня, попадал стрелой в отверстие кольца.

Он был любимцем армии. В нем видели своего маленького богатыря, равного им по происхождению. И армия стала первой, кто поддержал государственный переворот.

Новый император и полководец первым делом заключил военный союз

с Болгарией. Обрадованные болгары заняли все города и крепости, которые захватил Святослав. В том числе и Переяславец-на-Дунае, который великий князь определил столицей своего государства. А Цимисхий тем временем отзывал из Месопотамии войска и преобразовывал свою кавалерию в регулярную, имеющую отличное вооружение и броневую защиту. Этим он сковал степную конницу Святослава, способную на быстрые удары, но не умеющую вести развернутых и длительных конных сражений.

Если великий князь Святослав был непревзойденным тактиком, то Цимисхий прекрасно разбирался в стратегии. И, в конце концов, навязал захватчикам русам маневренную войну.

Святослав, как Цимисхий и предполагал, бросился отвоевывать болгарские города по Дунаю. Всю эту территорию он называл собственным княжеством, во имя чего и посадил своих сынов на

княжение в русских городах.

Болгары дрались отважно и гибли сотнями, надеясь, что вот-вот придет помощь из Византии, потому что больше надеяться было не на что.

Тогда Святослав для устрашения болгар прибег к широкому захвату заложников. Набирал среди известных и богатых семей женщин и детей и предупреждал, что будет казнить их на глазах осажденных, пока те не сдадутся. И действительно прилюдно казнил, отрубая головы. Свыше трехсот женщин и детей было обезглавлено воинами Святослава, но болгары не желали сдаваться. Жертвуя своими крепостями, они выигрывали время для Византии.

От этого жертвенного сопротивления великий князь, не в силах понять причины его, зверел все больше и больше. Тысячи ни в чем не повинных женщин и детей были отправлены на тот свет в жесточайших муках и без всякой вины.

3

В это время воевода Свенельд сплавлял по Днепру из Киева свою дружину. Сам он двигался на отдельном струге, один, только с гребцами и кормчим. И никто не мешал ему безмолвно и без единой слезинки оплакивать свою единственную любовь.

А ведь он любил свою жену. Она родила ему детей, оказалась прекрасной хозяйкой, но...

Но самая первая, еще детская любовь оказалась сильнее. Королева русов затмила собою все, снилась в мучительных юных снах, а смех ее навеки поселился в его душе. Это ради нее он нырял в омуты за самыми красивыми белыми кувшинками, из которых делал ожерелья для своей королевы. Только теперь, похоронив Ольгу, он всею душой своею познал, как бездонно любил ее. Какую оглушительную пустоту почувствовал

в душе своей, когда собственными руками закрыл ее необыкновенные синие глаза.

Свенельд, разыскав робкого маленького священника, похоронил ее по христианскому обряду у подножия Киевского холма, на котором впоследствии князь Владимир, которого она всегда считала своим внуком, заложил Десятинную церковь.

И большего он сделать не мог. Нет, неправда, мог. И обязан был сделать. Свенельд был и оставался язычником, а значит, должен был мстить. Да и последние слова, которые он расслышал, были не о их любви, не о нем, а о Руси.

Королева русов до последнего мгновения жизни своей оставалась Королевой.

«Он погубит Русь...»

Эти последние ее слова звучали в его душе, не смолкая ни на мгновение.

«Он погубит Русь...»

Погубит то, за что щедро заплачено голодом селян и кровью

дружинников. Муки женщин,
безвинная гибель детей и
беззащитных стариков... За это
издревле полагалось одно:
«Повинен смерти».

Но преступник был зачат в
счастливой любви и счастливом
согласии. Да, Киевскому Великому
княжению требовался достойный
наследник, но этот наследник любил
сражения более собственной жизни,
он и жил-то ради битв, криков
раненых и стонов умирающих. Он
отказался от родного гнезда,
устеленного светлыми душами
погибших с честью и славой.
Значит, повинен смерти...

Свенельда вдруг охватило
нетерпение. Оставив далеко позади
медленно плывущие и застревающие
на каждом перекате насады с
дружиной, он повелел гребцам
своего струга грести день и ночь
безостановочно. А порою и сам
садился за весла, чтобы дать
отдохнуть тем, кто окончательно
выбился из сил.

Достигнув порогов значительно

раньше, чем перегруженные
неуклюжие насады, спрыгнул на
камни и, оставив гребцов,
перебрался на левый берег Днепра.
— К бою, — шепнул кто-то из-за
камней.

— Я — воевода Свенельд, — громко
сказал он. — Иду с миром. Один.
— Батюшка мой!

Он узнал голос: кричал Руслан. И
сказал:

— Здравствуй, сын.

Руслан бросился к нему, припал к
груди. За ним стоял молодой
печенег. Свенельд улыбнулся:

— Куря?

Хан печенегов молча преклонил
колени.

— Здрав буди во веки веков,
великий воевода, побратим моего
отца и мой названный отец.

Обнял, поднял с колен. Куря
почтительно поцеловал великого
воеводу в плечо. И представил:

— А это княжич Бориська. Мой
родственник, я за него свою
младшую сестру выдал.

— Ты как здесь оказался, княжич?

— Князь Святослав продал меня в рабство. Жду, чтобы посчитаться.
— Вот и я за тем же пришел к вам, — вздохнул Свенельд. — Великий князь Святослав, ослепленный блеском мечей, отрекся от Руси... — Из-за этого... — он с трудом проглотил подкативший к горлу комок, — умерла великая княгиня Ольга...

И замолчал, почувствовав, что сейчас может задрожать голос.
— Что значит — отрекся от Руси? — негромко спросил Руслан.

— Он сказал, что столица его княжества будет отныне в Болгарии, а Русь станет поставлять для него мед и рабов. Это и убило великую княгиню.

— И это на него похоже, — усмехнулся княжич Бориська.
— Он убил ее и знал, что убивает. А мне повелел привести к нему все киевские дружины...

Пока шел невеселый рассказ, хан Куря распорядился заколоть и разделать молочного жеребенка. Справили невеселую тризну по

великой княгине Ольге, поднимая чаши с айраном, а на прощанье Свенельд жестко сказал:

— Повинному — смерть. И ждать ее он будет здесь. Вы — мечи его судьбы.

— Меч один, — угрюмо сказал княжич Бориська. — Мой меч.

— А голова — моя!.. — неожиданно выкрикнул печенежский хан Куря.

— Вот и славно, — у Свенельда чуть дрогнули седые усы. — Надеюсь на вас, очень надеюсь, сыны мои.

Помолчал немного. Добавил:

— Дружине моей не надо вас видеть. Много глаз — много слухов. Я проведу ее на Дунай через Днестр. Прощайте, витязи.

4

Свенельд провел свою дружину сразу на Днестр, минуя пороги. Не следовало показывать места, куда, в конце концов, откатится Святослав после разгрома всех своих объединенных сил. А что

разгром неминуем, Свенельд не сомневался. Силы Византии были неисчислимы.

Первый вопрос, который он задал великому князю, был для того неожиданным:

— По твоему повелению, князь Святослав, был взят гридень из окружения великой княгини.

Христианин Глеб. Жив ли он?

— Он оказался никудышным воином, и я оставил его при себе. Передает мои повеления, чистит мои доспехи. Завтра ты его увидишь. Я послал его в обоз, чтобы он привел всех крепких мужиков.

Воины Свенельда были опытными и дружными, и Святославу стало немного легче. На военном совете было решено прорываться к Доростолу и срочно копать рвы, чтобы сорвать штурм греков.

Прорываться не пришлось. Цимисхий обрадовался, поняв, куда рвется Святослав. В мышеловку.

О возможной осаде армии Цимисхия никто не подумал — ни решительно безрассудный великий князь, ни

опытнейший и все оценивший полководец Свенельд.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

А Цимисхий неторопливо, продуманно стягивал войска в один кулак. Он прекрасно представлял себе опыт, сплоченность и выучку, как дружин Великого Киевского князя, так и знаменитого Свенельда и не хотел рисковать понапрасну. Перед ним стояла благородная задача полностью разгромить захватчиков, ворвавшихся в его страну. Разгромить и навсегда выбросить их за пределы Византии. Ценой больших жертв Иоанн Цимисхий через горные перевалы прорвался к Преславе — столице Болгарского царства. Здесь содержался плененный Святославом болгарский царь Борис с женой и детьми, за которыми приглядывал оставленный для этого Калокир. Была жестокая

сеча, но, в конце концов, византийцы ворвались в город, а оставшиеся в живых русские воины заперлись в кремле. Калокиру каким-то чудом удалось выскользнуть вместе с Глебом, и они ускакали в Доростол к Святославу.

Цимисхий двинулся к Доростолу, по дороге освобождая города, захваченные Святославом. Великий князь вывел навстречу все свои силы. В тяжелой и затяжной битве греки оттеснили русские войска за стены Доростола. Византийский император ринулся на приступ, но, получив отпор, сразу же отошел, предпочитая обождать, когда подойдут его огнеметные суда. Вскоре суда подошли, но Святослав не стал ожидать их атаки. Он велел убрать свои лодки поближе к городу и вышел из крепости со всеми своими силами.

Бой был не на жизнь, а на смерть. Казалось, победа уже склонялась на сторону русских войск, когда один из греков пронзил копьем Сфенкла.

И Святослав, повелев взять тело погибшего друга детства, приказал отступить и запереться в крепости. Он чувствовал в душе полное опустошение. Погиб не только друг его детства, не только верный помощник, ближайший советник, как в жизни, так и в сражениях, погибло нечто в нем самом, и он понимал, что отныне никогда уже не станет прежним.

— Сорок голов. Ровно сорок голов требует тризна по другу нашему Сфенклу.

— Великий князь, мы — в осажденной крепости, — осторожно напомнил Свенельд. — Где же здесь нам взять сорок голов?

— Жители. Пленные. Тяжелораненые.

— Это...

— Это повеление! — бешено выкрикнул Святослав.

Свенельд замолчал и вышел. И сразу же вошел непривычно тихий Икмор.

— Погиб мой брат... — сказал он.

— Я тоже считал его братом, — тускло отвечивал великий князь. — Будут похороны варяга,

тризна и сорок голов.

— Ты повелел Сфенклу взять из дворца великой княгини отрока Глеба, великий князь. Он исполнил твое поручение, но привязался к нему, как к сыну.

— Говори, что хотел сказать.

Бродишь вокруг да около.

— Не убивай Глеба, великий князь. Не огорчай душу Сфенкла на блаженных полях охоты.

— Я недосчитаюсь сорока голов.

— Возьми мою.

Святослав усмехнулся.

— Ты — верный друг, Икмор. Я не трону христианского отрока в память о нашем брате. Мы вместе с воеводой Свенельдом подожжем погребальный костер. Ступай.

— Прими мою благодарность, великий князь.

Икмор поклонился и вышел.

Сражения в тот скорбный день не было. То ли Цимисхий знал о тризне, то ли поджидал прибытия огнеметного флота.

В центре спущенного в Дунай плота в парадной одежде, щедро убранной

драгоценностями, лежало тело Сфенкла. Под правой рукой находился боевой меч, за дорогим поясом боевой кинжал. Весь он был усыпан листьями камыша, поверх положен сухой хворост и сорок отрубленных голов. Женских, детских, мужских.

На берегу строгой стеной стояли дружинники. Впереди — великий князь Святослав, воевода Свенельд, отрок Глеб и Икмор. После длительного молчания им подали зажженные факелы. И они одновременно подожгли сухой хворост, а воины, подняв над головами мечи, хором крикнули: — Счастливой охоты, брат!.. И горящий плот, чуть покачиваясь на волнах, медленно поплыл по Дунаю.

2

— Как думаешь, воевода, греки пойдут завтра на притступ?

— Пойдут, князь Святослав, —

уверенно сказал Свенельд. — Они видели тризну, знают, что погибла твоя правая рука, и постараются смять нас и отбросить в крепость. Обложат и будут ждать, когда подойдут их огнеметные корабли. Святослав долго размышлял, строго сдвинув брови у переносицы. Потом сказал:

— Ярость моя безгранична. Я брошусь на них, проломлю проход, и ты через него уйдешь. Греки вряд ли поймут, что ты выходишь из битвы, а потому и не бросятся за тобой. Ты уведешь свою дружину в Киев, иначе греки опять натравят на киевлян печенегов.

— А ты?

— Я продержусь до вечера и запрусь в Доростоле. И вступлю с Цимисхием в переговоры.

— Я не могу оставить тебя.

— Это повеление, отец.

Святослав встал и в первый и единственный раз в жизни крепко обнял Свенельда. Несколько оторопевший воевода пошел было к выходу, но остановился. Подумал,

склонив голову, точно собираясь с мыслями, оглянулся на великого князя и решился:

— Отходи через Днепровские пороги.

— Полагаешь, проще?

— Я не доверяю ромеям.

— Согласен. Ступай.

Свенельд быстро вышел.

На заре великий князь вывел из Доростола все дружины, подкрепленные обозниками и оружейниками, которых привел Глеб. Увидев выстроенные для битвы ряды дружинников, Цимисхий приказал выставить против них все наличные силы. Две рати стояли друг перед другом, замерев в строгих порядках.

— Соратники мои, постоем же за землю русскую! — громко крикнул Святослав, высоко подняв меч над головою. — Мертвые сраму не имут!..

— Мертвые сраму не имут!.. — громко откликнулись все дружинники.

Святослав первым начал стремительную атаку. Но не по

центру, а по правому крылу противника, стремясь пробить брешь для дружины Свенельда.

Впереди яростно сражался Икмор. Он мстил за гибель брата, и сила его казалась неодолимой. Греки расступались перед впавшим в неистовство богатырем, а он шел и шел вперед, отвлекая их силы на себя, чтобы облегчить прорыв киевским дружинам.

И эти дружины во главе со Свенельдом ударили по грекам. Не ожидавшие этого и отвлеченные решимостью Икмора, греки вяло сопротивлялись его атаке. Свенельд пробил брешь и, уже без оглядки, помчался вдоль берега Дуная. Полагая, что дружина Свенельда намеревается ударить по его войскам с тыла, Цимисхий оттянул свою бронированную конницу в тыл. А когда сообразил, что Свенельд уходит из битвы, было уже поздно. Святослав ломил через центр, следовало, прежде всего, отбить его атаку, и греческий полководец принял удар.

Битва была скоротечной, потому что вдруг рухнул Икмор. Доселе он, мстя за гибель брата, неистово прорывался через центр, и греческие воины падали один за другим. И неожиданно упал сам. Святослав приказал вытащить его из свалки, лично повел атаку, но... Икмор был уже мертв.

Русы тут же отступили и заперлись в крепости. И Цимисхий прекратил сражение.

Ночью русы развели перед стенами огромный костер. Цимисхий понимал, что они справляют тризну по богатырю, и не мешал. Он вообще уважал традиции противника.

— Сорок голов, — повелел великий князь.

И сорок голов нашлось. Убили всех жителей Доростола, еще оставшихся в живых. Всех пленных. Добили всех своих раненых. И сорок голов украсили тело Икмора.

Византийцы Цимисхия молча смотрели, ничему не препятствовали.

А киевские дружины прорвались к

Дунаю и от него прямым путем вышли на Днепр выше порогов. Здесь Свенельд их оставил, велел воеводам правым берегом идти к Киеву. И в одиночестве лесом прошел к Днепровским порогам. — Встречайте убийцу Киевской Руси. И ее королевы великой княгини Ольги.

— Встретим, великий воевода, — сказал княжич Бориська.

— Отец! — Руслан кинулся к Свенельду.

— Я спешу в Киев. Прости, сын.

— Без охраны не отпущу — решительно объявил хан Куря. И тут же отрядил свой личный конвой под своим личным стягом. Почтительно обнял воеводу, сказал начальнику конвоя:

— Левым берегом. До рубежей Киевской Руси.

Эпилог

На второй день после тризны Святослав вступил в переговоры с

Цимисхием. Он согласился уйти из Болгарии навсегда, оставив все захваченные селища. Он дал княжеское слово — никогда не воевать с Византией. В обмен на эти обещания потребовал свободного выхода своей дружины в Киевское Великое княжение. И Цимисхий согласился на этот договор, но попросил о личном свидании. Оно состоялось на берегу Дуная ниже Доростола. Князь Святослав прибыл на лодке, сам управляясь веслом. С Цимисхием был всего один человек. Историк Лев Диакон. Он и оставил в записях описание великого киевского князя Святослава.

«Святослав выехал на свидание на лодке один, ловко управляясь веслом. Заметно было, что он ранен. Святослав был среднего роста, не слишком высок, не слишком мал, с густыми бровями, с голубыми глазами, с плоским носом и с густыми, длинными, висящими на

верхней губе волосами. Голова у него была совсем голая, и только на одной ее стороне висела прядь волос, означавшая знатность рода. Шея его была толстая, плечи широкие, а весь стан довольно стройный. Он казался мрачным и диким».

Лев Диакон оставил и краткую запись беседы Цимисхия с великим князем Святославом. Как следует из нее, греческий полководец очень высоко оценивал и личное мужество Святослава, и его полководческий талант. В знак уважения к противнику разрешил русам увести с собою добычу и всех пленных, кроме византийцев. Болгар, венгров, македонцев, печенегов. И по русским обычаям справить тризну по погибшим вне территории собственно Византии.

На предоставленных греками ладьях русы сплавились на маленький островок в дельте Дуная. И началась широко описанная в

летописях того времени и запечатленная на полотнах художников небывалая по своему размаху и жестокости языческая русская тризна по погибшим боевым товарищам.

На этой тризне были заколоты все пленные и все женщины, бежавший с русами Калокир и юный христианин Глеб. А все дети утоплены в Дунае вместе с сорока черными петухами. Так великий князь Святослав прощался со своими боевыми друзьями, сорок восемь тысяч которых погибли у стен Доростола. Только после этой страшной тризны, продолжавшейся девять дней, Святослав повел свою дружину через Днестр к Днепру. По пути его потрепали печенегы, но он отбилсЯ, хотя многие из дружинников были ранены, и вышел к порогам Днепра. Здесь его давно ждали. Командовал засадой хан Куря, но печенегов с ним не было. Его орда мирно пасла табуны в степи, Святослава и остатки его дружины встретили только княжич радимичей Бориська

да воспитанник Свенельда Руслан.
— Князь Святослав мой! — крикнул
Бориська.

И, выхватив саблю, ринулся на
Святослава. Остатки изголодавшейся
и израненной дружины в поединок не
вмешивались, ожидая своей участи.
Счастье отвернулось от них, как
отвернулось и от их вождя.

Великий князь вяло отбивал удары
скорее по воинской привычке,
нежели стремясь спасти свою жизнь.
Он потерял ее смысл. Перестал быть
великим киевским князем, неразумно
раздав на уделы великое княжество
своим сыновьям. Он принес
неисчислимыя бедствия Руси, но был
сломлен продуманной стратегией
Цимисхия. Главное же заключалось в
том, что он утратил свою мечту —
так и не завоевал себе
собственного княжества, которое
получало бы из Византии золото, из
Венгрии — коней, а из Руси —
рабов. Все — прахом.

И княжич Бориська удачным выпадом
снес голову великого князя
Святослава с плеч.

— Голова твоя, хан, — сказал он Куре, обтерев саблю и кинув ее в ножны.

— Прими мою благодарность, — усмехнулся Куря. — Это дорогой подарок.

И повелел сделать из черепа Святослава чашу, из которой пил вино в торжественных случаях.

Так закончил жизнь один из самых выдающихся полководцев раннего Средневековья. Варяг не построил собственного государства, но погиб — как варяг.